

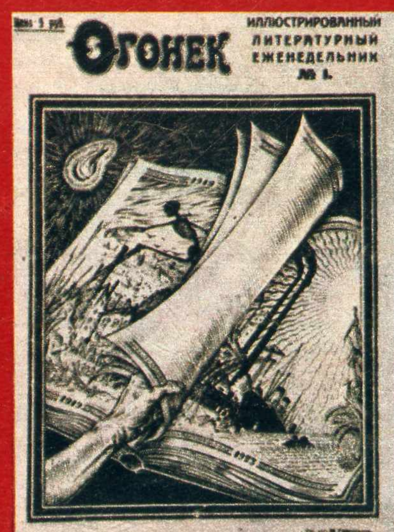

ОГОНЁК

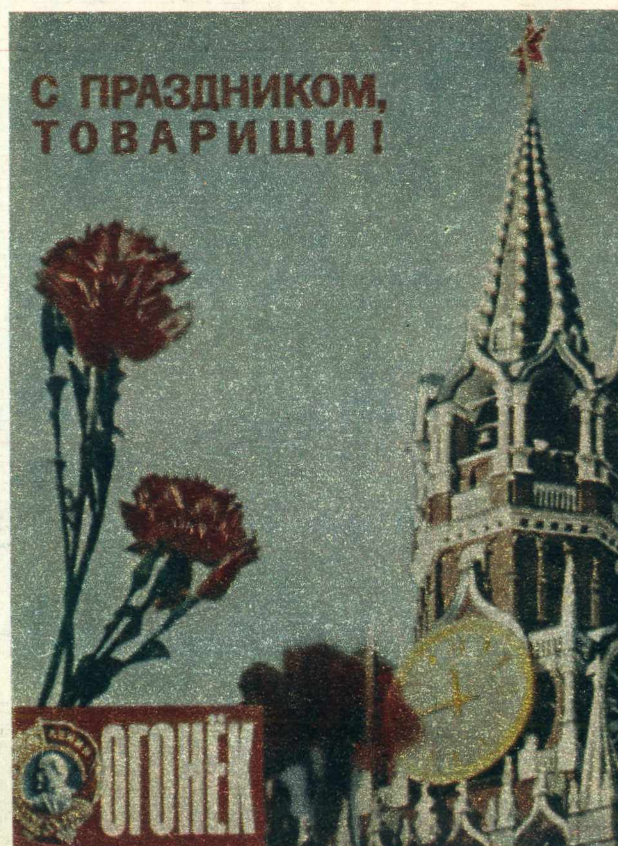
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

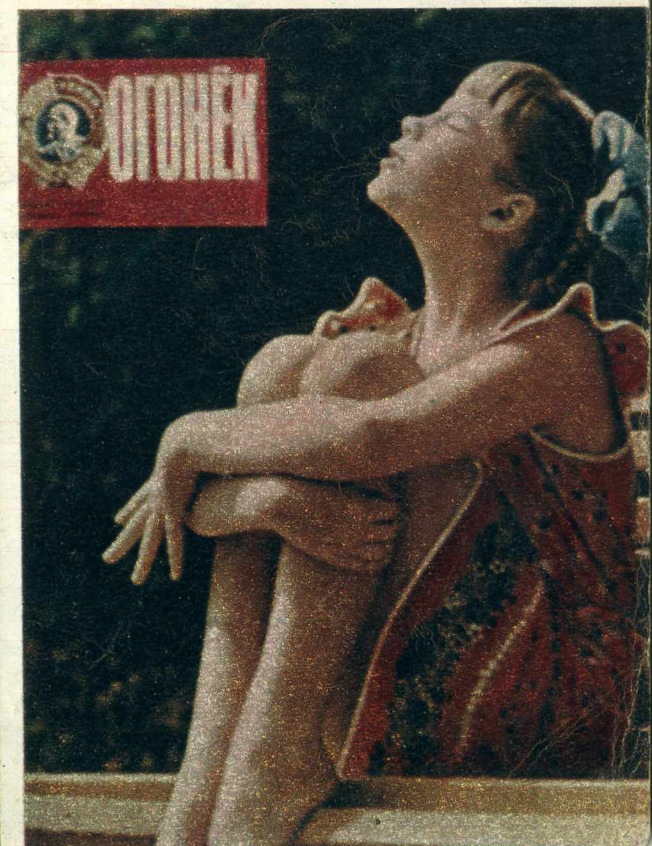
№ 14 АПРЕЛЬ 1983

1 АПРЕЛЯ 1923 ГОДА ВЫШЕЛ ПЕРВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Дважды Герой Социалистического Труда, бригадир горнорабочих очистного забоя шахты «Майская» М. П. Чих с внучкой Инной.
Фото А. Награльяна

Весна. Фото М. Савина

ФОТО НЕДЕЛИ

Солнечная тропа.
Фото З. Булгаковас.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

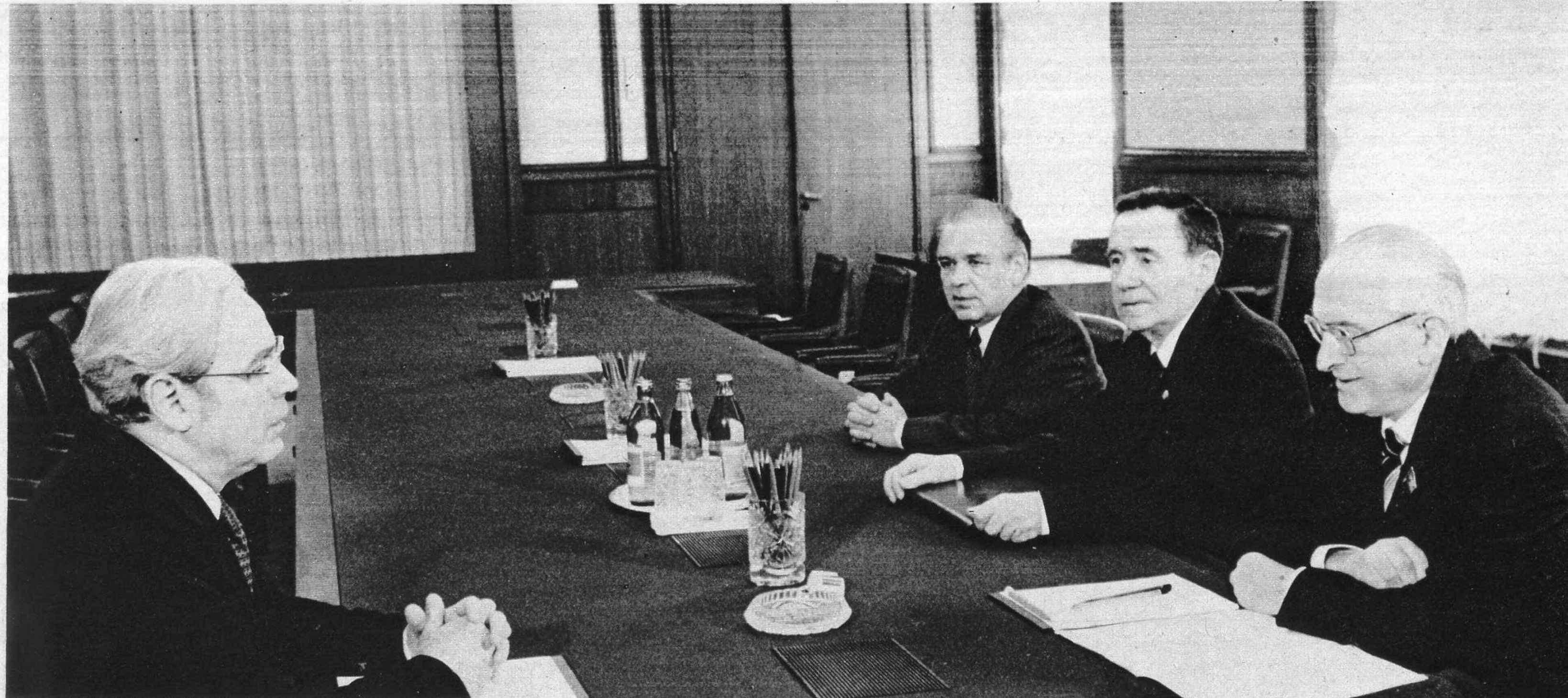
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (2907)

2 АПРЕЛЯ 1983

В НОМЕРЕ:

Во время беседы

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ПРИЕМ Ю. В. АНДРОПОВЫМ Х. ПЕРЕСА ДЕ КУЭЛЬЯРА

28 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов принял в Кремле генерального секретаря ООН Х. Переса де Куэльяра, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом. В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Беседа, прошедшая в конструктивной и дружественной атмосфере, касалась узловых проблем нынешнего международного положения и роли ООН в их решении.

Ю. В. Андропов отметил опасный характер сложившейся в мире обстановки, подхлестывания гонки вооружений, обострения международной напряженности. Он подчеркнул ответственность за сохранение мира, предотвращение ядерной войны, которая в этих условиях ложится на руководителей государств, а также на Организацию Объединенных Наций, и обратил внимание на широкий комплекс советских предложений, направленных на достижение этих целей.

Х. Перес де Куэльяр высоко оценил усилия Советского Союза по уменьшению угрозы ядерной войны. Он выразил твердое намерение способствовать повышению роли ООН в решении назревших проблем укрепления мира и безопасности и развития мирного международного сотрудничества. Обеими сторонами была подчеркнута важность увеличения вклада ООН в дело ограничения вооружений и разоружения.

В ходе беседы значительное внимание было уделено вопросам ликвидации существующих очагов напряженности в различных районах мира, особенно проблеме мирного урегулирования на Ближнем Востоке и путям нормализации обстановки вокруг Афганистана.

Особо была подчеркнута значительная роль, которую призвана сыграть ООН в оказании содействия борьбе народов за ликвидацию всех остатков и проявлений колониализма и расизма, в первую очередь на юге Африки.

Ю. В. Андропов подтвердил неизменность поддержки Советским Союзом усилий, направленных на повышение роли Организации Объединенных Наций в обеспечении международного мира и безспасности, в развитии мирного сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН.

Во встрече участвовали также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, постоянный представитель СССР при ООН О. А. Трояновский и заместители генерального секретаря ООН Б. Уркварт, В. А. Устинов и Д. Кордовес.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Юрий ПОПОВ

ПРИЗЫВ К БЛАГОРАЗУМИЮ

Одной из важнейших задач, стоящих ныне перед человечеством, является проблема сохранения мира и избавления от опасности новой мировой войны, которая неизбежно будет ядерной войной. Нет нужды говорить о том, что последствия такого конфликта будут иметь катастрофические последствия для всего живущего на нашей планете. Это ясно всем. И тем не менее вопреки элементарному здравому смыслу вашингтонские стратеги продолжают проводить свой жесткий курс, направленный на беспрецедентное усиление гонки вооружений, пытаясь добиться военного превосходства над Советским Союзом и всеми социалистическими странами.

Предлогом для этого они избрали примитивный, далеко не новый и высосанный из пальца аргумент о мнимом отставании уровня американских вооружений от военной мощи Советского Союза. Именно такими материалами насыщены сейчас многие журналы и газеты, выходящие в США. С речами подобного рода безостановочно выступают ведущие американские деятели, определяющие нынешнюю политику США, и в первую очередь сам американский президент Рональд Рейган. В начале марта нынешнего года он начал новый раунд своей кампании, в надежде, как отмечал журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «обезоружить растущее движение за замораживание ядерного оружия» в США. Выступая на собрании евангелистов в Орланде, он призвал присутствующих «молиться за то, чтобы не было такого замораживания». В конце марта он вновь выступил с пространным заявлением по вопросам военной политики с целью воздействовать на умонастроения в США, успокоить растущую там тревогу по поводу воинственного курса администрации.

Выступления американского президента обращены, конечно, в первую очередь к американскому народу. Но вместе с тем они не могут не касаться и других государств, поскольку затрагивают вопросы мировой политики, тем более что в своем стремлении обосновать гегемонистские притязания США американский президент допускает совершенно беспардонные извращения политики других стран и применяет, мягко говоря, нечистоплотные приемы.

Недавно были опубликованы ответы Ю. В. Андропова на вопросы корреспондента «Правды», в которых речь шла о последнем выступлении президента США и нынешнем курсе американской администрации. В этих ответах со всей четкостью и определенностью была очерчена действительная обстановка в вопросах, касающихся вооружений, и отмечалась опасность нынешней политики Белого дома для судеб мира.

Да, СССР укреплял свою обороноспособность. Советский Союз был вынужден делать это перед лицом лихорадочной деятельности США по развертыванию вблизи советской территории военных баз, а также в связи с созданием все новых видов оружия — как ядерного, так и другого. СССР был вынужден пойти на это, чтобы ликвидировать американское военное преимущество, по которому сейчас тоскуют в Вашингтоне. Достигнутый военно-стратегический паритет лишил США возможности шантажировать нас ядерной угрозой. Этот паритет, отмечал Ю. В. Андропов, надежная гарантия мира, и мы сделаем все, чтобы сохранить его.

Ответы Ю. В. Андропова на вопросы корреспондента «Правды» вызвали самый широкий отклик со стороны мировой общественности и прессы. Их лейтмотивом является мысль о том, что сегодня все усилия должны быть направлены на предотвращение ядерной катастрофы. В статьях ведущих обозревателей, в комментариях радио и телевидения отмечается, что достигнутый в настоящее время военно-стратегический паритет может служить надежной гарантией мира на земле.

Вот лишь некоторые из этих высказываний.

«Юманите диманш», Франция: «Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов выступил с призывом предотвратить ядерную катастрофу. Он решительно призвал США встать на этот путь».

«Файнэншл таймс», Англия: «Проблема заключается в том, что видение «мира по-рейгановски» никак не может способствовать превращению его в мир без ядерного оружия и, вероятнее всего, приведет к большей нестабильности в ядерном балансе».

Человечество отдает себе все больший отчет в том, что сегодня все усилия должны быть направлены к одному — предотвратить ядерную катастрофу. Как заявил Ю. В. Андропов, мы решительно призываем Соединенные Штаты встать на этот путь.

Ливанская трагедия продолжается

П. ДЕМЧЕНКО

Эта маленькая арабская страна с территорией всего 10 тысяч квадратных километров оказалась в последнее время в центре больших международных событий. Она стала ареной жарких сражений, происходивших прошлым летом да продолжающихся и сейчас, хотя и в меньших масштабах, сразу на нескольких фронтах.

Развалины бейрутских кварталов, сожженные деревни, жалкие лагеря беженцев, мины, взрывающиеся на дорогах, как и разноплеменные воинские части, буквально заполонившие страну,— все это сегодняшний день Ливана. А солдат из разных стран там действительно так много, что и форму-то их всех не запомнишь. Только в одном Бейруте можно встретить военных из ливанской армии, американской, французской, итальянской, английской. Кончаются американские посты в южных кварталах столицы, начинаются израильские. Еще южнее они перемежаются с заставами, над которыми развеваются голубые флаги ООН — это могут быть и австрийские, и перуанские, и непальские, и норвежские солдаты. А если ехать от Бейрута на восток или на север, то встретишь еще сирийских и палестинских бойцов.

Но и это не все. К подразделениям «официальных», что ли, армий надо прибавить еще отряды самозваной гвардии майора Хаддада, находящегося на израильском иждивении, а также различных религиозных общин и политических партий, все еще не сдавших властям оружие.

Военных, как видим, много накопилось в Ливане, много там сложностей и разногласий, но нет главного: нет мира и покоя, не восстановлена обстановка доверия между самими ливанцами. А пока продолжается израильская оккупация, будет продолжаться и вооруженная борьба против оккупантов.

Давайте попробуем разобраться в сложном клубке противоречий, образовавшемся на территории страны, которая еще недавно считалась на Ближнем Востоке одной из самых процветающих, своеобразным островом спокойствия на фоне бурных событий, потрясающих эту часть земли последнюю треть века.

Людям, посетившим Ливан лет десять назад, он действительно представлялся «земным раем», «ближневосточной Швейцарией». Зеленые горные долины и прекрасные средиземноморские пляжи влекли туда тысячи отдыхающих из опаленных неистовым солнцем городов Аравийского полуострова. Туристы из Европы и Америки летели в Бейрут на самолетах, плыли теплоходами, чтобы отдохнуть у теплого моря, поразвлечься в казино и кабаре, побродить среди тщательно оберегаемых развалин финикийских и римских городов, крепостей, воздвигнутых крестоносцами.

Но сегодня, оглядываясь назад, видишь сквозь пелену пронесшихся над Ливаном бурь, что все это было лишь внешним фасадом страны, политическое спокойствие в которой держалось на тоненькой ниточке. Причин тому несколько — и сначала о делах внутренних.

Прежде всего напомним, что Ливан — единственная из арабских стран, где примерно одинаковая численность как мусульман, так и христиан. С 1943 года, то есть со времени независимости, в Ливане была провозглашена политическая система конфессионализма — представительство в высших органах власти по религиозному принципу. Причем христианским общинам, особенно самой влиятельной из них — маронитской, были предоставлены определенные преимущества. Так, в парламенте на каждых 6 христиан приходится 5 мусульман. Президентом страны может быть только маронит, премьер-министром — мусульманин-суннит, председателем парламента — мусульманин-шиит и т. д.

В момент введения этой системы считалось, что такая политическая структура соответствует реальной численности отдельных религиозных общин. С годами соотношение изменилось в пользу мусульман, но пропорции представительства в органах власти сохранялись прежние, несмотря на требования ряда политических партий, профсоюзов, молодежных организаций изменить устаревшую систему. Особенно цепко за нее держались крупные феодальные роды и маронитская партия Катаиб, обеспечившие себе таким образом привилегированное положение в стране.

Израильские агрессивные войны против арабов сказывались на Ливане поначалу лишь в том, что на его территории появились палестинские беженцы. После 1967 года число их составило несколько сотен тысяч. В начале 70-х годов в Бейруте и его окрестностях обосновались руководящие центры Организации освобождения Палестины (ООП). Прогрессивные организации страны стали активно сотрудничать с ООП, поддерживая ее требование о создании на оккупированных землях независимого палестинского государства. Партия Катаиб и ее буржуазные союзники заняли иную позицию. Они напугались и того, что наплыв большого числа палестинцев резко меняет соотношение сил в стране в пользу мусульман, и роста влияния левых организаций, которые благодаря союзу с палестинцами получили преимущество на политической арене. Так сложилась обстановка, при которой в Ливане у палестинцев оказались и друзья и противники. Требования последних об уходе ООП из Ливана были активно поддержаны Израилем, который добивался и продолжает добиваться вообще ликвидации ООП.

К началу 1975 года обстановка в Ливане настолько обострилась, что разразилась гражданская война, в ходе которой переплелись и классовые антагонизмы общества, и религиозные, и столкновения отдельных феодальных кланов, и палестинский вопрос. Страна и даже ее столица оказались расколотыми на части. Чтобы развести враждующие стороны, в Ливан были введены войска Сирии и ряда других арабских государств. Они получили название сил по поддержанию мира и действовали под флагом Лиги арабских государств.

Оценивая эти события, не будем забывать о внешних факторах. А их несколько. Во-первых, в ходе гражданской войны Израиль сделал ставку на антипалестинские силы, рассчитывая на то, что им удастся выгнать ООП из Ливана. Расчет этот не оправдался. ООП вышла из событий окрепшей, увеличившей свой международный авторитет и позиции в Ливане.

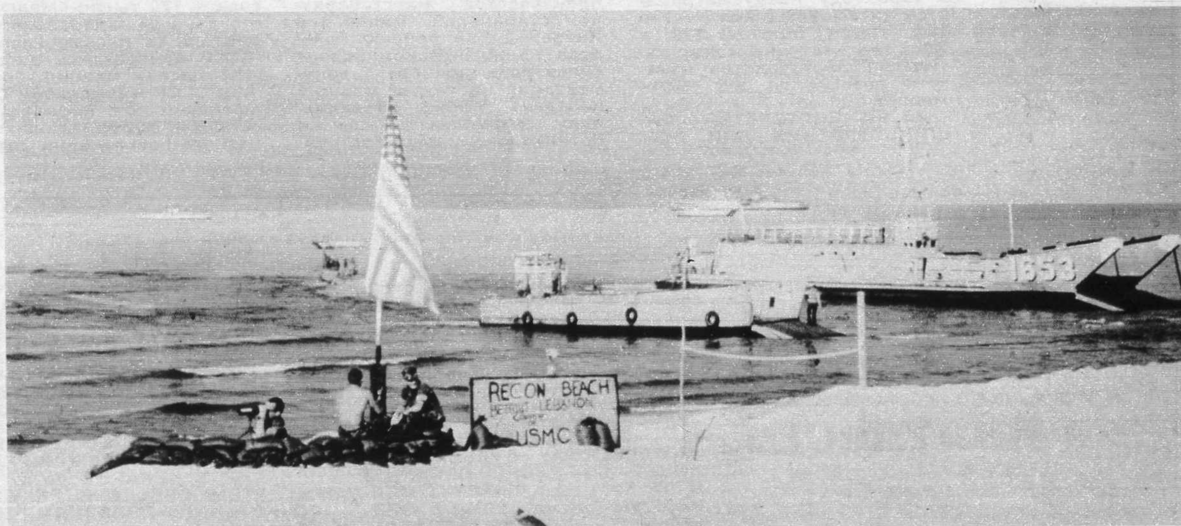
Что же касается Соединенных Штатов, то они давно зарятся на Ливан, занимающий важное географическое положение на стыке Азии и Африки, стремятся сделать его базой своего 6-го флота. В ходе гражданской войны Вашингтону также не удалось достичь своих целей. И вот дальнейшие события приняли еще более драматический оборот.

В марте 1978 года израильские войска оккупировали южные районы Ливана. Но задержаться там не удалось. Пришлось уходить, а для развода враждующих сторон ООН направила свои временные силы, которые до сих пор там и находятся.

Израиль жаждал реванша. 6 июня прошлого года он обрушил на Ливан крупные силы, оккупировал всю южную часть страны, сначала подверг жестокой бомбардировке Бейрут, а затем и захватил его. Оказав мужественное сопротивление агрессору, ООП была вынуждена покинуть Бейрут, хотя некоторые ее отряды и остались пока на ливанском севере.

При всей своей трагичности ливанские события подтвердили тот факт, что без предоставления четырехмиллионному палестинскому населению политических прав нельзя прийти к миру на Ближнем Востоке. И еще один вывод: палестинскую проблему нельзя решать силой, путем навязывания народу чужой воли. И тем не менее Израиль продолжает делать основную ставку на силу. Не сумев разгромить ООП в ходе военных действий, агрессор развернул сейчас кампанию жестокого террора и запугивания палестинцев как на ливанских оккупированных территориях, так и на землях, захваченных еще в 1967 году,— Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Агрессор явно намерен включить палестинские земли в состав своей страны и сохранить надолго, а может быть, и навсегда контроль над ливанским югом. Этого он упорно добивается в ходе проходящих сейчас ливано-израильских переговоров, в которых участвуют также и США. Лелеет Израиль и другую цель — вытеснить из Ливана сирийские войска и вообще держать Дамаск под своим постоянным нажимом. (Кстати, Сирия заявила, что выведет свои части тотчас же, как только из Ливана уйдет Израиль.)

Итак, ливанская трагедия продолжается. Тысячи людей, преимущественно палестинцев, томятся в израильских концентрационных лагерях. Страна расколота на части, многие ее районы оккупированы. Израиль не хочет уходить, американцы также пытаются поглубже закрепиться на ливанском плацдарме. А на дорогах то и дело рвутся мины, слышатся очереди автоматов. Это патриоты ведут партизанскую войну против захватчиков. Идет борьба за независимый, территориально объединенный, свободный от оккупантов Ливан.

На страже израильских интересов. Американские морские пехотинцы в Ливане. **Фото В. Ковната**

СЕВ В УЗБЕКИСТАНЕ

Подрагивают зарозовевшие урючины на обочинах хлопковых полей. Гул тракторных моторов оглашает сельские просторы Узбекистана, перекатываясь от южных рек Сурхандарьи и Кашкадарьи на север — к Зарафшану, Сырдарье, Чирчику. Посевная набирает силу.

Сеяльщики зорко следят за тем, как укладываются семена в землю, которую рыхлили, планировали, удобряли, насыщали влагой. А уж посевные агрегаты отлаживали так, чтобы строчки будущих ростков были идеально ровными — вроде стежков на одеяле.

А темп работы? Он тоже выше. Значит, раньше начнется вегетация и скорее созреет урожай.

— В ночь перед началом сева никак не мог уснуть,— говорит Нормурад Кулмирзаев, бригадир совхоза «Пахтакор» Сурхандарьинской области.— За три дня решили управиться на своих сорока семи гектарах!

«На своих»... Значит, убирать урожай не пришлому механизатору, а им самим. И доплату получать бригаде. И не надо было задавать вопроса, почему члены бригады взяли обязательство вырастить нынче по шестьдесят центнеров сырца с гектара! Да еще хлопка самого ценного — тонковолокнистого!

Первый секретарь Кумкурганского райкома партии, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета УзССР Чары Алматов подчеркнул:

— С внедрением безнарядной системы мы высвободили уйму времени на практические дела. Разговоры-уговоры о качестве работы на каждой агротехнической операции ни к чему. Их заменили конкретные дела рядовых земледельцев. Вон бригадиры того же совхоза «Пахтакор» М. Хазраткулов и Х. Алламурадов уже, как говорится, в затылок дышат Нормураду Кулмирзаеву. И по качеству сева и по темпам. Настоящее социалистическое соревнование — со старта!

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Жаркие дни весны. Фото Р. Джуманиязова

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ЗНАТОКИ И «МАЛЮТКА»

ВЫПУСК МАЛОГАБАРИТНЫХ СТИРАЛЬНЫХ МАШИН БУДЕТ УВЕЛИЧЕН, СООБЩАЕТ РЕДАКЦИИ ГОСПЛАН СССР.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ТОВАРОСБОРСТА М. М. ДАРБИНЯН ПИШЕТ ДАЛЕЕ:

Сводный отдел товарооборота Госплана совместно с отделом легкого машиностроения рассмотрел статью К. Барыкина «Знатоки и «Малютка» («Огонек» № 29, 1982 г.) и сообщает, что поднятый в ней вопрос об увеличении производства малогабаритных стиральных машин типа «Малютка» заслуживает внимания. Спрос на эту стиральную машину не удовлетворяется, и Минлегпищемаш как головное министерство не в полной мере использует предоставленные ему права по расширению производства малогабаритных стиральных машин.

С учетом острой необходимости в машинах «Малютка» в 1983 году предусматривается их выпуск в количестве 184 тысяч (против 120 в 1982 году) штук: к концу пятилетки производство намечено довести до 365 тысяч машин.

ИЗ МИНИСТЕРСТВА МАШИНОСТРОЕНИЯ ДЛЯ ЛЕГКОЙ И ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И БЫТОВЫХ ПРИБОРОВ СООБЩАЕТ НАЧАЛЬНИК ОБЪЕДИНЕНИЯ «СОЮЗЭЛЕКТРОБЫТ М А Ш» О. Н. ЧЕЛЯДНИКОВ: Автор статьи «Знатоки и «Малютка» справедливо ставит вопрос. «Основной причиной, сдерживающей развитие малогабаритных стиральных машин (на 1 кг сухого белья), является необеспеченность пластиком АБС, из которого изготавливается главная деталь машины — ее корпус... Минлегпищемаш неоднократно обращался в Минхимпром СССР и Госплан СССР с предложением об увеличении фондов на пластик АБС... Есть задание на увеличение поставки Минлегпищемашу этого пластика, однако это решение выполняется медленно». Аналогичные трудности имеются с обеспечением производства малогабаритных стиральных машин электродвигателями, которые должны поставлять предприятия Минэлектротехпрома,— пишет далее тов. Челядников. И еще: «В настоящее время ведется технологическая подготовка производства малогабаритной стиральной машины в Киеве, а в первую очередь на ждановском заводе «Электробытприбор», документация на такую машину передана также объединению «Армэлектромаш» и Воткинскому машиностроительному заводу. Дано указание о передаче конструкторской документации на малогабаритную стиральную машину объединению «Салаватнефтеоргсинтез».

К сожалению, тов. Челядников в своем письме не указывает сроков: когда новые малогабаритные стиральные машины появятся в продаже.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «УРАЛМАШ» Е. А. ВАРНАЧЕВ сообщил, в частности, что «Пермский электротехнический завод с большим вниманием относится к поставке электродвигателей для машины «Малютка». Поставка двигателей осуществляется не только своевременно, но и с учетом ежегодного увеличения объема производства...».

Тов. Варначев считает нецелесообразным организовать где-либо новое производство уже отработанной конструкции, аргументируя это тем, что на «Уралмаше» есть все возможности уже в этой пятилетке довести выпуск «Малюток» до 350—400 тысяч штук. План 1983 года — 170 тысяч «Малюток», по данным генерального директора (в письме Госплана СССР приводилась цифра — 184 тысячи машин). Госпланом СССР и Госснабом СССР, сообщает тов. Варначев, все вопросы материально-технического обеспечения для выполнения этого плана решены.

ОТ РЕДАКЦИИ. Значит, теперь от объединения «Уралмаш» и от плановых и снабженческих организаций зависит, как скоро будет ликвидирован разрыв между спросом на «Малютку» и его удовлетворением? 350—400 тысяч малогабаритных машин «Малютка» могли бы сейчас насытить рынок. Тем более, что к концу пятилетки могут появиться и новые мини-стиральные машины, те, о которых редакцию информировало письмо Минлегпищемаша. Ведь спрос на «Малютку» (хотя она, по мнению заместителя министра машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР В. С. Зайцева, не полностью отвечает современным требованиям), не уменьшается. Недостатки, которыми, по мнению заместителя министра, наделена «Малютка», будут устранены в новых базовых моделях малогабаритных стиральных машин.

Малогабаритная стиральная машина «Малютка» нужна — и вопросы ее производства надо решать, исходя из этого. Очевидно, следует прислушаться к мнению специалистов «Уралмаша», которые доказали, что умеют выпускать стиральные машины, пользующиеся неизменным спросом.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ВНЯТНОСТИ

Управляющий «Мосхлебторгом» З. В. Белоусова сообщила: «Мосхлеборг» ознакомился с репликой «О пользе внятности», напечатанной в журнале № 6 за 1983 год, и считает, что вопрос покупателем поставлен совершенно правильно. Дальше в письме говорится: «БУЛОЧНАЯ № 126 ПО ГОГОЛЕВСКОМУ БУЛЬВАРУ, 3, ИМЕЕТ ВО ДВОРЕ ПЕКАРНЮ № 37, КОТОРАЯ ВЫВОЗИТ МЕЛКОШТУЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ФИРМЕННЫЕ БУЛОЧНЫЕ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В РАЗНЫХ РАЙОНАХ ГОРОДА, А БУЛОЧНАЯ РЯДОМ НЕ ПОЛУЧАЕТ ПРОДУКЦИЮ, ВЫРАБАТЫВАЕМУЮ ПЕКАРНЕЙ, В НЕОБХОДИМЫХ ОБЪЕМАХ И АССОРТИМЕНТЕ. ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЖУРНАЛА И НЕОДНОКРАТНЫХ ПРОСЬБ ТОРГА РУКОВОДСТВО ХЛЕБОПЕКАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕШИЛО ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ВОПРОС ПРИКРЕПЛЕНИЯ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ К ПЕКАРНЕ № 37 С РАСЧЕТОМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БУЛОЧНОЙ № 126 ИЗДЕЛИЯМИ ИХ ПЕКАРНИ».

Немало времени потребовалось руководителям «Мосхлеторга», чтобы составить этот краткий, внятный ответ. Жаль только, что в нем обойден вопрос о булочной № 386, которая в журнале упоминалась вовсе не лестно. Впрочем, напомним завершающие строки из реплики «О пользе внятности»: «Захожу в булочную № 386 Сокольнической конторы «Мосхлеторга». На полках лежат черствые («Прошлогодние, что ли?» — ворчит один из покупателей) батоны; и полбуханки ржаного — тоже далеко не первой свежести, а мягкие булочки раскупаются быстро и охотно».

«ОГОНЕК» ДВАЖДЫ («МОРЕ УГРОЖАЕТ», № 25 ЗА 1972 ГОД, И «МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ», № 3 ЗА 1979 ГОД) ПИСАЛ О РАЗМЫВЕ ГРУЗИНСКИХ МОРСКИХ БЕРЕГОВ. МЫ БИЛИ ТРЕВОГУ. ЧТО ЖЕ ИЗМЕНИЛОСЬ С ТОЙ ПОРЫ?

Сперва коротко о сути проблемы. Ведь грузинские берега — определение в данном случае не столько национальное, сколько природное. А природа Грузии поставила эти берега очень близко к высоким горам, с которых стремительно несутся реки и волокут за собой обкатанные камни. Галька попадает в море, ее подхватывает вдольбереговое течение и распределяет по пляжу. Мудро распределяет уже миллионы лет. Морская галька становится защитницей суши от сильных штормов. Если гальки мало, море наступает, съедает пляжную зону, движется вглубь, захватывает землю-матушку...

А в каком случае гальки становится мало? Когда строители забирают ее из русел рек или прямо с морского берега; когда реки перегораживаются плотинами; когда в пляжной полосе, в ее подводной и надводной части строятся сооружения (портовый мол, стенка, навал из глыб, буна), задерживающие движение гальки вдоль берега или поперек пляжа. Такова суть.

НАДЕЖНЫЙ БЕРЕГ

Ия МЕСХИ

...Теперь же хочу рассказать, как увиделась с Энвером Эрастовичем Капбой. В первый раз, в начале 70-х, он показывал мне последствия сильнейших штормов на Пицунде. Курорт только становился на ноги, инженер Капба был его директором. Я видела развороченную набережную, массивные плиты, семиметровыми волнами доброшенные до рощи, груды гальки и битого стекла возле пансионатов. Шторм избивал Пицунду... И тогда уже было ясно: не строй на пляже, в береговой полосе, не мешай волне гулять по ее территории...

Потом Капба, будучи секретарем республиканского совета профсоюзов, руководил всеми курортами, ратуя за то, чтобы, прежде чем строить у моря, занялись состоянием берегов. Мы тогда встретились снова...

А недавно произошло событие, чрезвычайно важное и радостное для всех радетелей защиты морских берегов: в республике появилась «Грузморберегозащита». Первое в стране природоохранное научно-производственное объединение (НПО), которое и исследует процессы и производит работы, та самая фирма, создания которой добивался «Огонек». Генеральный директор НПО — кандидат географических наук Арчил Григорьевич Кикнадзе, человек, перебравший своими руками чуть ли не всю гальку в горных реках Грузии и на морских ее берегах, бил в одну точку: «Если мы, природоведы, знаем, как вылечить наши берега, мы сами и должны заняться лечением». И, напутствуя меня, посоветовал:

— В Гагре повидайтесь с первым секретарем Гагрского горкома партии Энвером Капбой. Он очень нам помогает...

И вот мы беседуем с Капбой. За дверьми кабинета уже «шумит прибой», собираются на совещание люди. А секретарь не без юмора повествует о том, как он приобрел для Кикнадзе еще одного сторонника берегозащиты.

— И кого бы вы думали? Министра энергетики и электрификации Петра Степановича Непорожнего! Есть за этим министерством грешок в нашей республике: плотина Ингурской ГЭС, из-за которой теперь возле устья Ингури размывается шестнадцать метров берега в год. Но это не впечатляло энергетиков. Впечатлило, когда в декабре восемьдесят первого в Гагре смыло берег у дома отдыха «Энергетик». Высотный корпус, построенный близ пляжа, чуть было не рухнул. И тут энергетиков проняло. Министерство отнеслось к нашим проблемам с большим пониманием, Оно помогло нам техникой, которая работает сейчас на «Грузморберегозащиту». Вот Владимир Михайлович Пешков, руководитель гагрского прибрежного стационара НПО, вам все покажет.

Что у Гагры болит? Что расшатало ее здоровье? Сначала строители вовсю гребли гальку из рек, что севернее курорта. И волновое течение, огибавшее мыс Гребешок, уменьшило порции гальки. Под самым Гребешком железнодорожники, чтоб защитить свое полотно, набросали на берег бетонные кубы. Защитить-то защитили, но снабжение галькой ухудшилось. Потом в самой Гагре перекрыли речку Жоэквару, и этот источник питания галькой закрылся. Пляжи стали утоньчаться. И вот тут начали лихорадочно строить по всему берегу стенки и буны (85 бун в Гагре!) — действовать на море с позиции силы. А оно этого не любит. Да и пользы от них никакой.

— Мы доказали,— говорит Пешков,— что единственно правильный путь — это создание искусственного пляжа, то есть отсыпки.

...Прошлый год был первым рабочим годом НПО. Кикнадзе решил главную ставку сделать на Гагру. Отсыпали в районе парка, где от пляжа осталась узкая бандероль. Сегодня смотрим: море уже отошло метров на двадцать. Очень энергично отсыпали около «Энергетика» — вырос пятидесятиметровой ширины искусственный пляж. То же у санатория «Украина», в районе овощного совхоза. С волнением ждали зимних штормов. И вот он разразился, семибалльный. Владимир Пешков метался по отсыпным участкам: как они себя поведут? Ему приходилось наблюдать разрушительные действия штормов. А сейчас, представьте, они не разрушали, а созидали!..

О Пицунде. Для работников НПО она начинается с устья левого берега Бзыби, реки, которая, собственно, и создала своей бурной деятельностью этот мыс. Едем к устью Бзыби. Долго идем по искусственному пляжу, мимо сосновой рощи. Еще в первые дни прошлого года этого пляжа здесь не было, ушли под воду две трети сосновых насаждений, некоторые дома поселка птицефабрики. Причина? Лет десять тому назад кому-то понадобилось отрегулировать русло реки. Поставили стенку на одном берегу, на другом. Бзыбь стала впадать в море не так, как прежде, что-то нарушилось. Поперек устья образовалась галечная коса, все наносы скапливались вправо от устья, а влево, к Пицунде, поток гальки почти прекратился.

Что сделала «Грузморберегозащита»? Баржами и автомашинами перебросили галечный материал с правого берега реки на левый, восстановили пляж возле устья. Одновременно в косе проделали искусственное русло, попросту прорезь. И коса сама по себе, со всеми своими галечными запасами, словно гигантская баржа, причалила к левому берегу, стала работать на Пицунду. Произошло чудо. Кто не был несколько лет на Пицунде, не узнает пляж в тихой бухте: подрос метров на пятьдесят!

...С Пицунды мы отчалили на научном судне «Вахушти Багратиони», ведомом многоопытным капитаном Шалвой Джакобия. Прошли перед глазами Мюссерские холмы. Мы приблизились к ним, чтоб представить себе, как здесь, в сотнях метров от берега, станет новый курорт на сваях. Именно так, как «камешки» около Баку. Строиться на берегу не разрешила «Грузморберегозащита».

Берега с моря кажутся не очень-то обитаемыми. Так оно и есть: незаселенных, неосвоенных курортных мест много. С «Вахушти» видно, как выходит к самой кромке, а потом ныряет вглубь железная дорога. Там, где она на берегу, пляжи завалены бетонными глыбами: дорога отчаянно защищалась. А рядом, на смежных участках, размыто.

Знаете, как нарастала общая протяженность размывов за последние двадцать лет? Сначала она составляла половину всего грузинского побережья, 155 километров. В 1969 году увеличилась до 183 километров, к 1980-му — до 223!

Но вот гагрские берега уже приходят в норму. Активизируются и остальные прибрежные стационары НПО.

Работа ученых-береговиков — это сплошные, порой нуднейшие подсчеты, промеры, лазания по речному и морскому дну, обследование подводных оврагов, каньонов, впадин. Руководитель аджарского прибрежного стационара НПО Ираклий Георгиевич Папашвили занимается этим со студенческой скамьи. Сейчас у него большие планы не только защиты крайне запущенных батумских берегов, но и создания здесь природопознавательных уголков. Тем временем в дельте самой камнеобильной реки Чороха заканчивают сборку земснаряда. Он будет перехватывать из реки гальку и перекачивать ее на батумские пляжи.

Мы беседуем с Ираклием Папашвили о Дмитрии Дмитриевиче Свищевском, замечательном русском инженере, погибшем в ленинградскую блокаду. Он жил в начале века в Батуми, ходил по этим берегам, исследуя наносы Чороха и составляя карты. Благодаря этим картам, а также фундаментальному его труду о разрушении морского берега у Батуми Ираклий может сегодня говорить: «А по Свищевскому урез берега в таком-то году там-то был такой-то...», что очень и очень важно для понимания процессов защиты берегов.

И еще Ираклий повез меня в село Адлия и ввел в дом, где живут два весьма пожилых человека — Николай Иванович Ерышев и Отлия Ричардовна Барто. Николай Иванович развернул начертанный на старинном батисте план казенного участка с домом, который в 1910 году приобрел его отец, военный врач. Участок занимал 4 десятины 1,822 сажени. Большой сад и пляж перед ним. Ерышеву было тогда тринадцать лет. Первый родительский дом уже давно унесло в море. Второй, переделанный из бани, последовал туда же. К третьему море уже почти подобралось. Когда начинается шторм, стариков забирают к себе соседи...

Ираклий показал Николаю Ивановичу место, где они начали отсыпку для стабилизации берега Адлии, и заверил, что море здесь не отхватит уже ни кусочка. Его слушали недоверчиво. Но с надеждой.

...В декабре прошлого года в Ялте состоялся симпозиум советских океанологов. И вот что записала в своем резюме рабочая группа «Морские берега» в адрес «Грузморберегозащиты»: «...2) Опыт организации НПО и результаты, полученные за первый период его деятельности, показывают, что данная форма управления всем комплексом береговых работ (исследования, проектирование, исполнение, контроль за состоянием берега и оценка эффективности применяемых мер) является наиболее рациональной и заслуживает широкого распространения».

А я все думаю: это прекрасно, сейчас многие поняли, что с морем не надо бороться, надо знать природу его берегов, помогать им.

• ПАМЯТНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕН • ДОБРОТУ НАДО ВОСПИТЫВАТЬ •

• ГДЕ ВЗЯТЬ СЕМЕНА? • КЕДР ТРЕБУЕТ ЗАБОТЫ •

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ БЕСЕДКА

Неподалеку от священного памятника русской воинской славы — панорамы «Оборона Севастополя 1854—1855 годов» — находился и знаменитый грибок-беседка, который в Крымскую войну числился по военным сводкам батареей № 2. Она стояла на мыске, выступавшем над Южной бухтой, и вела огонь по Зеленой горке и двум привокзальным балкам. Возможно, здесь, в тени грибка-беседки, обдумывался и писался первый рассказ Толстого...

В старинном путеводителе по Севастополю я читал, что грибок назывался еще «Мысом свободных размышлений»... Романтично!.. Значит, с давних времен севастопольцы любили это место, где собирались студенты и моряки, рабочие и профессиональные революционеры, писатели и философы, где читали подпольную литературу, листовки, звучали вольнолюбивые стихи Пушкина, Лермонтова, Шевченко...

Я вспоминаю рассказ давнишнего друга нашей семьи профессионального революционера К. С. Цитовича, который прибыл в Севастополь с заданием освободить из тюрьмы революционера В. А. Антонова-Овсеенко, приговоренного к виселице за попытку поднять восстание. По рассказу Цитовича, именно здесь, у грибка, вместе с секретарем подпольной газеты «Солдат» Анастасией Максимович обсуждался план взрыва севастопольской тюрьмы, благодаря которому были освобождены Антонов-Овсеенко и еще двадцать революционеров.

И еще вспоминаю старушку Ефросинью Ивановну Гросс. Она видела с Зеленой горки, что на парапете, у грибка, неизвестный матрос установил пулемет и поливал свинцовыми струями наступавших фашистов. Матрос прикрывал отход нашей части. И то ли вражья пуля скосила матроса, то ли кончились боеприпасы, он упал за парапет, скатился под откос, в балку и разбился насмерть...

Через много-много лет я вернулся в Севастополь и побывал на мысе, где стоял грибок. Не было ни грибка, ни даже парапета. Вокруг все захламлено, поросло кустарником. Хождение по исполкомовским учреждениям ни к чему не привело: зеленхоз имел свои планы насаждений и о восстановлении памятника «не могло быть и речи».

В своей книге о Севастополе «Родные берега» (изданной в Киеве) я опубликовал новеллу о грибке. Она была перепечатана в областной газете... И посыпались ко мне десятки писем, звонили по телефону, писали письма в редакции. Старожилы-севастопольцы настойчиво требовали восстановить дорогую реликвию — грибок, который, как и Памятник затопленным кораблям, можно считать эмблемой города.

В 1983 году вся страна будет отмечать славный юбилей — двухсотлетие основания Севастополя. Настало время восстановить севастопольский грибок. Это наша святая обязанность перед защитниками города в прошлом и в нашем веке.

Ник. ПОЛОТАЙ,
писатель,
уроженец Севастополя

Таким был севастопольский грибок-беседка.

ВЕЖЛИВЫЙ ВОДИТЕЛЬ

На днях ехала я трамваем № 23 из Салтовского массива в сторону Тракторного завода. Только зашла в вагон, услышала приятный голос: «Следующая остановка — шестьсот шестой микрорайон». Вагон тронулся, водитель продолжал: «Уважаемые пассажиры, будьте взаимно вежливы. Уступайте место престарелым, пожилым и пассажирам с детьми. Помогите закомпостировать талоны». Через одну остановку наш водитель обратился к нам: «Уважаемые пассажиры, соблюдайте правила уличного движения, переходите дорогу только в обозначенных местах. Не подвергайте свою жизнь опасности». Проехали еще немного, и вновь голос из микрофона: «Уважаемые товарищи, наш город борется за звание образцового. Соблюдайте чистоту и порядок в вагонах трамваев, троллейбусов, на улицах и в общественных местах города. Не проходите мимо нарушителей общественного порядка». Может быть, то, о чем я пишу, мелочь, но как приятно слышать вежливый, спокойный голос человека, который заботится о тебе в поездке, напоминает о правилах поведения в обществе. Пожалуй, не часто слышишь в трамвае такой тон и такое деловое обращение к пассажирам. А как необходимы подобные напоминания. Однажды в метро около меня сел мальчик лет 12—13, а рядом стоял дедушка. Когда я шепнула на ухо мальчику: «Уступи свое место»,— он ответил: «Нет, я устал после тренировки». И продолжал сидеть. На другой станции в вагон вошла пожилая женщина с корзиной, бидоном и полной авоськой; тяжело согнувшись, стала около сидящей девушки. Та тоже не шелохнулась, а я опять не промолчала и тихонько спросила: «Девушка, скажите, у вас есть мама?» Она удивилась, но ответила: «Да, есть. А что такое?» А я ей говорю: «А если бы ваша мама вот так стояла бы перед вами, вы бы тоже сидели?» Она покраснела и уступила место бабушке. Та села и заговорила со мной. Рассказала, что у нее болят ноги, что она едет к сыну, провожать внука в армию, везет гостинцы из деревни. И я подумала: уж очень огрубели молодые люди. Видно, хорошая, беззаботная жизнь требует большего нравственного воспитания людей. Надо чаще учить молодежь уважать старших и быть добрыми, ибо доброта — лучшая черта характера человека.

Г. КОЗАК

Харьков.

ЗА МОРЕМ ТЕЛУШКА — ПОЛУШКА...

Решение Продовольственной программы — долг не только колхозов и совхозов, предприятий, связанных с выпуском и хранением продовольствия, но это касается и нас, владельцев садовых приусадебных хозяйств. Правда, они небольшие, всего 4—5 соток, однако подспорье тоже неплохое. Но вот беда — нет хороших сортовых семян. Покупаешь книги по садоводству и огородничеству, читаешь статьи, в которых есть рекомендации по выращиванию наиболее урожайных сортов. Помню в «Огоньке» статью Г. Аловой о работах Бирюлевского НИИ садоводства Нечерноземной полосы (№ 32, 1982 год). Читал и восхищался, какие замечательные сорта земляники, облепихи, смородины там выращивают.

Но где они? Видно, дальше статей дело не идет. Ведь ни в одной из них, к сожалению, нет рекомендаций, где купить то, что так расхваливается в книгах, статьях.

Я ищу облепиху уже целый год. Отозвался один Барнаул. Оказалось, что весной там можно купить ее. Но тут вспоминается пословица: «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз». Обращался в Бирюлевское НИИ Нечерноземья — молчат.

Очень много писали и о всякого рода удобрениях, средствах борьбы с вредителями. Не подумайте, что я против пропаганды всего нового, передового, что изобретают наши ученые. Просто хотелось бы, чтобы новинки эти быстрее доходили до потребителя, до нас, производителей пусть малой толики плодово-ягодной продукции, и чтобы нам, садоводам, не приходилось рыскать по всей стране в поисках хороших сортовых семян.

Н. СЫРЬЕВ

Витебск, ул. Горького, 134, кв. 16.

ЛЕС ИЩЕТ ХОЗЯИНА

Еще полвека назад кедровые леса сплошь покрывали сопки в Приморском и Хабаровском краях. Богатство это казалось неистощимым. Хотя и сейчас около четырех пятых всех кедровых лесов планеты растет на территории нашей страны, положение складывается довольно тревожное. Теоретически они должны использоваться всесторонне: тут и сбор орехов, грибов, ягод и заготовка живицы, лекарственного сырья, производство хвойно-витаминной муки, добыча и разведение пушнины. Главное же — уход за лесом.

Что же мы видим на деле? Взять, например, Кедроград. К сожалению, он, как и многие комплексные хозяйства Сибири и Дальнего Востока, превращается в обычное лесозаготовительное предприятие. Из года в год не выполняются планы по заготовке лекарственного сырья, в частности таких даров кедровых лесов Сибири, как бадан толстолистный, розовая родиола, уклоняющийся пион, левзея сафлоровидная.

Стабильных урожаев ореха кедра мы тоже давно не имеем, так как порубки велись зачастую на самых доступных, лучших кедровых массивах. Лишь мизерная их часть, вблизи поселков, может еще служить эталоном высокоурожайных лесов. Каков же выход из создавшегося положения? Здесь четко просматриваются два генеральных направления: всемерное сохранение наиболее производительных, высокоурожайных естественных массивов кедра и создание новых чистых массивов в смешанных лесах, где кедр есть лишь в главном ярусе или подросте. В Сибири и на Урале есть не менее пяти миллионов гектаров таких легкодоступных, освоенных, смешанных лесов, где в основном ярусе или подросте растет кедр. Кедр этот требует срочного ухода.

Таким образом, решение проблемы кедра — не только в сбережении лучших кедровых лесов с целью их интенсивного использования, но и расширение их площадей путем реконструкции малоценных некедровых лесов, расположенных, как правило, в лучших природных условиях, для создания чистых высокоурожайных кедровников — рукотворных кедросадов.

Главная идея Сибирского кедросада заключается в том, чтобы немедленно дать простор кедру, растущему в основном ярусе. Здесь он часто достигает возраста 30—40, а то и ста лет. Так мы уже в ближайшие годы создадим чистые плодоносящие леса, что позволит наладить промышленные урожаи орехов на десятилетия раньше, нежели при создании кедровых лесов посадкой, что часто практикуется в настоящее время. Да, именно реконструкция малоценных лесов должна получить преимущественное развитие. Именно этот метод наиболее экономичный и во многих отношениях более перспективный.

Для осуществления этой идеи потребуется определенная перестройка предприятий как лесной промышленности, так и лесного хозяйства. А главное — нужна будет большая помощь всего населения. Наверное, соответствующим ведомствам и министерствам стоит подумать о закреплении определенных участков леса за промышленными предприятиями и организациями, учебными заведениями, школьными лесничествами. Тогда у кедрового леса появится свой хозяин, который будет и ухаживать за ним и рачительно использовать его бесценные дары.

Г. СВИРИДОНОВ,
кандидат биологических наук

Томск.

Высокой производительностью решил отметить праздник труда — Всесоюзный коммунистический субботник в ознаменование 113-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина — коллектив станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе (Москва).
На снимке: бригада электромонтажников — П. И. Ткаченко, А. Т. Корнеев — бригадир, О. Н. Семенов, А. Н. Домашенко, Н. В. Левин и Е. Г. Разгонов.
Фото Дм. Бальтерманца

ВЕРТОЛЕТ-СТРОИТЕЛЬ

Над зеленой щетиной тайги, словно огромная птица, плывет вертолет, и плывет подвешенная к нему опора будущей ЛЭП. Еще недавно такую картину можно было увидеть над Кузнецким Алатау. Сейчас гула вертолетов не слышно. Они улетели. Линия электропередачи напряжением 500 киловольт соединила Саяно-Шушенскую ГЭС с крупным промышленным центром Западной Сибири Новокузнецком.

Как в песне поется, ЛЭП-500 оказалась не простой линией, особенно ее западный участок, проходящий через Кузнецкий Алатау. 22 горные речки, 59 ручьев и проток, перепады высоты от 640 до 4 тысяч метров — все это надо было преодолеть работникам новосибирского треста «Сибэлектросетьстрой». На помощь им пришли летчики Западно-Сибирского управления гражданской авиации. На вертолетах в труднодоступные районы перебрасывались опоры, арматура, продукты питания...

Авиаторы по праву разделили со строителями большой трудовой успех. Линия электропередачи Саяно-Шушенская ГЭС — Новокузнецк поставлена под промышленную нагрузку.

М. ЩУКИН,
собкор «Огонька»

БАРС И КОЗЕРОГ

По тропе снежного барса решили пройти известные в Казахстане создатели научно-популярных фильмов о животных Лариса Мухаммедгалиева и Вячеслав Белялов. Высоко в горах охотники поймали редкого зверя и привезли на съемочную площадку — живописный уголок Заилийского Алатау, огороженный забором шестиметровой высоты. Первый день барс осваивался: протоптал и пометил, как это делают коты и собаки, свои владения, тропу к горной речке, место водопоя, площадку для отдыха и приема солнечных ванн. Его потихоньку снимали из замаскированного шалаша, но ударным кадром должна была стать сцена охоты на козерога. И вот наступил этот день. Козерога выпустили в загон, тот с перепугу помчался прямо на барса, но хищник, лежа на солнышке, даже с места не двинулся. Два дня жили они вместе в одном загоне, потом барсу надоело это соседство, и он решил... уйти. Козерог изумленно смотрел, как барс легко взлетел на шестиметровый забор и стоял там, балансируя на проволоке, словно заправский циркач. Эту картину, к счастью, увидел и оператор Белялов. Он побежал к барсу, громко крича, и тот спрыгнул обратно в загон. Но от принудительной охоты барс по-прежнему отказывался. Пришлось выпустить его, чтобы не умер с голоду...

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

АРБИТР

Юной девушкой пришла Лариса Бериева работать на тихую должность делопроизводителя кафедры борьбы в Грузинский государственный институт физической культуры. И не чаяла, не гадала сама, что так увлечется этим чисто мужским видом спорта, проявит в нем с годами столь незаурядную осведомленность, что Спорткомитет СССР присвоит ей высокое звание арбитра всесоюзной категории по борьбе.

Случилось это 20 лет тому назад, в 1963 году. К тому времени Бериева, работая в институте, там же и училась заочно, а потом и защитила диплом. И с того самого времени по сей день остается единственной в стране женщиной — арбитром по борьбе.

— Лариса Александровна, вы выходите на ковер или на татами?

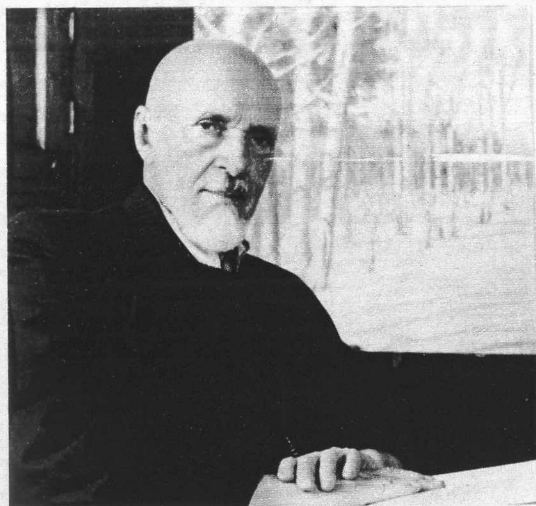
— Нет. Я являюсь неизменно главным секретарем соревнований.

— Каких именно?

— Обслужила двадцать два международных соревнования по вольной борьбе и четырнадцать по дзюдо. А сколько чемпионатов, турниров и спартакиад в разных городах страны — не считала.

Ларисе Александровне уже 57 лет. Сейчас она включена в судейскую коллегию республиканской спартакиады по борьбе самбо. А летом собирается в Москву на всесоюзную Спартакиаду народов СССР.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР — 225 ЛЕТ. МНОГИЕ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЕ ХУДОЖНИКИ БЫЛИ ЕЕ ДОСТОЙНЫМИ ЧЛЕНАМИ. ВЕСЬ ЭТОТ ГОД «ОГОНЕК» БУДЕТ ШИРОКО ОТМЕЧАТЬ СЛАВНУЮ ДАТУ. СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ — СТАТЬЯ И ВКЛАДКА ПОСВЯЩЕНЫ ТВОРЧЕСТВУ ОДНОГО ИЗ ВИДНЕЙШИХ АКАДЕМИКОВ ЖИВОПИСИ — КОНСТАНТИНА ФЕДОРОВИЧА ЮОНА.

КОНСТАНТИН ЮОН

Юрий БЫЧКОВ

Неповторим, светел и радостен живописный дар Константина Федоровича Юона. Юоновская Москва. Юоновская провинциальная Русь. Юоновские зима, весна, Подмосковье. Этому большому художнику довелось сделать много открытий в живописи. Един, велик и прекрасен упоительный мир картин Юона, проникнутых любовью к русской земле. Недаром побывавший в нашей стране бельгийский поэт Эмиль Верхарн сказал, что для него Россия ассоциируется с живописью Юона. Как на прилетающих в мартовские дни вестников весны — грачей мы смотрим глазами Саврасова, как осень видится нам золотой благодаря живописи Левитана, так по-юоновски мы глядим и не наглядимся на ни с чем не сравнимую русскую красоту. Картины художника возбуждают патриотические чувства, в них великолепным образом проявилось, расцвело национальное самосознание.

«Самое большое значение в течение всей жизни имела для меня любовь к Родине в самом широком смысле слова. Любовь не только к ее природе и городам, но и к народу с его историей, бытом, творчеством, с его мудростью питала и до сих пор питает всю мою работу... Мне казалось, что если я буду писать случайные картины на разные сюжеты, то это будет не то, и я искал, как бы органичнее связаться с жизнью, чтобы в каждой вещи по возможности звучало то, что я определяю словами — любовь к Родине. Хотелось найти в своем искусстве наиболее притягательное, наиболее любимое и поэтическое в русской жизни, в русской природе»,— говорил на встрече со студентами московских вузов Константин Федорович, и собравшиеся в одном из залов Третьяковской галереи будущие художники восторженно его приветствовали.

Весь жизненный путь мастера тесно связан с Москвой. Привязанность к истории и историческим памятникам воспитана в нем Лефортовом, насыщенным преданиями и памятниками петровской эпохи. Здесь он прожил от пятилетнего возраста до поступления в Училище живописи, ваяния и зодчества.

«Исторические памятники лефортовской окраины и в особенности живописные объекты Лефортовского парка с берегами Яузы были первыми предметами моих изображений»,— вспоминал он на склоне лет.

Конечно же, дело не ограничилось только этими красотами и реликвиями. Его постоянно влекло к Кремлю, к стенам Китай-города, к древностям окрест Москвы. Собственно, тяга к памятникам архитектуры и привела Юона в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Его увлекала мечта о «разработке новых архитектурных форм», однако в процессе учебы «краски перетянули», и он стал живописцем.

В русском искусстве последняя треть XIX века прошла под знаком освоения открытий импрессионистов, но это не перечеркивало отечественных реалистических традиций. Серов, учитель Юона, требовал быть верным национальной художественной культуре: «В России жить, так русским и быть». Помня о содержательности, молодой художник смел в разработке формы, современен. Локальный цвет, солнечный свет и воздух — притягательная основа живописи, обретенная им в процессе юношеских поисков. Уже в 1898 году экспонируются его работы, в которых привлекает светоносность. В 1900 году Третьяковская галерея приобретает у него акварель «У Новодевичьего монастыря весной».

Найти себя в искусстве для начинающего мастера — задача первостепенная. Юон обрел уверенность в истинном своем призвании, как он выражался, «методом от противного». Он отправился на Кавказ, в Сухуми, чтобы увидеть там новые формы и краски. Прожив в Сухуми целое лето, он с особенной ясностью понял, что свое художническое счастье ему надо искать не на юге, а «на своей родине, где каждая березка и избушка, каждая мелькнувшая фигура понятны и любимы». Вернулся домой в приподнятом настроении. Собрался и уехал в Нижний Новгород. Почему именно в Нижний? Его увлекали в то время рассказы Горького.

Подлинно народный дух Нижнего Новгорода захватил Юона. Много лет спустя он вспоминал: «Почти каждую картину народной жизни мне хотелось писать...» Впоследствии художник приезжал в этот город вновь и вновь. Его тянуло к далеким и манящим горизонтам, к водным просторам, открывавшимся от подножия крепостных стен Нижегородского кремля.

Еще глубже поразили, потрясли Юона архитектурная гармония, колористическое богатство ансамбля Троице-Сергиевой лавры. Наяву предстало перед ним то, что грезилось воображению: красочные сочетания, насыщенная цветовая гамма, выражавшие национальное эстетическое сознание с наибольшей яркостью. Великолепное сочетание архитектурного пиршества и красочного, яркого быта предлагало ему мотивы, находившие горячий отклик в душе. Отныне творения зодчих древности он не мыслит без колоритных сцен русской жизни.

Открытие, сделанное под стенами Троице-Сергиевой лавры, он проверяет в последовавших одна за другой поездках в Торжок, Ростов Великий, Углич. В этих городах он много пишет под открытым небом, установив легкий и складной мольберт на площади, обочь дороги. Вокруг художника тотчас собиралась толпа зрителей, которые восхищенно следили за каждым ударом кисти. «То обстоятельство, что мне приходилось много писать в городах, на площадях и на улицах, сблизило меня с народом. Кремлевские и монастырские стены, которые я писал, без людей мне не мыслились. В живых современных сценах у подножия исторических сооружений я видел органическое продолжение былой жизни русского народа. Изображение этих живых сцен с натуры гораздо ярче передавало дух истории и дух народа, чем если бы я стал какую-нибудь историческую вещь компоновать. Всюду я искал русский народный неповторимый стиль и характер красок и форм...»

«Мне сейчас хорошо,— пишет художник из Ростова Великого дочери Павла Михайловича Третьякова А. П. Боткиной.— Воскресенье. Светит солнце сильно и ярко; звон густой; я это люблю. Доживаю последние дни в Ростове. Работал запоем, непрерывно и с надеждой на свои будущие холсты и тем отчаянно неприятным чувством, когда вы уже видите грубые результаты своих надежд».

В полотнах ростовского цикла («Ворота Ростовского кремля», «Зимнее солнце. Берег озера», «Ростовские соборы», «Синий день. Ростов Великий») Юон с упоением показывает слитность, внутреннее единство отечественной архитектуры с русской жизнью, природой. Сама эта мысль открылась и вызрела в его поездках по старым городам, где строкам каменной летописи веков минувших вторит живой говор более поздних строений, где далекое прошлое и сегодняшний день образуют прочный сплав. Не о том ли добродушно говорил Пушкин: «Там русский дух... там Русью пахнет!» Живописец постигал исконную красочную, поэтическую структуру быта, держа в памяти исторические картины Рябушкина — редкостные по силе проникновения этого художника в далекую эпоху, сопоставлял архитектурные ансамбли родной Москвы с научно-художественными реконструкциями Аполлинария Васнецова, ставил себе в пример живописную щедрость Сурикова. Он был очарован Москвой и только что открытой им для себя провинцией — миром, в котором столько радующей его сердце красоты. Момент первооткрытия датирован: 1900 год, рубеж девятнадцатого и двадцатого веков, поры ученичества и начала самостоятельной творческой жизни.

...В солнечный день раннего мая, когда только что заполыхала по земле первая яркая зелень и вот-вот лопнут почки на деревьях, вдоль величавой и нарядной крепостной стены Новодевичьего монастыря, на ходу беседуя, неторопливо идут две женщины, одна из них в монашеских одеждах. Эта акварель — «У Новодевичьего монастыря весной»,— созданная в 1900 году, заключает в себе все три составляющие, три действующих «лица» будущих знаменитых картин Юона: архитектуру — свидетеля истории, природу и людей, живущих в органичной для них природной и архитектурной среде.

Казалось, чего проще. Устанавливай переносной этюдник на Красной площади, или у Нижегородской крепостной стены, или у дороги, по которой тянутся к Троице-Сергиевой лавре с ее роскошеством форм и красок незатейливые сани, расписные возки, и переноси на холст открывшееся твоему взгляду.

Постепенно вырабатывается звучный, мажорный юоновский живописный язык. Молодой художник много, увлеченно писал на пленэре. Работая зимой 1906 года в Ростове Великом, он разрабатывает тончайшие градации синего цвета в тенях на снегу, в сумеречном освещении. Летом следующего года пишет этюд-картину «Голубой куст», разрешая свето-воздушные и цветовые задачи, постигая интенсивность звучания голубых и зеленых тонов. Этот импрессионистический урок, конечно же, обогатил, сделал современной палитру живописца.

Период овладения мастерством и, главное, «темой большого, здорового, чисто русского веселья» (выражение А. Бенуа) завершился

К. Юон. 1875—1958. ВСТУПЛЕНИЕ В КРЕМЛЬ ЧЕРЕЗ ТРОИЦКИЕ ВОРОТА. 1927.

Государственный музей Революции.

К. Юон. ПРАЗДНИК КООПЕРАЦИИ В ДЕРЕВНЕ. 1928.

Государственная Севастопольская картинная галерея.

в 1910 году созданием картины «Весенний солнечный день», исполненной душевной бодрости и пьянящей веселости. Залитый солнцем, ликующий, заснеженный Сергиев посад, многоцветье колоколен и крыш, устремленных ввысь, тянущиеся к свету деревья, грачи на ветках берез, резвящиеся дети: на переднем плане две девушки, как два цветка — алый и лазоревый; голубые в легких облачках небеса. В мире торжествует весна света. Пятна цвета, как звонкая мартовская капель. По сравнению с ранними работами палитра живописца стала ярче, светлее. А его персонажи — женщины и дети, близкие героям суриковских картин типичностью лиц и стати, смело смотрят на зрителя.

Всю долгую жизнь он был звонкоголосым певцом древней столицы. С увлечением писал народные гулянья, ночной город, Красную площадь, виды Кремля, московские окраины; вербные базары с их весенним веселым гомоном и звонкостью красок — они устраивались на Красной площади. И не эти ли впечатления дали ему повод много лет спустя написать: «Связь древнерусской архитектуры с народной жизнью и предметами быта изумляет высоким чувством декоративного, выдержанностью в едином духе и стиле до мельчайших деталей...»

Еще один пласт творчества Юона — пейзажная лирика. Основным источником пейзажных мотивов для художника была подмосковная деревня Лигачево, где, построив дом-мастерскую, он обосновался с 1908 года. Многие знаменитые картины и почти все зимние пейзажи написаны здесь. «Высшее счастье живописца — петь красками»,— говорил мастер. На его холстах торжествует, царит жизнь, наполненная светом и радостью. Художник освобождает зримую красоту мира от случайных настроений, утверждает подлинную ценность жизни. Он заставляет нас видеть намного больше, нежели видим мы сами. Жажда праздничности роднит его с народным творчеством. Она и в кружеве теней берез, изумрудных летом и синих зимой, в белых барашках облаков, в золоте солнечных бликов, в россыпи стада на траве, в пестром мелькании бабьих и девичьих платков.

...В октябрьские дни 1917 года Юон оказался очевидцем революционных боев. Одним из первых он вошел в освобожденный от юнкеров Кремль. Эти наблюдения легли в основу бесценных своей достоверностью акварелей «Перед вступлением в Кремль. Никольские ворота» (1926) и «Вступление в Кремль через Троицкие ворота» (1927). Революцию живописец принял полностью и безоговорочно. На смену старому шла новая жизнь, и в ней умный, зоркий художник старается найти яркие декоративные стороны. Он увековечивает в живописи военный парад на Красной площади, состоявшийся 7 ноября 1922 года, создает феерические фантазии-аллегории «Новая планета» (1921), «Симфония действия» (1922).

В двадцатые годы мастер проявляет живой интерес и пристальное внимание к образу человека: портрет занимает важное место в его искусстве. Поэт русской провинции отступает, на первый план выходит прозорливый художник, который через образ нового героя утверждает ведущие идеи эпохи. «Ариша-делегатка» (1925) — первый подход к теме. Героев и, главное, задорный, созидательный настрой он находит в ставшем родным Лигачеве. Жизнь окрестных сел дала ему материал и для картины «Праздник кооперации в деревне» (1928), где поэтическое звучание цвета воспевает новый день. Полотна «Сени» (1929), «Сестры-комсомолки» (1929), «Молодые. Смех» (1930), так же как «Первые колхозницы», замечательны неиссякаемым зарядом социального оптимизма. Постоянная задача Юона в искусстве — стремление к гармонии человека и мира — находит в этих работах убедительное, впечатляющее разрешение. «Мы наш, мы новый мир построим» — своим обликом утверждают юные героини художника.

Когда началась Великая Отечественная война, художник-патриот не покинул родной Москвы. Суровый облик осажденной полчищами фашистов столицы запечатлен на полотне «Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года». Величаво-монументальна эта картина. Взгляд с высоты птичьего полета позволяет разом охватить всю Красную площадь: стены и башни Кремля, Мавзолей, четкий строй идущих по заснеженной брусчатке батальонов, собор Василия Блаженного, заводские трубы Замоскворечья, огромное небо в облаках, вторящих волнообразному ритму движения войск. Суровая атмосфера военной поры с потрясающей силой запечатлена и в пейзаже «Зимний рассвет» (1944). Художник будто говорит: близок рассвет — близка долгожданная Победа.

Возвращение советских людей к созидательному труду, мирной жизни символизирован прекрасный пейзаж-картина Константина Федоровича «Утро индустриальной Москвы». «Много лет,— писал Юон,— меня преследовало желание посредством живописи опоэтизировать индустриальный труд. В 1949 году я осуществил мечту, написав картину «Утро индустриальной Москвы». Сквозь старые высокие деревья — остатки какого-то сада,— на фоне зимнего восходящего солнца открывается вид на сложный индустриальный пейзаж со множеством дымящих фабричных и заводских труб. Разноцветные дымы смешались со снежным пейзажем и зданиями, образовав перламутровый колорит. На переднем плане встречаются молодые рабочие и работницы, спешащие на работу. На ходу у них происходит короткий разговор. На втором плане проносится товарный поезд...

Поэтическое чувство может сопровождать каждый трудовой будничный день, каждый трудовой процесс любой профессии. Одна из важных задач искусства — помочь трудящемуся человечеству почувствовать и полюбить поэзию труда, а вместе с ней и сам труд, увидеть в нем невиданную ранее красоту, которая кроется в красках, в ритме, в освещении, в настроениях, в трудовой обстановке, в лицах окружающих людей, в молодости молодых и в мудрости старых...»

В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов к творчеству Юона обращались многие молодые художники, находя в картинах выдающегося живописца столь близкое их сердцам поэтическое очарование Родиной. Почему бы и сегодняшним молодым не принять близко к сердцу завет Константина Федоровича Юона — «почувствовать и полюбить поэзию труда»...

ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ...

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ВЕНГЕРСКАЯ ПЯТЕРКА

Вот уже два месяца внимание всей Венгрии приковано к семье Торьяи из маленького города Кишкунфеледьхаза на юге страны. 24 января в этой семье родилось пять близнецов. «Теперь у меня будет с кем поиграть»,— сказала пятилетняя Бригитта, узнав, что у нее появились четыре сестренки и брат.

Событие произошло в понедельник, когда в Венгрии нет телевизионных передач. Папа услышал о нем по радио, а из газет первой сообщила новость будапештская «вечерка» «Эшти Хирлап». На следующий день пятеро новорожденных вошли в каждый дом, где есть телевизор. Близнецы появились на свет перед объективом телекамеры.

О том, что семья рабочего мясокомбината Шандора Торьяи увеличится не на одного человека, врачи знали заранее, и будущая мама находилась в будапештской клинике под пристальным наблюдением акушеров, вооруженных самой современной аппаратурой. Так, ультразвуковой локатор помог установить, что родится пять детей. Еще в декабре, как сообщил руководитель клиники профессор Иштван Гати, был составлен план проведения родов. Прогнозы врачей оправдались. Все произошло именно так, как предсказали медики, о чем профессор Гати и доложил министру здравоохранения.

Рождение пятерки — событие весьма редкое. По данным венгерской статистики, аналогичный случай был в стране пятьдесят лет назад, но дети весили очень мало и оказались нежизнеспособными. Последовало семь с половиной миллионов родов, прежде чем появилась новая пятерка. Сейчас близнецы еще в клинике. Их ждет новый дом, его бесплатно предоставил счастливой семье горсовет, у которого теперь много приятных хлопот: горсовет является распорядителем средств, которые поступают со всех концов республики в адрес семьи Торьяи. В местном отделении банка открыт даже специальный счет.

Мы позвонили в Будапешт.

— Как себя чувствуют близнецы?

— Отлично! — ответили нам.— Сильвия, Мелинда, Хайналка, Шандор и Эрика хорошо прибавляют в весе, им уже стали давать фруктовые соки, скоро их переведут из специальных боксов в нормальную палату, а через месяц предполагается отправить великолепную пятерку домой.

Н. КРЫЛОВА

КРЫЛАТАЯ ЭДА

Набираю и набираю номер телефона Тартуского авиационного спортивного клуба ДОСААФ — сержусь, звоню в бюро повреждений: телефон занят и занят. Наконец-то...

— Слушаю,— сказал веселый мужской голос.— Я вас слушаю.

— Ну и телефон у вас!

— Телефон в порядке, но мне утром несколько раз звонили из Таллина и сообщали, что нам, то есть Эде, сегодня дали квартиру в Таллине на Мустамяэ Теэ. Эда ведь таллинка, она очень рада.

— Поздравляю! А с кем я говорю?

— Я председатель тартуского клуба Иллар Линк, кроме того, тренер Эды и, кроме того, ее муж.

— О! Поздравляю еще раз. Как Эде летается нынче?

— Эда не летает.

Замолкаю от неожиданности. Вот так сюрприз! Что-то чрезвычайное должно было случиться, чтобы перестала летать Эда Лаан — та светловолосая красавица, чьи портреты в последние годы не сходили со страниц газет, с экранов кино и телевидения. Эда — неоднократная абсолютная чемпионка СССР по планерному спорту.

Однажды после очередной победы Эда сказала журналистам:

— Нет, об ощущении полета я ничего не могу рассказать. Слова не соответствуют ощущению... Здесь — педали, трос, ручки и ты один на один с крыльями. Ловишь воздушную струю, ложишься в ее поток и летишь, летишь потому, что крылья планера — это твои крылья. И все время хочется лететь..

Не случайно, Эда обладательница восьми рекордов, несколько раз превзошедшая самое себя, четырехкратная победительница соревнований планеристов социалистических стран, завоевавшая на чемпионатах Европы 2-е и 3-е места, награжденная 15 золотыми, 12 серебряными и 3 бронзовыми медалями, и так далее и тому подобное — вдруг эта Эда перестала летать?!

— Ничего особенного,— смеется Иллар Линк,— дело в том, что у нас родился сын Прийт, ему уже три с половиной месяца, здоровый парень. В конце мая Эда снова начнет летать, в республике буду тренировать я, в сборной Союза — Валентин Юрьев.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

А я знаю!

Вместе весело играть.

ДОБРЫЕ ЗВЕЗД

В ритме румбы.

«Здравствуйте, дорогие товарищи! Пишет из Румынии ваша постоянная читательница Ада Апостол.

С 1933 по 1945 год я воспитывалась в интернациональном детском доме имени МОПРа города Иваново, была старостой румынской группы. Как я туда попала? Родители были коммунисты-подпольщики. В конце 1932 года компартия послала маму в СССР. Она поехала со мной через Германию. В Берлине нас арестовали. Мне было три года. Маму отдали румынской охранке, а меня оставили в тюремном приюте.

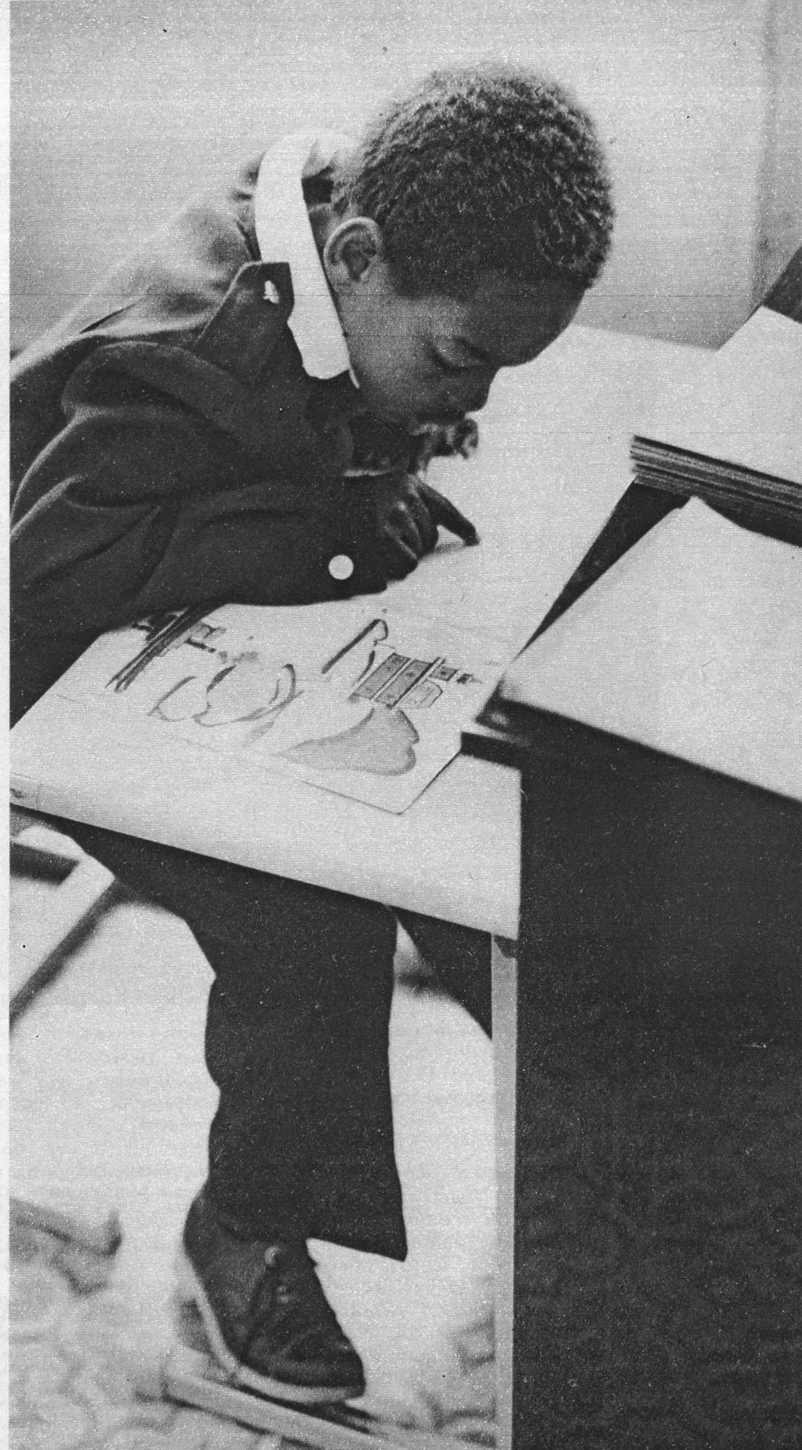
Провела я там несколько месяцев. Здорового ребенка приют превратил в тяжелобольного. Позже мне рассказывали, что в четыре года я только смеялась или плакала, но никогда не была в нормальном состоянии. Так что опыты над детьми немецкие фашисты начали не в концентрационных лагерях, а с момента прихода к власти в начале 1933-го...

С большим трудом меня спасли друзья и отправили в Советский Союз, в Иваново.

Этой весной наш интернациональный детский дом празднует свое 50-летие. Не все смогут приехать на юбилей. Но всем нам, воспитанникам, бесконечно дорог он и его традиции. Очень прошу, если можно, поместите фотографии и расскажите, как живет сегодня этот замечательный дом!

Бухарест».

Первые слова по-русски.

Ы МАНУЭЛЯ

Владимир КОВАЛЕВ,

фото Игоря ГАВРИЛОВА.

Пока лишь редкий частокол свисающих с крыш сосулек да яркое солнце говорили о начале весны. Мороз был под стать январскому. На тропинке нас едва не сбил с ног запыхавшийся темнокожий мальчишка с лыжами. Весь запорошенный снегом, в огромной кроличьей ушанке.

— Здравствуйте! Вы кто, журналисты? — спросил он, поправляя сбившуюся шапку.

— Как ты догадался?

— У вас много фотоаппаратов!

— Не боишься мороза?

— У нас физкультура была. На лыжах с горки катались — жарко! Дома у нас никто снега и не видел.

— Где же твой дом?

— В Африке.

— Как тебя зовут?

— Мануэль.

Так состоялось наше первое знакомство в Ивановской ордена Дружбы народов интернациональной школе-интернате Исполкома Советского Красного Креста. Здесь живут и учатся дети из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Сохранились кадры кинохроники, запечатлевшие Иваново летом 1930 года. По улицам города и окрестным деревням разъезжает видавший виды грузовик, украшенный флагами и транспарантами. В кузове стоит человек с жестяным рупором: «Международная организация помощи борцам революции собирает средства на строительство детского дома для детей революционеров!»

Ивановцы предложили строить дом на их земле. На призыв ткачей откликнулась вся страна. Кто не мог помочь деньгами — отдавал самые нужные в хозяйстве вещи, одежду, посуду. Из одной деревни прислали две телеги, в другой собрали плотницкий инструмент, только самоваров набралось больше двадцати! Денежные переводы с почтовыми штемпелями Германии, Чехословакии, Дании, Норвегии, других стран шли и шли по адресу «СССР. Иваново. Фонд интердетдома». 1 мая 1931 года фотограф запечатлел момент закладки первого камня.

Сейчас это целый городок. Рядом с построенным полвека назад зданием поднялись корпуса школы, мастерские, общежитие с уютными комнатами. И все же выпускники, приезжая в свой родной дом, идут перво-наперво в старый корпус.

Директор интернациональной школы-интерната Алевтин Петрович Кузьминский рассказывает о тех, кто прибыл 5 июля 1933 го-

Слушай внимательно и запоминай.

да спецпоездом из Москвы в Иваново. Их было сто сорок. Через многие границы, спасая от полицейских ищеек, везли детей в Советский Союз. Говорили ребята на разных языках — польском и румынском, китайском и немецком, болгарском и венгерском. И язык страны, где победила пролетарская революция, стал для них родным.

...В класс, где учится Мануэль, мы пришли вместе с заместителем директора Софией Ивановной Кузнецовой. Она сказала, что Мануэль из Анголы. Его однажды спросили: «Нравится ли тебе сосновый лес рядом с домом?» И знаете, что он ответил? «Нет, потому что лес слишком редкий, в нем не укроешься от бомбежки...» Деревню, где жил мальчик с родителями, часто бомбили, и все прятались в джунглях.

— Посмотрите, посмотрите, это я нарисовал!— подбежал с листком в руках Мануэль, едва мы вошли в класс, и объявил всем, что пришли журналисты фотографировать.

На рисунке был берег синего моря (а может, океана), зеленые пальмы, ярко-оранжевое солнце сияло на звездном небосводе, и белый корабль с красными буквами «СССР» на трубе плыл по горизонту.

— Молодец! Но разве есть звезды, когда светит солнце?

— Это добрые звезды. Они должны быть видны всегда, и днем и ночью.

Как попали сюда, в дом на Красной Талке, дети из разных стран? Вот одна из историй:

...Уже стемнело, когда они вернулись домой. Отец с матерью оставались в машине, а Сесара попросили выйти открыть ворота. Он прошел в калитку и вдруг услышал резкий скрип тормозов. Откуда-то из темноты выскочили двое, синхронно вскинули руки. Автоматная очередь распорола тишину ночи. Отец так и остался сидеть за рулем, весь изрешеченный пулями. Мать успела крикнуть сыну: «Беги, Сесар!»

Утром мальчика нашли старшие братья. Прятали у родственников и объясняли, почему ему, Сесару, нельзя ходить на похороны отца — видного профсоюзного деятеля Гватемалы. «Ты видел убийц в лицо, понимаешь? Они не успокоятся, пока не уберут всех свидетелей». Друзья отца помогли Сесару, его девяти братьям и сестрам бежать в Коста-Рику. Затем перелет через океан. «Вы улетаете в Советский Союз. Там будете учиться и жить...» — говорил на прощание старший брат, Армандо.

Все это мы услышали от самого Сесара. Он выглядел взрослее своих десяти лет. «Вот увидите, я найду убийц отца и матери, только б вырасти поскорей!» — В словах маленького гватемальца звучала уверенность.

...У Шикунды никогда не было настоящей куклы, только самодельные, из тряпочек. Когда она увидела на клумбе перед домом пластмассовую красавицу и хотела поднять ее, раздался взрыв. В корпусе куклы была спрятана мина. Девочке оторвало руку, она потеряла глаз. Бандиты-головорезы еще подбрасывают такие «игрушки» детям Гвинеи-Бисау, Мозамбика, Анголы, Никарагуа...

— Она никому не рассказывала о том, что с ней случилось,— говорила София Ивановна Кузнецова.— Но дети, они все понимают. Одинокой Шикунда себя не чувствует, подруг у нее больше всех!

В переводе с языка чилийских индейцев мапучо «Клама-Кунь» значит «Красные пончо». Так называется латиноамериканский фольклорный ансамбль, на репетицию которого мы попали. Ребята пели, аккомпанируя себе на народных инструментах — маленькой скрипочке чарранго, бамбуковой дудочке с глухим далеким голосом — кене, сампоне, напоминающей по звуку нашу флейту, и большом барабане бомбо. Готовилась программа к юбилею интершколы. Кроме народных мелодий стран, откуда ребята родом, мы услышали и песню на русском.

— Она из довоенного кинофильма о юном герое-антифашисте Карле Бруннере,— объяснил руководитель «Клама-Кунь».— Для всех, кто воспитывался здесь до войны, этот фильм, говорят, был как «Чапаев» для русских ребят. Его смотрели десятки раз, а в коридорах распевали любимые строки.

«Мы не сдаемся, мы идем, и если грянет бой — мы победим и вас сметем с лица земли долой...» — слышался хрипловатый голос парня. Песня словно связала невидимыми нитями разные эпохи, перенесла нас в далекие 30-е. Перед нами проходили колонны юных революционеров, воспитанников дома на Красной Талке. Шли дети антифашистов, родившиеся в тюрьмах и лагерях, сыновья и дочери тех, кто продолжал свою работу в подполье. «Мы не сдаемся, мы идем...» — пел сын болгарской революционерки, активной участницы антифашистского восстания 1923 года Цолы Драгойчевой. Чавдар родился в тюрьме. Когда мама рассказала ему сказку о Золотой рыбке, он не мог представить, как рыбки плавают... В тюремной камере родился и Саша Карастоянов, отца которого зверски убили болгарские фашисты за подготовку восстания рабочих в городе Лом. «Мы не сдаемся, мы идем...» В интернациональном хоре мы слышим голоса Леха и Ганны — детей польского революционера Валерия Багинского, Амайи Руис — дочери легендарной Долорес Ибаррури, сына Мао Цзэдуна — Сережи Юн Фу, секретаря комсомольской организации интердома...

Со словами «Мы не сдаемся, мы идем...» уходили интердомовцы на фронт, когда фашисты напали на Советский Союз. Семнадцать шагнули из этих стен в бессмертие — их имена золотом горят на мраморе у входа в актовый зал: югослав Владимир Брацанович, поляки Петр Жарский и Валентин Волковицкий, болгарин Благой Касабов, грек Георг Николаиди, эстонец Эдвин Робах, немцы Курт Ремлинг, Густав Шютц, Эльвира Эйзеншнейдер...

В комнате, где живут чилийцы, на стенах много плакатов, портреты Альенде и Че Гевары, Виктора Хары и Фарабундо Марти, Сандино и Фиделя Кастро. В центре приколот кнопками лист ватмана. На нем вырезки из газет, которые издаются в подполье на родине.

— Салюдо, амигос! Как вам понравилось у нас?— Хулио Николас Кобенья, преподаватель испанского, тоже зашел в гости. Здесь его зовут Юрий Игнатьевич. Еще мальчиком приехал Хулио в СССР. Его отец — Игнасио Кобенья, рабочий, коммунист, сражался за республиканскую Испанию. Когда фашисты вступили в Мадрид, уехал вместе с сыном и женой в Советский Союз. Так Хулио попал в интердом, здесь же, в Иванове, окончил педагогический институт. Воспитанник стал воспитателем.

— Если бы меня спросили: какой предмет у нас самый главный, я не задумываясь ответил бы: интернационализм.

...Ежедневно почта приносит в интернациональный детский дом письма и посылки со всего мира. В этих письмах есть строчки с благодарностью, как бы перекликающиеся со словами бывшей воспитанницы, известной журналистки ГДР Урзулы Фогель: «Мы выросли коммунистами-интернационалистами. Большое вам, ивановцы, спасибо!»

Иваново.

Артур КОРНЕЕВ

БАРРИКАДЫ

В труде обычном,
в будничных заботах
порой незримо века существо.
Я так привык
к названию завода,
к названию поселка своего!
Обыкновенно,
впрочем, так, как надо,
привычно отвечаю на вопрос:
— Ты где живешь?
— Живу на «Баррикадах».
— А где ты рос?
— На «Баррикадах» рос.
Прямой тут смысл
и самый изначальный,
хоть посторонним кажется
порой,
что на вопросы эти отвечаю,
как некий романтический герой.
Я — с «Баррикад».
И тем обыкновенен.
И это имя грозное
навек
заводу дал в счастливое
мгновенье
обыкновенный тоже
человек.
Его полпред,
его директор красный,
его рабочий с дооктябрьских
лет —
до старости проворный и
вихрастый,
наш заводской,
красногвардейский дед.
Я знал его.
К нему ходил я в гости.
На «Баррикадах» кто его не
знал!
Был вроде прост
Матвей Васильич Гвоздев,
а свой завод
пророчески назвал.
В сорок втором
цеха его недаром
обрушились
всей тяжестью громад.
Не грезились
парижским коммунарам
подобные размеры
баррикад!
Я
этой битвы
слышал долгий отзвук.
Еще и мне работать довелось
на тех станках —
с темнеющими грозно
станинами,
пробитыми насквозь...

Владимир КАШИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Чужое оружие

IV

...Чепиков уставился в одну точку, на носки своих ботинок, в который раз повторяя:

— Пойми меня, Петро! Прошу тебя по-человечески. Нет у меня жизни без Маруси. Не губи ее. Двоих губишь: и ее и меня.

Лагута сидел на скамье прямо, немного откинувшись к стене. Он словно и не замечал Чепикова.

Перед ним стоял полный стакан водки, к которому он так и не прикоснулся. Не притронулся и к колбасе, торопливо нарезанной хозяином дома большими кусками.

Казалось, Иван Тимофеевич уже все сказал и, подняв голову, уставился в неподвижно сидящего соседа. Затянувшееся молчание становилось невыносимым.

— Да выпей же ты! Выпей со мной наконец, хоть пригуби! — быстро заговорил он.

— Не употребляю я это зелье, Иван. А Марию твою к себе не зову. Сама идет, спасается.

— Пойми меня! Ничего в жизни, кроме нее, не осталось. Не получилось у меня раньше семейного счастья, не думал, что смогу еще раз. Что хочешь ради нее отдам... А вот теперь у нее все время тоска в глазах. Нет детей — ну и что? И не надо! Мне бы только она рядом была... А она все молчит и смотрит на меня так, словно я во всем виноват. Хоть нож в сердце свое втыкай, чтоб не видеть! Только когда выпью, легче становится.— И Чепиков, словно подтверждая сказанное, схватил со стола свой стакан и одним махом опорожнил его.

— Пей, Петро, пей,— поставив стакан на стол, еще раз попросил он Лагуту, который молча, с чувством своего превосходства наблюдал за ним.

— Червь ты, Иван, червь ползучий,— наконец произнес он.— Зло никогда само по себе не появляется, зло всегда вырастает из нас самих. Ты всмотрись в самого себя.

— Я зла никому не делал, и мне прошу не делать.

— Делал, но не замечал. На войне в человека стрелял, руки твои в крови.

— Я во врага стрелял, убивал фашиста.

— Враг себе ты сам. Ты убил на войне человека — значит, и детей его убил, и внуков, и правнуков, и всех, кто не сможет уже от него родиться. Ты род его весь убил, оборвал ему жизнь... Господь тебе и воздал. Вот и нет детей у тебя, и твой род оборвался... А Мария ищет спасения. И за тебя и за себя молится. Господь и твою душу призовет, он и с тобой захочет поговорить и тебе открыться. Иисус Христос родился для тебя и родится в тебе, если не будешь от него отворачиваться. Почему же тебе, Иван, не пустить его в свое сердце? Прими, прими его с верой, и он наладит твою жизнь... Не жалуйся, иди к нему.

Чепиков терпеливо слушал соседа, потом вдруг встал и быстро зашагал по комнате.

— Род, говоришь, фашиста оборвал? Когда змею убивают, о ее роде не думают!

— И змея — творение божье, Иван. Но то все же змея, а я говорю о людях.

— Двадцать миллионов, что фашист убил, искалечил, уничтожил на нашей земле, наверное, тоже люди?! Или ты наших за людей не считаешь?! Послушай, Петро,— остановившись возле Лагуты, сказал Чепиков неожиданно твердым и решительным тоном.— Последний раз предупреждаю: отстань от Маруси, не приманивай ее, не задуривай ей голову. Не смей больше тащить в свое гнездовье. Плохо ей, Лагута, от твоих молитв да радений. Она и людей уже не видит. Сама не своя ходит. Если с ней что случится, я из тебя всю душу вытряхну!

— Подумай, что говоришь, Иван. Ты угрожаешь не мне, а самому господу Иисусу Христу. Он тебя и покарать может.

— Меня? За что? Это ж не я, а ты здесь при немцах прикидывался богомольцем.— И вдруг, схватив Лагуту за рубашку, потащил его со скамьи.

— Так ты для этого, значит, позвал меня, брат мой! — стараясь высвободиться из цепких рук хозяина и едва выговаривая слова, поднялся Лагута.— Свят-свят! Глаза у тебя какие-то ненормальные! Вот так зло в тебе и растет, Иван.— Он высвободился из крепких рук Чепикова и под его ненавидящим взглядом медленно попятился к двери и вскоре исчез.

Какое-то время Чепиков продолжал ходить по комнате, потом тяжело опустился на табуретку... А когда потом поднял на мгновение голову, увидел стоявшую у двери Марию.

— Иван! Ты зачем так? — спросила она тихо, переступив порог комнаты.— Зачем обидел хорошего человека? Он за нас богу молится. Он и тебя любит и тебе добро сделает. Пойди к нему. Бог тебя простит. Покайся, пока не поздно, за плохие помыслы твои.— И она заплакала.

— Марусенька, родная моя,— протянул руки к супруге Чепиков,— не ходи к нему больше! Все это брехня собачья. Слышишь меня? Брехня это.

— Господь захочет — и у нас будет дитя. Покайся! Покайся,— повторяла Мария.

— Ну, а не будет детей — беда небольшая,— сказал он и нежно обнял супругу.— Лишь бы ты была рядом. Пропаду я без тебя, Марусенька...

Мария вырвалась из его объятий.

— Вот видишь,— горько покачала она головой,— ты всегда о себе только думаешь и грешишь. А брат Петро — безгрешный, печется о всех нас.

Иван Тимофеевич снова попытался обнять жену, но она стояла как каменный столб.

— Не сердись, моя родная,— сказал Чепиков.— Хочешь, еще раз съездим в Киев? Хочешь, поедем к московским врачам? А Лагута твой — шаромыжник и подлец. Всю жизнь он такой!..

— Да ты снова пьян?! — перебила мужа Мария и, отшатнувшись от него, неожиданно вскрикнула: — Мама! — и выбежала из комнаты...

...После того, как Мария убежала, долго ходил Чепиков по комнате, бессильно сжимая кулаки. Потом решительно направился в сени и стал шарить в темноте где-то на верхней полке.

Вскоре он достал оттуда завернутый в тряпку предмет. Развернул его, бросил тряпку под ноги... При слабом свете, который падал из комнаты, тускло поблескивала черная сталь пистолета.

Несколько секунд Чепиков держал парабеллум на ладони, словно взвешивая его. Потом вышел из сеней и окунулся в ночную темень. Ночь исторгала запахи густой травы и речной свежести.

Было тихо. Небо сверкало звездами. Сквозь их огни можно было разглядеть крышу дома, заборчик внизу. Чепиков заметил на стене прямоугольник закрытого окна Степаниды Яковлевны — там уже не горел свет, и он не знал, легли спать Мария и мать или куда-то ушли. А впереди, сливаясь с грядой непроглядно-черного леса, виднелась хата Лагуты тоже с погасшим светом.

Чепиков немного постоял на крыльце, вглядываясь во мрак ночи и прислушиваясь к тишине. Потом спустился с крыльца, перешагнул заборчик и бесшумно пошел по двору, заросшему спорышем, к дому соседа.

Пробрался вдоль стены к окну, возле которого, знал, стояла широкая кровать Лагуты. Остановился на мгновение, сжимая в правой руке рукоятку пистолета, а левой слегка коснулся стекла. Оно зазвенело под пальцами.

Этот звон отозвался в сердце, в жилах, во всем теле. В комнате за белой занавеской показался силуэт человека. Чепиков представил себе, как пуля пролетит сквозь стекло, оставив небольшую, аккуратную дырочку, и человек в белой сорочке опустится на кровать или упадет на пол и, уже мертвый, стукнется головой о стену.

Не унимался звон стекла, отзывавшийся в сердце, не утихал.

Узнав Чепикова, Лагута распахнул окно.

— Ну, чего тебе, Иван? — кротко спросил он.

— Петро,— угрожающе произнес Чепиков.— Я тебя предупреждал...— Спазма сдавила горло, мешала говорить. Чепиков не мог поднять пистолет. Не повинуясь ему, рука замерла в движении: как бы то ни было, а перед ним стоял живой человек.

«...На фронте ты, Иван, стрелял! — пронеслось в голове.— Но то было на фронте, и передо мной был враг... А разве он не враг мой?! Враг... Но сейчас нет войны...»

Увидев оружие в руках Чепикова и разгадав его намерения, Лагута мгновенно повалился на пол...

У Чепикова не было сил сдвинуться с места. Он постоял немного, облизал пересохшие губы. Потом шагнул онемевшими, точно ватными ногами раз, другой и побрел прочь от окна в сторону леса, который как бы незримо наблюдал за ним.

Мир окутала тишина, и темная стена леса закрыла звезды. Спотыкаясь, он шел, не разбирая дороги... Через некоторое время оказался на небольшой поляне, начал целиться из пистолета в высокое дерево, удивительно чем-то похожее на Лагуту. Его мучила неудовлетворенная потребность нажать на спусковой крючок пистолета. Громкий выстрел разорвал ночь, разбудил лес и забухал, застонал где-то над Росью. Над головой Чепикова вмиг ожили и закричали встревоженные птицы. Высокое белое дере-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 6—13.

во, казалось, надвигалось на него, и он стрелял снова и снова...

После этого напряжение сразу спало, Чепиков опомнился и бросился назад в село.

Вскоре он выбежал из леса прямо к своему двору. Вокруг стояла все та же дремлющая тишина. Ни у него, ни у Степаниды Яковлевны, ни у Лагуты, как и раньше, не горел свет. Маленькие звезды все так же мирно поблескивали в черной бездне неба, перекликались в лесу сычи, где-то привычно проскрипел дергач, неподалеку плескалась у берега Рось.

У Чепикова точно камень свалился с души. Постоял, присматриваясь к дому Лагуты, к тому окну, в которое хотел выстрелить, и вдруг почувствовал страшную усталость.

На полу в сенях Чепиков нашел тряпку, завернул парабеллум и положил в тайник.

В эту ночь Чепиков против обыкновения быстро заснул...

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Никто не носил Чепикову передачи. И Ганне Кульбачке тоже. Впрочем, и некому было носить. У Чепикова никто из родственников на селе не жил, о теще и говорить нечего. Одинокая Ганна Кульбачка ни с кем в селе не дружила, а ее клиентам вряд ли пришла бы в голову мысль побеспокоиться о своей благодетельнице. Уж кто-кто, а они за десять верст обойдут старый двухэтажный дом в конце улицы, где находилась милиция.

В этот день дежурный по райотделу придирчивым взглядом сразу приметил немолодую женщину в темном платье, в стоптанных туфлях, в повязанном до бровей черном платке. Она сидела на скамейке напротив двери милиции, прижимая ногами кошелку и внимательно рассматривая людей, входивших в это здание и выходивших из него.

Казалось, она кого-то ждала. Но вот она поднялась и о чем-то спросила проходящую мимо женщину. Та пожала плечами и указала рукой в сторону милиции.

Немолодая женщина снова присела на скамейку. Через несколько секунд она вскочила и, не оглядываясь, быстро ушла.

Погруженный в свои дела, дежурный тут же забыл о ней, но, к своему удивлению, через некоторое время он снова увидел ее на прежнем месте.

Она посидела еще немного, потом встала, медленно направляясь к зданию милиции, неуверенно поднялась на крыльцо. Постояла несколько секунд, как бы собираясь с силами, затем осторожно приоткрыла дверь в дежурную комнату. Увидев милиционера, отпрянула назад.

Дежурный уже было собрался выйти, чтоб поинтересоваться, кого она ищет, как пожилая женщина бочком протолкнулась в дверь и, ни на кого не глядя, спросила:

— Тюрьма здесь?

— Здесь не тюрьма, гражданочка, а милиция,— ответил дежурный.

Работники милиции, находившиеся в комнате, с интересом взглянули на робкую посетительницу.

В растерянности женщина развела руками и тут же хотела уйти, но дежурный ее остановил:

— Вы, собственно, кого ищете, гражданочка? По какому вопросу? Да вы не волнуйтесь,— заметил он.— Может, вам чем-нибудь надо помочь? Не стесняйтесь.

Женщина поставила у ног кошелку, прислонила ее к барьеру, разделявшему комнату, и, не спуская глаз с дежурного, произнесла:

— Мне увидеть бы Ганну Кульбачку. Которую забрали. С Вербивки. Она здесь?

— Вы с Вербивки? — поинтересовался дежурный.

— Я с Черкасс приехала.

— А кто ей будете?

— Сестра во Христе. Поесть ей принесла. Услышала, в тюрьме она.— И женщина вмиг достала из кошелки завязанный узелок и положила на барьер.

— Что в нем? — спросил дежурный.

— Хлеб милосердный. Чем богата...

— А ну развяжите.

Она торопливо принялась развязывать узелок.

Убедившись, что в передаче, кроме хлеба, и в самом деле ничего нет, дежурный, поколебавшись немного, поднял трубку телефона и позвонил.

— Если начальство разрешит...— сказал он женщине.— У нас и хлеб дают и все, что нужно.

Доложив майору Литвину просьбу посетительницы, он молча взял со стола лист бумаги и протянул ей.

— Свидание не разрешается. А передачу возьмем. Пишите заявление. Начальнику райотдела. От кого — фамилия, имя, отчество, адрес. Паспорт есть? — спросил он.

— Нет,— ответила женщина, отстраняя рукой от себя бумагу.— Неграмотная я. А зовут Федорой.

— Ну, хорошо,— согласился дежурный.— Тогда я напишу за вас.

И, усевшись за стол, принялся писать.

— Значит, Федора. По отчеству как? Фамилия? Адрес?..

Дежурный записал все данные, которые сообщила посетительница, забрал с барьера передачу и положил на свой стол.

Федора поклонилась ему до пояса, взяла пустую кошелку и вышла. Когда она закрыла за собой дверь, дежурный снова снял трубку и доложил майору, что посетительница ушла. На этом его миссия заканчивалась. Проверять сведения, полученные от нее, должен был не он, а работники уголовного розыска.

II

Ночь была по-южному темная. Когда выехали вместе с оперативной группой милиции на окраину некогда тихого городка, а теперь областного центра, Коваль оставил машину возле двора, огороженного высоким забором. Сразу за забором начинался фруктовый сад, и в звездном небе слегка угадывались его очертания. Шум мотора разбудил собак, и они лениво забрехали, а во дворе, возле которого остановились оперативники, по-прежнему было тихо. После рокота автомобильного мотора, шуршания шин по асфальту, казалось, что большой, наглухо огороженный ото всех двор наполнился таинственной и какой-то непривычной тишиной. Пахло цветущей липой.

Наконец собакам надоело брехать. За молчаливым фруктовым садом был дом одного из экспедиторов спиртоводочного завода. По данным отдела борьбы с хищением социалистической собственности, именно через этого человека утекали реки спирта. Но Коваля воровские дела экспедитора интересовали меньше, чем его связи с Вербивкой...

Калитка оказалась закрытой. Сержант, фамилию которого Дмитрий Иванович сразу запомнил (он тоже был Ковалем), по-кошачьи легко взобрался на забор и спрыгнул во двор. Потом тихо отодвинул щеколду и открыл калитку. Оперативники сразу бросились в сад, с обеих сторон окружая дом.

Начальник ОБХСС подполковник Криворучко и Коваль быстро направились по тропинке к крыльцу. Как всегда во время ночных операций, у Дмитрия Ивановича появилось острое чувство настороженности.

Подойдя к дому, они услышали странные звуки, чем-то напоминавшие и песни и молитвенные причитания.

Остановились. Криворучко, по-видимому, не сразу понял, откуда эти звуки и что они означают. А Дмитрий Иванович улыбнулся: он уже словно стоял лицом к лицу с противником. Ему было ясно, что звуки долетают оттуда, из-за глухих ставен, таких плотных, что свет из комнат не находил даже щелочки.

Они немного постояли у двери и под окном, прислушиваясь к тому, что происходит в доме.

— Моление,— уверенно шепнул Коваль.

— Устроим им сейчас моление! — также шепотом ответил Криворучко.

Звуки то обрывались, то вдруг нарастали. Без труда можно было различить отдельные возгласы, затем наступила тишина, потом снова возгласы, топот ног, нечленораздельные вопли.

Криворучко решительно постучал в дверь. Снова в соседних дворах всполошились собаки и залаяли одна громче другой.

Голоса за окнами смолкли. Но дверь не открывали. Казалось, что и не собирались открывать.

Вместе с лейтенантом милиции во дворе появились заспанные соседи экспедитора, приглашенные быть понятыми.

Криворучко постучал еще и еще раз, пока наконец в доме не раздался глухой мужской голос:

— Кто там?

— Милиция! Открывайте!

За дверью молчали.

— Открывайте! — приказал Криворучко решительным голосом.— Здесь понятые, ваши соседи: Хомиченко и Хижняк.

Коваль поманил пальцем понятых.

Один из них, высокий, сутулый, впритык подошел к двери и крикнул:

— Открывай, Михайло Игнатович! Это в самом деле милиция. Ты меня слышишь? Я — Хижняк, Павло.

Не прошло и минуты, как щелкнула щеколда и дверь медленно начала открываться.

Перед ними в длинной белой сорочке стоял коренастый, широкоплечий мужчина, едва различимый в отсветах огня, падающего от мигающих в глубине дома свечей. Руки у него странно подергивались, и весь он, казалось, дрожал, вот-вот готовый повалиться на землю.

— Радение у нас святое... Суд божий идет!..— с полузакрытыми глазами пробормотал он.— Нельзя... чужим входить... нельзя грех вносить... идите отсюда. Христом богом прошу!

— Вы гражданин Савенко Михаил Игнатьевич? — спросил Криворучко, доставая из папки бумагу.— Вот разрешение на обыск.

Мужчина в сорочке раскинул руки, преграждая вход в коридор.

— Нет права, чтоб святое служение перебивать... Нельзя вмешиваться посторонним, когда господь с нами говорит... Советская власть запрещает издеваться над верующими.

Экспедитор уже перестал дрожать и широко раскрыл глаза.

В его голосе прозвучала угроза. Но, увидев на погонах Коваля и Криворучко по две больших звезды, Савенко встревожился.

— Нет такого закона, чтоб мешать,— произнес он уже не так уверенно.— У нас свобода религии.

— Молиться мы вам не помешаем,— заверил Коваль, отстраняя Савенко рукой.

Милиционеры быстро прошли в большую комнату, мерцающую при свете чадящих свечек.

В комнате находилось пять или шесть мужчин и женщин, облаченных в длинные белые рубашки. Они сидели на одной скамье вдоль стены, и некоторые из них еще, по-видимому, не понимали, что происходит. Какой-то мужчина и пожилая женщина пытались поднять с пола молящуюся, которая от продолжительного пребывания на коленях не могла встать на ноги. На полу валялась веревка, и Коваль предположил, что молящуюся не иначе как связывали.

Тем временем Криворучко отыскал выключатель, и комната озарилась ярким светом. Он, словно моментальная фотография, вырвал из полумрака и запечатлел необыкновенные выражения на лицах молящихся: у одних — тупое, отсутствующее; у других — растерянное и испуганное.

Мужчина, старавшийся помочь женщине подняться с коленей, так и замер с ней на руках, и она, застонав, снова повалилась на пол.

— Что здесь происходит? — сурово спросил Коваль, обращаясь и к молящимся и к хозяину, которого сержант вежливо пригласил войти в комнату.

— Суд божий, гражданин начальник, суд над грешницей, и вы не имеете права вмешиваться. У нас один судья — господь бог Иисус Христос.— Савенко высоко поднял руки и закинул назад голову. За ним, словно по команде, повторили этот жест все, и среди них — грешница, которую только что судили.

— Где вы верующим стали, Михаил Игнатьевич? — укоризненно заметил Коваль.— Случайно не в колонии?

Коваль уже успел подробно познакомиться с биографией экспедитора и его судимостями.

— Какое это имеет значение, где человек благодати сподобится! Господь Иисус наш отовсюду приходит ко всем убогим и страждущим... А вы мне ордерок предъявите... От прокурора. Нарушаете свои же законы. Обижаете верующих...— закончил он, окинув взглядом своих собратьев, которые столпились в углу и растерянно мигали глазами от яркого света.

— Разрешение на обыск мы уже вам предъявили...

— А я не рассмотрел, в сенях темно...

— Откройте окна,— приказал Коваль сержанту,— задохнуться можно, так начадили.

И пока Савенко рассматривал постановление прокурора, сержант бросился открывать ставни и настежь распахнул выходившие в сад окна. В комнату ворвался прохладный ночной воздух.

Подполковник Криворучко посадил на одну скамью всех молящихся, и оперативная группа приступила к обыску.

...В большой комнате, кроме скамеек, ничего не было. Поэтому тут же внесли столик, и вскоре на нем появились пачки денег, драгоценности: золотые и серебряные портсигары, обручальные кольца, браслеты и коробка из-под фотопленок, в которой лежали аккуратно сложенные, одна к другой, золотые монеты царской чеканки.

Коваль искоса наблюдал, какое впечатление производит на собратьев такое богатство, изъятое у их духовного отца. Одни молчали и отводили взгляд от Савенко, другие, особенно «подсудимая грешница», смотрели на своего пресвитера явно недобрыми глазами. В их измученных взглядах постепенно нарастала ненависть.

Савенко, уже пожилой человек, многие годы провел в заключении, последний раз за тяжелые побои, нанесенные супруге, с притворным безразличием ходил за оперативными работниками, производившими обыск.

Подполковнику Криворучко впервые пришлось встретиться с вором, хитро замаскировавшимся под верующего. Савенко это сразу понял и не растерялся.

— Напрасно все выгребаете, гражданин начальник. Не мое оно — общественное добро, все их. Правду я говорю? — спросил он, обращаясь к молящимся, сидевшим на общей скамейке.

Несколько человек одобрительно закивали головами.

— Дело мне не пришивайте, гражданин начальник. Я говорю — общественное, то есть общества, а общественное, значит, народное, а народное — это и есть господнее.

— Зачем же вам, верующим, греховный металл? — спросил Криворучко, показывая рукой на стол.

— В греховном мире живем, с грешниками имеем дело, для вас и держим, чтоб не мешали имя господне прославлять. Для защиты от вас, гражданин начальник, потому что вы над нашей верой глумитесь и только золото признаете.

Коваль нисколько не удивился, когда из подвала вытащили несколько канистр спирта.

Как только закончили обыск и составили протокол изъятых вещей, подполковник Криворучко отпустил молящихся домой, а Савенко забрал в камеру предварительного заключения.

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Продолжение следует.

Вацис РЕЙМЕРИС

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Долгое зарево. Дымные кратеры.
Бешеный пляс всесожженья.
На обгорелых руках у матери —
тельце черною тенью...
Огонь в хлебах — как янтарь цвета крови.
Букварь, в золу превращенный.
Колодец-журавль, уцелевший в погроме,
жирафом траурно-черным...
Лес балок изломанных,
пламенем смятых.
Березки, обросшие сажей.
Сожженные вместе с гнездом аистята.
Танкисты, сгоревшие заживо...
Горелые стены школ и житниц.
Гудящие крематории.
Любви пепелища.
Спаленные жизни...
Горящий кусок истории...
Все сызнова жжет,
полыхает,
калится,
дымится,
волнуя мне память невольно,
когда я смотрю
на трепещущий птицею
Вечный огонь
Неизвестному воину.

ДВАДЦАТИЛЕТНИМ

Знали мы:
страна спасена —
сами дом отстроим спаленный.
— А во что ж обошлась война?
— Полегло ведь двадцать миллионов.
Знали:
сталь будем плавить без сна,
разминируем земли, вспашем.
— Какова же победы цена?
— Двадцать миллионов павших.
Известно, не все из отцовских рук —
за мечту и самим надо драться.
— Сколько лет тебе, юный друг?
— По весне будет ровно двадцать.
— На земле цветя, ты б дерзнул
мерить жизней цену и значимость?
За одну лишь твою весну
миллионом жизней заплачено.

Перевел с литовского Мих. ДВИНСКИЙ.

ГОРОД ОКНАМ

*** ЧТО ОГОРЧАЕТ НОВОСЕЛОВ!**
*** ДОМ... ДЛЯ ОТЧЕТНОСТИ**
*** МАСТЕР И СОВЕСТЬ**

А. ПОПОВ,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Мы были в гостях у Нагорных спустя три месяца после их переезда, когда улеглись первые радости, поутихли вселенческие страсти, и все, что прежде было нажито, заняло свои места...

В канун Нового года семья Виктора Нагорного въехала в новую квартиру. Жилье Нагорные получили в недавно отстроенном микрорайоне Волгодонска — «Юбилейном». Это квартал с крупнопанельными домами-башнями, типичный для современных новостроек. И в то же время со своим знаком отличия: недалеко известная скульптурная композиция «Мирный атом».

— Осмотрелись в новом доме?

— Привыкаем потихоньку,— кивает Виктор.

— Нравится квартира?

— Пока не жалуемся,— уклончиво говорит он,— а там посмотрим.

Нагорный по специальности строитель. Он бригадир монтажников. Собирает крупнопанельные здания. Стройку знает, что называется, изнутри, во всех мелочах и подробностях, поэтому от категоричных оценок недавно сданного жилья воздерживается. Откровеннее Таня, его жена. Она смотрит со своей, хозяйской, точки зрения:

— Хорошая квартира, зря обижаться не будем. Просторная — две комнаты... На троих — у нас дочка Наташа — за глаза хватает. Теплая... проверку холодами выдержала.

— Дом ставила, кажется, бригада Туганова,— говорит Виктор.— У него умеют строить... Трещин при просадке не бывает.

— А что, и такое случается?

— Не без этого...

Когда бываешь в новых городах, невольно возникает одна мысль: почему неизвестно самому широкому кругу людей, кто проектировал город, кто его строит? И не вообще хотелось бы об этом знать: какой, к примеру, трест, СМУ,— а кто лично, персонально. Почему бы на новом доме не оставлять табличку, своего рода паспорт, с данными об авторах проекта и непосредственных исполнителях. Ведь ставят же рачительные земледельцы на поле памятку: кто пахал, кто сеял. Осенью, когда приходит время жатвы, всем становится ясно, где работал настоящий труженик, а где халтурщик. Будь так в строительстве, думается, меньше было бы тех фактов откровенного брака, с которыми встречаешься и которые обходят молчанием горе-творцы новых городов.

В нашем рассказе при упоминании о таких явлениях нельзя обойти стороной историю со здешним новым Домом быта. Объект шумно сдали в августе прошлого года со многими недоделками: протекает кровля, на этажах гуляет ветер — фасадная сторона не защищена от непогоды предполагаемыми по проекту витражами. Со стороны подсобного входа по стене пробежала трещина. Тем, кто сооружал это здание, кстати, со вкусом отделанное, было бы по крайней мере стыдно — не говоря уже о наказании,— если бы каждый смог прочесть и узнать, кто непосредственный виновник брака. А тем, кто выполняет свой долг добросовестно, людская добрая молва придавала бы силы. Что наверняка случилось бы с бригадой Александра Туганова, с которым сразу же захотелось познакомиться после разговора с Виктором Нагорным.

...Мы встретились с ним на стройке после очередной пересменки. Судя по возбужденному состоянию бригадира, можно было догадаться, что разговор в коллективе состоялся принципиальный.

— Решение принято правильное. И не будем больше к этому возвращаться. Мнение большинства — закон,— еще не успев остыть, доказывал своему собеседнику Туганов.

— Извините, Александр,— полюбопытствовали мы,— если не секрет, из-за чего разгорелся сыр-бор?

— Секретов у нас нет. Есть свои производственные трудности... Так получилось, что один из каменщиков отказался выполнять невыгодную, с его точки зрения, работу. Он специалист высокого разряда, а его посылали отверстия заделывать. Вот парень и рассудил: если нет каменной кладки — сижу, курю. А ее на сборке крупнопанельных домов действительно мало. Но много другой работы, которую кому-то надо выполнять. Мы на подряде, а значит, любое дело — наше, общее, на всех. И тут не может быть выгодного или невыгодного задания — заработок у бригады общий. Другое дело, когда у некоторых еще прорывается желание отсидеться за чужой спиной. Но захребетников у нас не жалуют. Большинство бригады решило снизить любителю «перекуров» коэффициент трудового участия с единицы до восьми десятых. Это заметно ударит по месячному заработку... У нас по части внутрибригадной дисциплины строго.

Мы как-то неожиданно, сразу разговорились по душам. Туганов рассказал о себе. В Волгодонске он с 1976-го. До этого работал на строительстве КамАЗа. Через год после переезда в донские края принял комплексную бригаду монтажников. Мы поинтересовались, много ли домов за это время поставила бригада.

— Пятнадцать по девять этажей и один пятиэтажный,— последовал точный ответ.

— На память вам грех обижаться,— сорвалось у меня.

Удивление мелькнуло в глазах Туганова:

— Дело не в этом. Может показаться, что хвастаюсь, если так легко, словно по шпаргалке отвечаю. Нет, просто каждый дом, это...— бригадир замялся, подбирая точнее выражение,— это, если хотите, часть души, сердца строителя.

— Каждого?

— К сожалению, нет... Впрочем, за всех говорить не берусь. Только бывает так, что уже после того, как дом сдадим, нет-нет да и сходишь, посмотришь, прочно ли строим, на что жалуются новоселы. Объект оставлять, как родного сына выпускать в большую жизнь... Вот и помнятся они назубок, твои дома. А потом, строитель должен нести ответственность за то, что построил, и после того, как объект примет государственная комиссия.

Но что в том проку — себя обманывать... Надежно и прочно то, что делается в согласии с совестью. Поэтому я утверждаю и буду утверждать: если уж устранять непорядки, то начинать надо с самих себя, с бригады, с нас — руководителей. Надо не жалеть себя — вкалывать, проверять, думать, не бояться перенимать новое, прогрессивное... Вот наш коллектив существует с семьдесят седьмого года. Костяк его постоянный, не меняется. Подобрались хорошие мастера. Честные, совестливые люди. Но такая бригада возникла не сразу, не вдруг. Много нам пришлось побороться с бракоделами, с теми, кто думает только о собственном кармане. Одного даже уволили по статье КЗоТ. Сурово, но иначе нельзя. Ведь в наших домах будут жить люди. И что им от оправданий задним числом — почему тот не доложил, а этот просмотрел... Им нужно жилье — удобное, теплое, прочное. Кто не понимает этого, у нас не задерживается. Такую жесткую требовательность друг к другу в коллективе мы стараемся развить и углубить. Подчеркиваю это. Для чего и ввели коэффициент трудового участия, перешли на единый наряд. Все это побуждает людей работать инициативнее, разворотливее, качественнее. Правда, с подрядом мы еще не на высоте: не замечаем пока должного понимания со стороны администрации. Но главное, хорошее начало положено, а это уже немало. Надеемся довести все до конца.

После этих слов Туганов замолчал.

— Знаете, о чем я сейчас подумал? — спросил неожиданно он.— Вспомнил, как начинали здесь... Тогда, шесть лет назад, в новой части Волгодонска стояли всего два дома. И грязь была, страшная грязь по колено. А сейчас — город стоит! И он будет расти. Насколько я знаю, станет втрое крупнее. Так что стройка еще только начинается. Поэтому не все и не везде получается, как хотелось бы. Но за текущими делами, проблемами, неурядицами не надо забывать, что и сделано немало. И что еще больше предстоит свершить. Наш город смотрит окнами в завтра. В нем живут и будут жить рабочие «Атоммаша» — завода, уже начавшего работать на двадцать первый век,— строители Ростовской атомной электростанции. А у предприятий будущего должен быть и город будущего. Нельзя забывать нам об этом...

Слушая Туганова, невольно вспоминалась встреча на «Атоммаше» с Геннадием Зорькиным, одним из лучших молодых наладчиков в цехе корпусного оборудования. Зорькин приехал с семьей в Волгодонск из Куйбышева. Как он говорит, «не хотели жить в большом городе. Суеты много. Потянуло к более спокойному ритму». Сам собой возник вопрос, а удалось ли найти на новом месте то, чего искали.

— Нисколько не жалею, что перебрались в Волгодонск,— ответил Геннадий.— Здесь нашел работу по душе, здесь родился сын — наследник, получили квартиру. Город все больше нравится... Он вырисовывается компактный, ладный. Я сейчас до завода добираюсь из дома за двадцать минут пешком. Одно удовольствие прогуляться утром или после смены на свежем воздухе. Конечно, не это главное, к слову пришлось... Суть в том, что новый Волгодонск строится с расчетом на удобную, современную жизнь. С каждым годом все больше открывается магазинов, школ, детсадов... Обустраиваемся. Хотя и не без трудностей бывает. Жизнь есть жизнь. Но в целом город получается.

Мне вспомнился разговор с Нагорным, и я передал его Туганову.

— На наши дома вроде не жалуются,— скупо ответил бригадир.

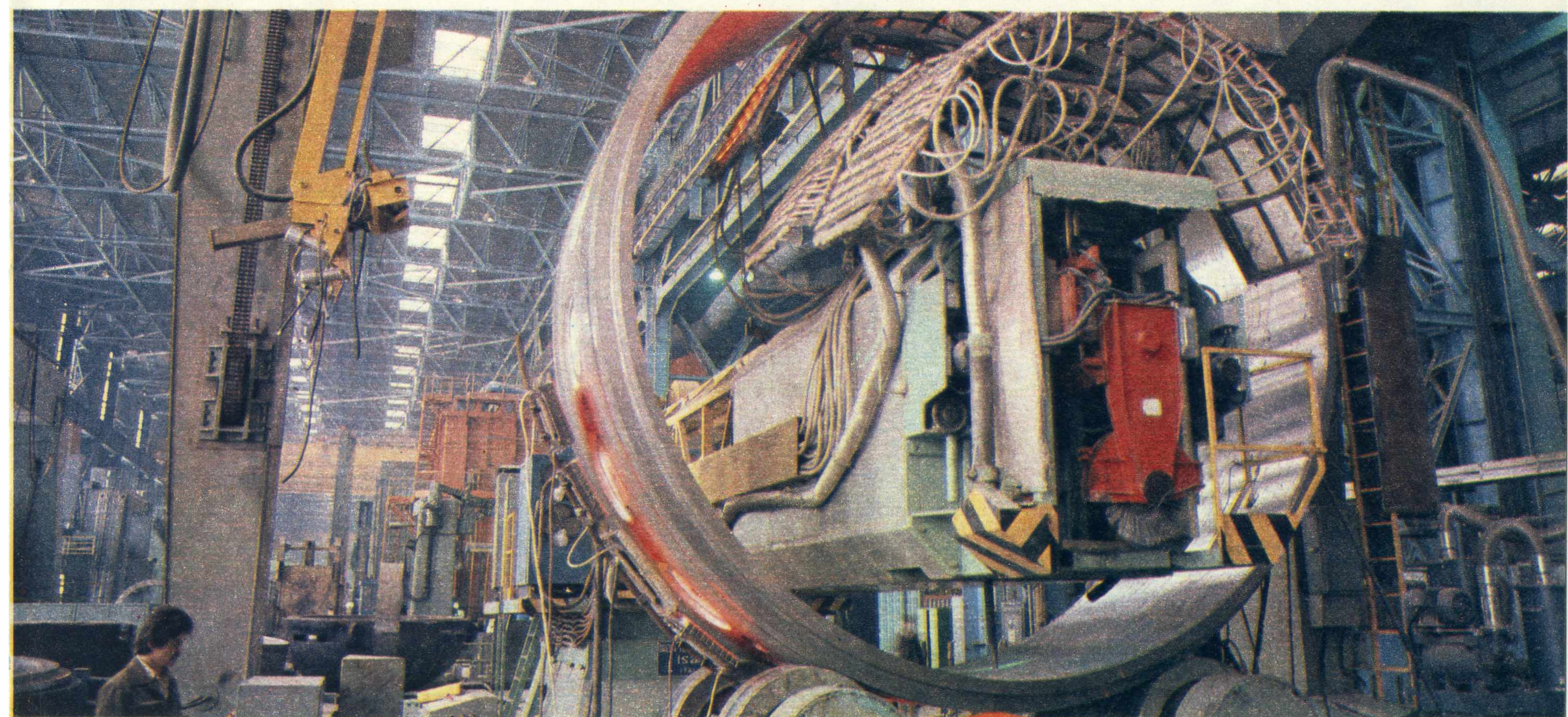
— На ваши — да. Но вот что иногда получается... В Волгодонске мы не в первый раз, и приходится слышать нарекания в адрес строителей — нередко сдают дома с недоделками. Что мешает строить добротнее?

— Причин тут можно назвать много. И самых серьезных, объективных,— оживленно заговорил Туганов. Мне показалось, он начал рассказывать о своем, глубоко продуманном и выношенном.— Только не может быть объяснения плохой работе! Когда слышишь, что здание дало трещину из-за плохих грунтов, то хочется спросить: а почему не заложили более основательный фундамент? Почему начали монтировать сбитые по углам панели, когда ясно, что потом на стыках образуются дыры? Кому нужен дом, который ставится на скорую руку, кое-как? Для отчетности?

Эмблема Волгодонска — виноград и атом «Колечко» диаметром в несколько метров и весом в десятки тонн — рядовая деталь для атоммашевцев.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Наладчик Геннадий Зорькин.

И В ЗАВТРА

Л. ЛУКЬЯНОВА

ПЕСНЯ ДЛЯ МАМЫ...

Один лишь раз услышав песню в исполнении Нины Матвиенко, уже не забудешь тембра ее голоса, его красок, интонаций.

В Государственном заслуженном академическом народном хоре имени Г. Г. Веревки, где выступает Матвиенко, наверное, найдутся и голоса посильнее, да и мастерством солисты этого прославленного коллектива богаты. Но слышно в песнях Матвиенко то, «чему названья нет», перед чем теряешься, неподготовленный. И только когда пройдет растерянность, начинаешь благодарно вслушиваться и понимать, что чувство, столько веков сокрытое в нехитрых словах, в мелодии, дошло до нас неизменным,— имей только сердце. Мир ее песен просторен и чист. И всему находится в нем свое место: детству, лесам, звездам, травам, любви и горю, правде и простоте. В этом мире свободно летают птицы, текут реки, и все в нем значительно, достойно и близко нам.

Увидев однажды Нину Матвиенко в какой-то телепередаче, я подумала: бывает же природа благосклонна к своим избранникам — красивая, зеленоглазая, коса до пояса... А голос!.. Родилась в украинском Полесье и пела, говорить толком не научившись. Потом так же, наверное, вышла на сцену, и все замерли, очарованные.

— Пела, конечно, пела,— говорит Нина.— Но только дома петь не больно хотелось — обстановка не та была. Из детских воспоминаний мало хорошего осталось... Помню, летом телят пасла. Им тоже пела, не выделяясь среди подруг — все что-то свое распевали, независимо от настроения, неполадок или мира в доме,— просто оттого, что жили, по одной земле ходили... Так заведено было не мной, не мамой. И даже не нашими прабабками. Гораздо раньше. Солнце поднялось, туман растаял — человек и запел. Так я думаю...

Есть в ее репертуаре песня «Гей, долино, долинонько». О чем она? О том, как по широкой долине туман разливается да солнце выясняется, примерно так звучит она по-русски. И все. Больше ничего не происходит. Но и долина эта, и солнце, и туман явственно видны. Красота их совершенна. И простенький пейзаж, воспетый народом, одухотворенный даром исполнительницы,— уже не только художественный факт, но символ родины. Неяркой, тихой, единственной.

...Их было одиннадцать человек у матери. Нина — по счету пятая. Забот на всех хватало.

— Это хорошо, что нам работать приходилось. Я про себя, например, точно знаю: ничего бы у меня не вышло, не научись я работать с тех лет.

Матвиенко ни от кого не скрывает неладное свое детство. Наверное, смущало и озадачивало многих это доверчивое простодушие взрослого человека. Почему-то принято считать, что трудности на пути артиста, художника — словом, творческого человека, хотя и бывают, но относятся они, как правило, к разряду возвышенных переживаний или на худой конец непониманию собратьев. У Матвиенко было иначе. Необычайно одаренная природой, она тем не менее потратила много сил, чтобы создать, слепить себя нынешнюю.

— Закончила школу, пошла работать на коростеньский завод «Химмаш».

— А почему не сразу в студию? Разве петь не хотелось?

— Петь всегда хотелось. Но в Киев ехать деньги нужны, вот я и решила поработать. Одеться поприличней надо было. Я тогда все представляла — приеду, на меня пальцами показывать будут: вот деревенское чучело.— Она улыбается.— Поработала, пальтишко сшила в рассрочку, костюм купила, туфли. И отправилась в студию поступать. Не пройду, думаю, зато хоть Киев увижу. А когда пришла документы сдавать, сразу поняла, что поступлю.

— Почему?

— Смешно, конечно, но только в последнюю ночь перед отъездом сон видела: поднимаюсь по широким ступенькам, а впереди светлое, большое окно, чуть шторами прикрытое. Так вот, когда пришла в студию, тут и увидела эти самые ступеньки и окно... Боялась. Но твердо решила, что певицей стану: всем докажу! Кому и что «доказывать» нужно, я не знала. Все было неопределенно, что-то нравилось, любила Зыкину, например. Я думала: она русская певица, а я буду такая же, только украинская, и все просто казалось. Ну и гонору полесского во мне было!.. Спрашивают на экзамене: у вас какая тональность? Я обиделась: не надо мне никакой тональности, сама спою!.. Пришла узнавать результаты прослушивания — нет меня в списках второго тура. Побрела документы забирать. А мне говорят: «Ниночка! Маленька! Да вас сразу на третий записали!» Я насторожилась, подвоха жду. На последний тур много новых песен приготовила — маминых. У меня все песни от мамы, больше ее песен никто не знает! А мне говорят: пойте, что на первом туре пели.. Вот еще! Я не люблю петь одно и то же!..

На большом ответственном концерте, где у Нины было целое отделение, она, переволновавшись, вдруг замерла на полуслове. И среди полной тишины вдруг раздалось отчаянное: «Ой, мама, забыла!..» И тогда с первого ряда поднялась мать-героиня Антонина Ильинична Матвиенко и запела дальше. Номер они закончили уже вдвоем с дочерью. Нужно ли говорить, что творилось со зрителями...

Народный артист УССР А. Т. Авдиевский, художественный руководитель хора, помнит, как легко Матвиенко выдержала огромный — тридцать человек на одно место — конкурс. Как после первого же года обучения была принята в хор и сразу поехала с труппой на гастроли в Канаду и Мексику.

В Канаде, где, как известно, в силу исторических причин осели выходцы с Украины, выступления хора шли в переполненных залах. Номера прославленных солистов вызывали бурю оваций. Но и среди них не пропала, не затерялась совсем еще молоденькая хористка, которой уже в тех гастролях было поручено соло. Это не сказки и не красивый вымысел: люди плакали, слушая мелодии потерянной ими Украины. В песнях начинающей исполнительницы тогда было чувство родной, далекой земли...

— Уже в первые годы работы Нины в хоре поражал удивительный, редчайший тембр ее голоса,— рассказывает Анатолий Тимофеевич Авдиевский.— Я назвал бы его «светлым». Чистота, ясность звука вместе с тончайшей нюансировкой, богатством интонаций — суть музыкальной одаренности Матвиенко. Ее высокое народное сопрано, наверное, не завораживало бы так слушателей, если бы песня не составляла основу, смысл ее жизни. Хотя Нина порою неразумно тратит себя: она может дать два концерта и потом на две недели выйдет из строя от чрезмерного нервного напряжения. Она никогда не эксплуатирует один и тот же репертуар. Ей все время кажется, что не успеет она спеть все то, что записала от матери, собрала в поездках по селам. Но отделывает свои вещи с ювелирной точностью. И не только в мастерстве тут секрет: слышно и другое, чего не разгадаешь, что, наверное, и есть талант. Вот она программу из колыбельных песен приготовила, и никто после нее не мог это исполнить: те же мелодии, те же слова, да все не так — «проще»...

...— Нина, а своим ребятишкам вы пели колыбельные?

— А как же? Зачем же тогда их складывали?.. Чтоб детям сладко засыпалось. Правда, не так уж много песен моим хлопчикам досталось: учеба, работа, записи...

— Какая учеба?

— Так получилось, что решила поступить в университет. На филологический... Ну и поступила. И закончила.

— Вокал — и вдруг университет?

— Почему же «вдруг»? Если уж я пою народные песни, значит, должна знать историю, культуру, литературу. Так я думаю...

— Ну а как же все вместе получается — дети, университет, работа?

— А-а, ничего, успевала. Мальчиков двое, Тонечки тогда еще не было. Сейчас, наверное, труднее бы пришлось...

Но не нужно думать, будто сразу нашла Нина Матвиенко свой золотой ключик — народную песню и что легко было ей на протяжении всего творческого пути. Ее приглашали часто, но требовали чисто эстрадных номеров! Соблазн!.. И Нина выступила с какой-то ритмичной безделицей. Выглядело это очень скучно, очень похоже на всех сразу... Но это и была та самая ошибка, на которых учатся.

Маленькая, неяркая, непохожая на себя «концертную», Нина, стоит ей запеть, сразу меняется. Теперь работает все больше, готовит сольные программы, выступила в составе вокального трио. Приходит опыт, растет мастерство, становятся короче сутки... О народной украинской песне она знает сейчас неизмеримо больше, чем раньше. Девочкой просто плескалась в море дивных созвучий, и казалось, что так всегда и будет. Пой одну за другой прекрасные песни, и в каждом человеке, даже равнодушном, они отзовутся гармонией... С годами поняла: потерянных песен не вернуть. Много их было у нас, и потому долго думали мы, что они никогда не кончатся.

Фирма «Мелодия» выпустила диск-гигант «Поет Нина Матвиенко», разошедшийся в считанные дни. Со своими подругами по хору Валентиной Ковальской и Марией Миколайчук записала Нина пластинку «Золотые ключи». Лауреат всесоюзных и республиканских конкурсов, Матвиенко стала лауреатом Всемирного радиоконкурса фольклорной песни. Много ездит по своей стране; пела во Франции и Чехословакии, Финляндии и Польше...

Теперь она уже уверена в том, что делает. На эстрадные приманки не клюет. Отпущенное щедро природой не тратит на случайное. Коротенькая простая «Веснянка» в ее исполнении: «Ой, пришла весна, ой, пришла красна, принесла мне счастья-радости». В этих четырех строчках у нее и растерянность, и невозможность скрыть радость, и бесконечное, щедрое, почти языческое упоение счастьем, ликованием вновь нарождающегося мира!.. И все это не в мимике, не в жесте — только в голосе. Инструмент такой волшебной силы природа не дарит — человек сам его создает...

Заслуженная артистка УССР Нина Матвиенко.

Фото А. Награльяна и Н. Козловского

Сергей

ВОРОНИН

ПЕРЕПИ

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

«Охотно познакомлюсь с интеллигентным, непьющим мужчиной, не старше 60 лет. Мне 52 года, рост 163 см, инженер, самостоятельная.

Писать: 220000 Минск, Главпочтамт, до востребования Клавдии Григорьевне Клычковой».

Он уже не раз держал в руках «Рекламное приложение» вечерней газеты «Ригас Балсс», пропуская с досадой те объявления, где обращались к поиску молодые женщины и искали себе в спутники жизни мужчин немногим старше себя. Ему же шестьдесят, и он не обольщался надеждами, что какая-то молодая может позариться на него. Но вот этой Клычковой — пятьдесят два. И это, пожалуй, то, что ему нужно. Пятьдесят два — это надежно, это та, которая не изменит, не будет легкомысленной. Конечно, конечно, это все-таки — пятьдесят два, не свежий бутончик. Ну да ведь и сам он не первой молодости цветок. Но дело и не в этом. Просто надо устроить отрезок, последний остаток жизни поудобнее, поуютней, что ли. И поэтому нужен просто милый, такой же одинокий человек, чтобы, когда будут вместе, то и он не будет одиноким, не будет одинокой и она. Минус на минус даст плюс. Плюс!

И он написал ей письмо. Через несколько дней получил ответ. Писала, чтобы прислал ей свою фотографию.

«Зачем? — недоуменно подумал он. — Что она ищет, киногероя, что ли! Делона какого-нибудь?» И написал ей в ответ:

«Зачем вам мое фотолицо? На моем челе морщины — следы прожитой жизни. Но отнюдь не бурной, а напряженной. Я воевал и у меня на щеке шрам. От этого левый глаз слезоточит. У меня нет многих зубов, но есть надежные мосты. Они еще постоят. Я слегка прихрамываю, об этом вам не сказала бы фотография. Но эта хромота не помешает нам совершать длительные прогулки по берегу Черного моря, если у вас появится такое желание. Я курю. Но курю только табаки высшего сорта. Не пью. Вы такого ищете. Но не откажусь от рюмки в праздничный день. То, что я сказал о себе, можно назвать недостатками. Я их перечислил специально, чтобы вы знали. Что касается жилья, то у меня двухкомнатная квартира, телефон, ванна, не совмещенная с туалетной комнатой, большая светлая кухня. Если я вас еще интересую, напишите».

«Уважаемый Аркадий Николаевич!

Я получила ваше письмо. Прочитала его очень внимательно. То, что вы называете «недостатками», не очень серьезно. Зато я усматриваю много весьма положительных качеств, и это вполне меня устраивает. Но должна вам сказать, что мне не нравится, как вы несколько иронически говорите о себе. Не надо иронизировать по поводу того, что у вас нет многих зубов. В таком возрасте, как у вас, у многих ощущается такой же недостаток. Дело в другом. Скажите, вы не обращались по поводу вашего слезоточивого глаза к врачу? Мне кажется, это очень утомительно вам каждую минуту вытирать слезы. Если хотите, я могу проконсультироваться у знакомого, очень авторитетного окулиста. А то, что вы прихрамываете, то это совершенно не имеет никакого значения.

Пишите. Уважающая вас
Клавдия Григорьевна».

«Уважаемая Клавдия Григорьевна!

Я получил ваше письмо, и, должен сказать, оно несколько уязвило меня. С чего вы взяли, что мой левый глаз настолько слезоточит, что это должно утомлять меня? Он слезоточит, но незначительно. И потом, вы же не знаете, а советуете обратиться к окулисту. А если я обращался? Тогда зачем же ваши советы, которые в какой-то мере обижают меня? Или это является серьезным препятствием для нашего совместного сожительства? Если это так, тогда напишите, и я останусь снова один.

С уважением к вам А. Н. Тучнов».

«Добрый день, уважаемый Аркадий Николаевич!

Ну зачем же так-то? Я вас совершенно не хотела обидеть. Но по себе знаю, когда у меня начал слезиться, как ни странно, тоже левый глаз, то я пошла к врачу, и, знаете ли, он прописал мне глазные капли «Офтан-дексаметазон». Они находятся в очень удобном пластичном флакончике. И я поправила свой глаз. Правда, через полгода у меня обнаружили катаракту на том же глазу. Но вот как только она созреет, ее снимут. Ждать осталось не так много. Так что не надо обижаться на меня. Ничего подобного я не имела в виду. А что касается прогулок по берегу Черного моря, я была бы согласна, если бы не боялась жаркой погоды. У меня иногда подскакивает давление. Но ради такой прогулки я готова и рискнуть. Только как же вы с вашей хромотой? Не будет ли вам слишком обременительно?

Желаю вам всего доброго!

Клавдия Григорьевна».

«Уважаемая Клавдия Григорьевна!

Что касается прогулок по берегу Черного моря, то ведь есть не только жаркие месяцы, но и осенние — так называемый «бархатный сезон». У меня проезд бесплатный, так как я персональный пенсионер республиканского значения. (А это значит, что расходы у нас сокращаются вдвое.) Хромота у меня, как писал я, незначительная, и она нисколько не помешает нам во время прогулок. Кстати, ношу обыкновенную обувь, отнюдь не ортопедическую. И вообще я здоров. Давление у меня космонавтовское — 130 на 70. Каждый день обтираюсь холодной водой. Не помню, когда болел гриппом. Это я все к тому, что не обременю вас какими-либо физическими недугами. Хотелось бы мне узнать несколько подробнее о вашей жизни. Это, конечно, удобнее сделать при встрече. Встретиться же я готов хоть сейчас.

Пишите. Я рад вашим письмам.

С уважением к вам — А. Н. Тучнов».

«Добрый день, уважаемый Аркадий Николаевич!

Я прямо-таки завидую вашему богатырскому здоровью. К сожалению, своим я не могу похвастать. Правда, серьезного ничего нет, но иногда бывают легкие головные боли, какая-то непонятная усталость. Но я думаю, это оттого, что нет вблизи дорогого мне человека. Вот, казалось бы, совсем немного — ваши письма, но мне уже гораздо лучше. Я жду их с нетерпением, и жадно читаю, и, верите ли, обретаю и душевную и физическую бодрость. Между прочим, сразу же по прочтении вашего последнего письма начала обтираться холодной водой. Это — чудо! Спасибо вам огромное за то, что меня надоумили.

Вы интересуетесь моей жизнью. Что вам ответить? Конечно, было бы проще, если бы мы встретились и поговорили, но я сейчас никак не могу вас принять. Мне почему-то кажется, что вы во мне разочаруетесь. А возможно, и я в вас. Ведь вы до сих пор не прислали мне свою фотографию и почему-то не просите мою. И все же, может, рискнем и пришлем друг другу свое фото? Это я к тому, что уж тогда бы я рассказала и о себе. А так зачем, если вам не понравлюсь? Итак, жду вашу фотографию. Свою же вышлю, как только получу вашу.

Жду. Уважающая вас К. Г.»

«Уважаемая Клавдия Григорьевна!

Никакого риска нет в том, чтобы мне послать свою фотографию, но мое лицо совершенно нефотогенично, и у вас будет обо мне ложное представление. Поэтому рисковать не стоит. Это может стать нашей роковой ошибкой. Конечно, можно бы прислать фотографию, где я на десять лет моложе, но зачем же обманывать? Можно, конечно, десяток раз снявшись, выбрать такой ракурс, чтобы он наиболее выгодно представлял меня. Но зачем же опять-таки обманывать? Да и не обманешь, при встрече все это легко опровергнется. Так что уж лучше давайте встретимся!

Жду вашего согласия. А. Н.»

«Уважаемый Аркадий Николаевич!

Согласилась бы с радостью с вашим предложением, но я уже писала вам, на днях мне должны снять катаракту, и тогда я смогу встать перед вами, как говорится, «во всеоружии». Сейчас же, поймите меня правильно, я не могу. Итак, будем переписываться. Я уже так привыкла к вашим письмам, что без них не могу прожить дня. Скучаю. Жду и по нескольку раз хожу на почту. Там уже меня знают и либо улыбаются, значит, есть письмо, либо качают горестно головой, значит, нет.

Конечно, лучше бы рассказывать о себе при встрече, но коли встреча откладывается, то, извольте, я могу сообщить то, что у меня есть дочь и у нее двое детей. Но она живет отдельно от меня. Больше того, далеко. На Камчатке. Муж моей дочери — вулканолог. Кроме дочери, никого нет, так что мне приходится все свободное время коротать одной.

Я люблю книги. У меня есть маленькая библиотека из моих любимых. К ним относятся все, где рассказывается с добрым, сердечным чувством о простых людях, об их жизни. По выходным хожу в кино. К сожалению, в последнее время очень много фильмов с убийствами, после просмотра которых мне становится страшно возвращаться домой в пустую квартиру. Дома меня ждет только Киса — ангорская кошка.

Что вам сказать еще о себе? Право, даже не знаю. Напишите теперь вы. Буду с нетерпением ждать вашего письма.

Жду. Уважающая вас Клавдия Григорьевна».

«Уважаемая Клавдия Григорьевна!

Вы правы, куда проще бы рассказать о себе при встрече, но коли она откладывается, тогда уж письменно. Я тоже люблю книги. Тут у нас вкус совпадает. Но не только о простых людях. Я их вижу каждый день. Нравится мне читать, а точнее, узнавать и о тех, кто решает судьбы мира. В кино хожу, но только на такие фильмы, где нет никаких мафий. И вам советую не ходить, тогда и бояться не будете. Зачем же вы сами себе приносите неприятности? Вы не маленькая и должны сами понимать, что в вашем возрасте такое не рекомендуется. Этим вы меня просто удивили. Лучше уж по вечерам сидеть дома у телевизора. Куда спокойнее. Правда, программы бывают перенасыщены хоккеем и футболом, но при желании всегда можно переключить на другое.

У меня тоже есть дочь. Но жизнь у нее сложилась не так удачно, как у вашей. Мою об-

манул негодный человек. Она родила от него сына. Теперь, конечно, внук уже большой — служит в армии. Дочь живет неподалеку от меня. Приходит навести порядок в моей квартире вдовца. Звал ее к себе, не идет. Предпочитает свободное расписание. Что ж, понять ее можно, еще не стара. Я тоже на свободном расписании. Но это уже говорю с иронией по отношению к себе. Бывают вечера, когда не знаю, куда себя девать. Есть, конечно, у меня товарищи. Но они еще работают, и поэтому всяк занят своим делом, отсюда и намечающееся расхождение.

СКА

Мне ваши письма тоже интересны. И с каждым письмом все более.

Уважающий вас А. Н.»

«Уважаемый Аркадий Николаевич!

Нет-нет, вы меня не так поняли. Я не люблю фильмов с убийствами. И, если попадаю на такой фильм, то чисто случайно. Так что не подумайте, что я в этом смысле какая-то недоразвитая. И в этом отношении я с вами очень согласна. Я вам ничего не сказала о своей работе. Как уже было сказано в объявлении, я инженер. Работаю в проектной конторе. Работа несколько однообразная, но она не утомляет. Были когда-то мечты, дерзания, и они бы осуществились, но вышла замуж, и все отодвинулось. Теперь же, когда одинока, поздно наверстывать упущенное. А что это вы сказали «иронически» насчет вашего «свободного расписания»? Интересно бы знать!

Жду. Уважающая вас К. Г.».

«Уважаемая Клавдия Григорьевна!

Мне кажется, вы просто придираетесь к каждому моему слову. С какой целью, я не знаю, но это очевидное-невероятное. Ничего я не имел в виду скрытого в словах «я тоже на свободном расписании». Именно иронически и надо было сказать. Ведь я же на заслуженном отдыхе, пенсионер. Куда мне идти? Чем мне увлекаться? Да куда хочу, туда и иду. Чем хочу, тем и увлекаюсь. Только ведь дело-то в том, что мне некуда идти и нет у меня никаких увлечений. Пока работал, был смысл труда. Тогда ни о чем не думал и не готовил себя к жизни пенсионера, и вот теперь как рыба, выброшенная на берег. Разеваю рот, а воды нету. Вот откуда и ирония. Эх, вы! Совсем не знаете меня, а уже подозреваете бог знает в чем. Я ведь понял ваш намек. Понял!

Остаюсь А. Н.».

«Господи, Аркадий Николаевич!

Да я и не думала вас обижать. Побойтесь бога, такие обвинения в мой адрес! Ну, пошутила. Ну, неудачно, но чтобы вас подозревать в чем-либо дурном, да избави господи. Так что уж не обижайтесь. Кстати, операцию глаза мне произвели. И теперь я все прекрасно вижу. Могу и встретиться с вами. Назначайте день, и я буду вас ждать.

Уважающая вас Клавдия Г.».

«Уважаемая Клавдия Григорьевна!

Простите меня, если я несколько резко высказался в последнем письме, но честное слово, тоже никак не хотел вас обидеть. Еще и еще раз простите. Что же касается свидания, то вот что я подумал, милая вы моя Клавдия Григорьевна, а что, если мы не понравимся друг другу? А если не понравимся, то сможем ли продолжать дальше наше такое хорошее знакомство? Вот какие мысли мучили меня всю ночь, прежде чем я решился написать вам это письмо. Может быть, лучше будет, если мы на какое-то время отложим свидание и продолжим нашу переписку? Как вы на это смотрите?

Жду ответа. Уважающий вас Аркадий Н.».

«Дорогой Аркадий Николаевич!

Ваше письмо заставило меня многое взвесить, оценить и решить. Да, я согласна с вами. Вы мне очень дороги по тем письмам, которые я получила от вас. Я уже не одинока. Я знаю, есть человек, который интересуется моей жизнью, мною, и этим он мне уже дорог, близок и необходим. И действительно, а что, если при встрече кто-либо из нас не понравится друг другу? И все рухнет? Это будет ужасно! Так что давайте, милый Аркадий Николаевич, переписываться. Потом, возможно, когда-нибудь мы и повстречаемся... Мне даже страшно подумать, а что, если при встрече что-нибудь будет не так. Вы правы, совершенно правы!

Более чем уважающая вас Клавдия Г.».

«Дорогая Клавдия Григорьевна!

Это ничего, что я к вам так буду обращаться? Действительно, вы мне очень и очень дороги. На закате дней я считаю это восходом солнца!..»

«Милый, милый Аркадий Николаевич!

Я так счастлива была получить ваше письмо...»

Они переписываются. Более близких людей еще свет не знавал. Они ни разу не поссорились, не повздорили. Из письма к письму все более нежные излияния. И чем больше пишут, тем больше есть что сказать друг другу.

РАСТЕНИЯ-«КОСМОНАВТЫ»

Возможно, что эта крохотная — можно подержать в руках — «теплица», побывавшая в космосе, — прообраз космических оранжерей будущего. Как они будут выглядеть, мы сейчас можем только догадываться, опираясь на собственное воображение. Но растения, по прогнозам ученых, станут спутниками космонавтов, чтобы дать им пищу и кислород во время походов к другим планетам. Сейчас же ведутся опыты с целью изучить возможности использования высших растений в замкнутых биологических системах жизнеобеспечения орбитальных станций при длительных космических полетах.

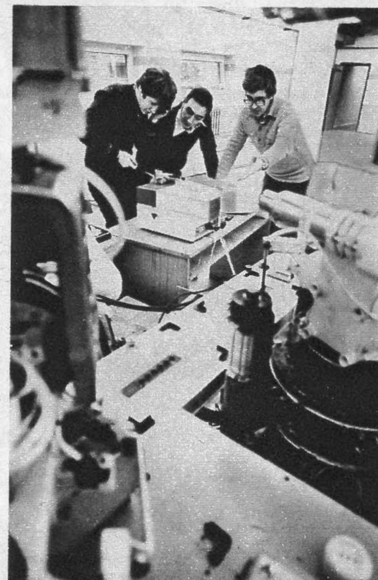
Эти проблемы волнуют последнее десятилетие ученых Института ботаники Академии наук Литовской ССР. Аппаратура, созданная здесь, не раз побывала на борту орбитальных станций «Салют-6» и «Салют-7». А недавно вернулся из космоса прибор «Фитон-3», в котором модельное растение, оно называется арабидопсис, осуществило полный цикл своего развития в условиях космического полета. Теперь материал уникального эксперимента оценивается при помощи методов электронной микроскопии.

Так выглядит «Фитон-3».
Фото М. Баранаускаса (ТАСС)

Инженер Т. Сорокина, ведущий конструктор Ю. Борисов, старший инженер Д. Артемьев осуществляют отладку новых образцов промышленных роботов.

Фото Н. Адамовича (ТАСС)

НОВЫЕ РОБОТЫ

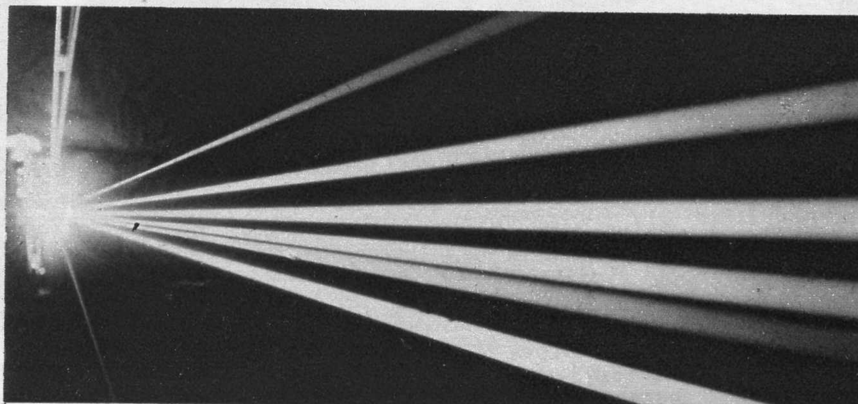
В Ленинграде в Центральном научно-исследовательском институте робототехники и технической кибернетики создаются новые конструкции промышленных роботов. Обладая датчиками, заменяющими роботам органы чувств, они могут приспосабливаться к изменениям технологической обстановки. Электронная память позволяет этой новой технике обслуживать несколько рабочих мест и манипулировать одновременно несколькими видами продукции.

«ПРОФЕССИИ» ЛАЗЕРА

Известны уже десятки «профессий» лазеров. Кое-где они даже основательно потеснили традиционную технологию. Например, при точечной сварке миниатюрных деталей в приборах, сверлении часовых камней, изготовлении алмазных фильер для протяжки синтетических волокон и тонких проволок. И предела развитию лазерной техники в обозримом будущем не предвидится.

Как показали исследования, проведенные в Институте электросварки имени Е. О. Патона, перед лазерами открываются широкие технологические возможности в самых различных видах сварки — этой одной из самых распространенных сложных и ответственных производственных операций. Лауреат Ленинской и Нобелевской премий академик Н. Г. Басов считает, что, по-видимому, «лазерная сварка найдет применение прежде всего в тех случаях, когда требуются особенно высокая скорость и точность, а также когда известные способы неприменимы, — скажем, при необходимости дистанционной сварки крупноразмерных деталей».

Но производство предъявляет к этой технике собственные требования: лазеры должны быть мощными, с высоким коэффициентом полезного действия, отвечать требованиям техники безопасности... Короче говоря, они должны быть технологичными.

Сварка лучом лазера.

ПЕРВЕНЕЦ НАДЕЖДЫ

Рождение этого симпатичного малыша стало научной сенсацией мирового значения. Добрая весть, пришедшая из Всесоюзного научно-исследовательского института разведения и генетики сельскохозяйственных животных ВАСХНИЛ, означала: советским ученым первым удалось успешно завершить эксперимент по выращиванию в пробирке незрелого ооцита коровы до стадии дробящейся яйцеклетки.

Для непосвященных звучит мудрено. Ну, а если проще, то этот эксперимент открыл возможность моделировать в пробирке самые тонкие процессы зарождения живых организмов. До сих пор ученым отдельных стран удавались только опыты по пересадке зародышей от коровы-донора к корове-реципиенту. Первотелке Надежде были пересажены эмбрионы, полученные в искусственной питательной среде. Это достижение советских исследователей выводит животноводство на новые, еще вчера казавшиеся чистой фантастикой рубежи.

В самом деле, если сейчас от коровы-рекордистки мы получаем лишь по пять-шесть телят, то сколь заманчивы перспективы получения десятков подобных наследников. Для этого следует более рационально использовать генетический резерв высокопродуктивных и ценных в племенном отношении коров, например, пересаживая обычным здоровым буренкам оплодотворенные яйцеклетки их более породистых, знаменитых подруг. Важный шаг в этом направлении и был сделан в ленинградском институте, шаг, имеющий огромное значение для совершенствования индустриальных методов развития высокопродуктивного мясного и молочного животноводства.

Первенец — так назвали приемного сына Надежды — и в самом деле оправдывает все возлагавшиеся на него надежды. Растет здоровым, крепким, весит уже более 80 килограммов и в самом хорошем настроении (если судить по аппетиту) встречает первую в своей жизни весну.

О. ПЕТРИЧЕНКО
Фото Ю. Щенникова

СПЕКТР

ИСКОПАЕМЫЕ ИЗ... ВОДЫ

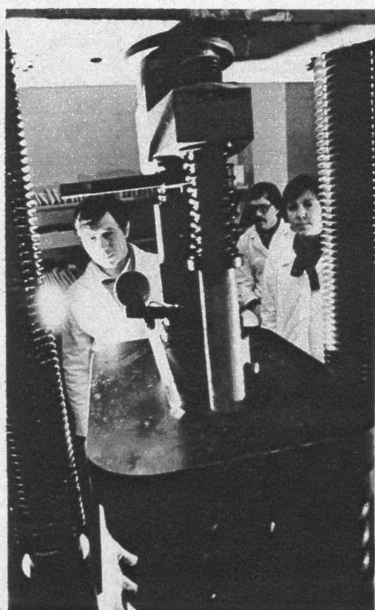
Что, если добывать полезные ископаемые из... воды? Правда, идея использовать в качестве сырья морскую воду, богатую редкими химическими элементами, не нова. Но на этот раз речь не о «богатствах Нептуна». Белорусские ученые предлагают использовать в качестве сырья насыщенные ценными веществами подземные воды. Поскольку вода является прекрасным растворителем, в ней скапливаются всевозможные химические элементы, и концентрация их порой бывает очень высока. Ученые подсчитали, что приблизительно половина мировых запасов редких металлов и других элементов, которые необходимы в оптике, медицине, технике, сосредоточена в воде.

Ученые Белоруссии предлагают добывать такое гидроминеральное сырье в Полесье. Анализы воды дали обнадеживающие результаты. Кроме того, здесь уже есть много разведочных скважин, их пробурили, когда искали нефть,— и разветвленная сеть трубопроводов, по которым воду можно будет транспортировать к месту переработки.

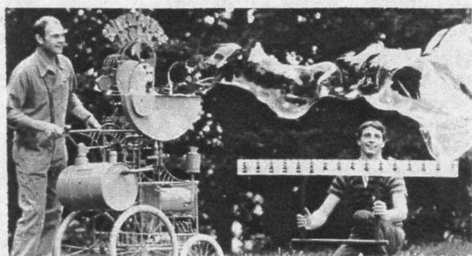
Первую экспериментальную эксплуатационную скважину планируется пробурить уже в ближайшее время. А сейчас ученые Белорусского научно-исследовательского геологоразведочного института (БелНИГРИ) ведут исследование водоносных слоев, оценивают ресурсы гидроминерального сырья.

На снимке: младший научный сотрудник БелНИГРИ И. С. Маныкин (слева), старший гидрогеолог В. И. Агафонов и младший научный сотрудник Л. А. Синицина у лабораторного гидравлического пресса для извлечения воды и твердой породы.

Фото А. Толочко (ТАСС)

И вот в Физическом институте имени П. Н. Лебедева АН СССР, который возглавляет Н. Г. Басов, специально для промышленности разработаны мощные лазеры на углекислом газе. На их основе и создаются технологические установки, которые уже работают на многих предприятиях страны. На Московском автомобильном заводе имени Ленинского комсомола отлажена поверхностная закалка деталей корпуса заднего моста автомобиля «Москвич» с помощью трубчатого газоразрядного лазера «Кардамон», что обеспечило экономию трехсот тысяч рублей в год на одну установку. А на автозаводе имени И. А. Лихачева благодаря внедрению автоматической лазерной сварки карданных валов втрое увеличился срок службы этих важных деталей.

ДУТЫЙ РЕКОРД

Швейцарский художник-эксцентрик И. Песталоцци создал специальный агрегат для выдувания самых больших в мире мыльных пузырей. Машина эта довольно сложная, с множеством трубок, клапанов и баков. Выдув пузырь длиной три метра, И. Песталоцци достиг цели — его имя внесено в книгу рекордов Гиннеса.

Сейчас Песталоцци — суперзвезда западноевропейского поп-арта. За восемь лет своего восхождения к славе он создал много различных аппаратов. Одни из них копируют прыжки лягушки, другие могут выпустить клуб дыма размером с дом. Когда Песталоцци упрекают в бесполезности его художеств, он отвечает: «Раскрытие глубокого философского смысла и проникновение в суть его произведений зависят прежде всего от богатства воображения и умственных способностей наблюдателя».

На снимке: счастливый художник и его творение.

Фото ЮПИ — ТАСС

Виктор ПРОНИН

БУДЬ ЗДОРОВ, СОСЕД

БЫЛЬ

Со своим соседом Анатолием я познакомился едва ли не в первый день заселения: наши квартиры оказались рядом. При новоселье всегда требуется помощь, и мы помогали друг другу втаскивать узлы, вещи, потом наступила пора установки звонков, подключение газа, воды... В общем, познакомились. Анатолий получил трехкомнатную квартиру и вселился в нее с женой, дочкой и своей матерью — маленькой полуслепой старухой, которая единственно что могла отличить — это дверь от окна.

Квартиру Анатолию выделил мебельный комбинат, на котором он работал уже лет десять, освоил едва ли не все станки. Он числился передовиком, а его улыбающаяся физиономия с крутым чубом почти не сходила с Доски почета у проходной.

— Будь здоров, Толик!— приветствовал он свой портрет, направляясь в цех, где громадные, по метру-полтора в диаметре бревна красного дерева, привезенные из заморских стран, превращали в тонкие миллиметровые листы, которыми обклеивали прессованную стружку, и делали из этих щитов весьма роскошные шкафы, столы, стенки.

То ли само новоселье повлияло, то ли он вообще был таким веселым парнем, но первый год, а может, и два за его стеной нередко слышался звонкий, заливистый хохот. Веселой оказалась вся семья, а поскольку слышимость сквозь стены была в пределах принятых стандартов, из соседней квартиры частенько доносился и его смех, и жены Ольги, смуглой красавицы, и смех дочки — в год новоселья она пошла в первый класс. Только старуха молчала. Да ее и мудрено было услышать — она постоянно сидела в своей маленькой комнатке. Видно, свое уж отсмеялась.

Оказался Анатолий человеком не только веселым, но и на удивление мастеровитым. Из-за его стены не менее часто, нежели смех, слышалось завывание дрели, визг пилы, стук топора. И этих занятий по дому, по обживанию квартиры Анатолию хватало вполне — не привлекали его ни прогулки, ни фильмы, да и друзья наведывались к нему нечасто. Выписав на комбинате нестандартные щиты, он отделал прихожую красным деревом, даже грязно-серый линолеум заменил плашками из красного дерева, так что ни один паркет не мог сравниться с полом, который сделал Анатолий в своей квартире. Многие наши жильцы заходили к нему, качали головами, цокали языками — им такое было недоступно.

Однако слава о способностях Анатолия, о его мастеровитости и некоторых возможностях по части материала быстро облетела весь дом, и его стали приглашать то в одну квартиру, то в другую. Он охотно откликался на просьбы и делал антресоли, приколачивал полки, перевешивал двери. Как это принято, расплачивались чаще бутылками. Нередко хозяин накрывал стол, и тут же, как говорится, не сходя с места, и обмывали работу, чтобы не рассохся шкаф, не отвалилась дверца.

— Будь здоров, Толик!— поднимал хозяин тост, и Анатолий польщенно к нему присоединялся.

Домой он возвращался навеселе, и хохот в этот вечер звучал и громче и дольше обычного. Правда, все реже его подхватывали жена и дочка. По-видимому, они уже не находили ничего смешного в постоянных выпивках и несколько взвинченном веселье главы семейства. Иногда, вернувшись от особенно щедрого хозяина, Анатолий брал со шкафа гитару и, ударяя по струнам сразу всеми пальцами, пытался что-то петь. Пел он из рук вон плохо, но это его не смущало, как и то, что он совершенно не знал слов ни единой песни. И пение его заключалось в том, что он радостно выкрикивал слова, которые в общей сложности складывались в нечто испанско-цыганское.

— Эх, кибитка!— слышалось из-за стены.— Костер в степи! Гитара плачет! Искры гаснут на лету!

Со временем я стал замечать, что тот неосознанный восторг, с которым Анатолий пел в первые месяцы после новоселья, постепенно исчез, и в его возгласах появилась какая-то ожесточенность, настойчивое стремление что-то утвердить или в чем-то утвердиться. И те же слова о кибитках, лошадях, тореадорах звучали без прежней легкости.

К тому времени новосельный ремонт в доме кончился. Вроде все было сделано — наложен кафель в кухне и ванне, сменена сантехника, подогнаны рамы, и двери уже закрываются, как им положено. Анатолий охотнее прежнего стал откликаться на просьбы помочь не только в нашем доме, но и в соседнем, который сдали через полтора года. Он просто привык к заказам, к новым людям, застолью да и к свежей копейке. Редкий вечер проходил без того, чтоб он не заработал десятку, две. Когда никто не заходил к нему, когда не было заказов, он сам шел, спрашивал, не надо ли чего сделать. Одно время на него посыпались просьбы сделать так называемые калошницы. Зачем они в наших тесных прихожих, где и табуретку негде поставить, непонятно. Но когда эта странная мода закончилась, все вдруг стали делать антресоли в кухнях, и опять Анатолий был при деле. Возвращался он, когда домашние уже спали. Ему было не до сна, и, взяв гитару, он выходил на балкон. Выкрикнув в ночь что-то о лошадях и быках, тоже уходил спать. В такие вечера из-за стены доноси-

лись голоса отнюдь не веселые, начались скандалы.

Да, так уж получилось, что в квартире, отделанной по высшему разряду, увешанной коврами и уставленной хрусталем, больше не слышалось заливистого смеха. Там раздавались раздраженные, упрекающие друг друга голоса, в которые нередко врывался и тоненький голосок дочери и глухой, прерывающийся кашлем голос старухи. Иногда ругань обрывалась грохотом входной двери. Анатолий уходил из дома и направлялся в подвал, где вокруг нашего слесаря собирались ребята, которым некуда было себя деть, но у которых всегда находилась лишняя трешка и желание сбегать в соседний гастроном за бутылкой вина. Анатолий быстро сдружился с ними, слесарь выделил ему шкаф для инструмента, разрешил оставлять велосипед и даже ключ от подвала дал, чтобы Анатолий всегда мог воспользоваться верстаком, циркуляркой, если подворачивался срочный и выгодный заказ.

Постепенно в подвале стали скапливаться и кое-какие материалы — тот щит принесет, тот дверь с соседней стройки по случаю прихватит. Анатолий натаскал фанеровки из красного дерева. Теперь можно было брать от жильцов заказы и посерьезнее, поденежнее. Получив деньги, Анатолий торопился к ребятам в подвал — порадовать их заработком и угощением.

Иногда, впав в восторженное состояние после подвальных посиделок, Анатолий звонил ко мне в дверь, испытывая, видимо, жажду поговорить, рассказать о себе. Однако разговора не получалось. Мысли его путались, он перескакивал с одного на другое, мог за пять минут пять раз рассказать, как его обидел мастер, которого он выучил, которого сам когда-то привел на комбинат. Но тут же обида сменялась самым невероятным хвастовством. Он рассказал, как работал поваром на международных поездах, как во время службы в армии спас от гибели целый полк, выведя его на маневрах из непроходимых болот, которые, впрочем, через несколько дней легко мог сменить зыбучими песками или тайгой. Он утверждал, что служил в десантных войсках, и время от времени его охватывало неукротимое желание показать приемы, которые помнил. Захватывая меня то за шею, то поперек туловища, он показывал, что со мной может произойти, если он нажмет, если нанесет легкий удар ладонью, если...

Наверно, он мечтал о значительности, а вино давало ему такое ощущение. И напрашивалось еще одно объяснение: не было в его реальной жизни ничего такого, за что он уважал бы себя, не было ничего, что могло сравниться с ощущением значительности в пьяном состоянии. Говорить ему было совершенно не о чем. Впрочем, вскоре у него появилась тема — он рассказывал, как одному мужику сделал стенку и взял за нее триста рублей, как однажды очень уважаемый заказчик в чине полковника подвез его на машине, а еще один, хирург, пообещал свое покровительство, и если с ним что случится, то чтобы ложился он на стол только к нему и ни к кому другому... В этот момент светились в его глазах счастье, преданность денежному мужику, полковнику, хирургу.

Как-то вернувшись из командировки, я узнал, что у Анатолия неприятности — его задержали со щитами, которые он пытался унести с комбината. На первый раз ограничились лишением премии, но предупредили, что, если подобное повторится, наказание будет куда серьезнее. Повторилось через месяц. Но Анатолий посулил сторожу две бутылки коньяка, и тот отпустил его с миром.

Однажды, зайдя к Анатолию за стеклорезом, я застал его с гитарой.

— Заходи, сосед!— радостно приветствовал он меня.— Хочешь, спою? У меня гитара сама в руках играет!— И он, ударив пятерней по струнам, вскричал: — Кибитка дальняя! Костры печальные! Белокрылая чайка над морем летит! Смелее в бой, смелее в бой!

Потом отложил в сторону гитару и, поманив меня пальцем к столу, показал фотографию. Это был он сам. Снимок был вделан в рамку под стеклом, а внизу приклеена табличка с указанием его имени, отчества и фамилии.

— Что скажешь?— спросил он загадочно.

— На могилку, что ли, приготовил?

Отсмеявшись, он поставил фотографию на место.

— С Доски почета снял. Пришел, подковырнул отверткой и снял.

— Зачем?

— Так я же вор,— сказал он с искренней грустью.— Мне нельзя на Доске висеть.

— Но если начальство оставило... Значит, можно.

— Начальство — ладно, а я не могу... Как прохожу мимо — нехорошо становится. Совестно. Не веришь?

— Если сам сковырнул... Чего ж, верю.

— Выпить хочешь?

— Не, у меня от этого дела голова болит.

— А у меня болит, когда не на что выпить!— засмеялся он.— Ты это, если узнаешь, кому стенка нужна, скажи, я сделаю. Втрое дешевле, чем в магазине, получится. Материал мой,— заверил Анатолий.

— А материал с комбината?

— Откуда же... Там еще много осталось.

Пришлось мне как-то побывать и на мебельном комбинате, посмотреть, как работает Анатолий. К нему нагрянули гости, а он как раз в ночной смене работал, вот и попросила меня Ольга зайти к нему в цех и сказать о приезде гостей — может, удастся пораньше домой прийти.

На проходной меня никто не остановил, вахтер только проводил равнодушным взглядом и снова прикрыл глаза. Смена ночная, вряд ли кто будет ходить без дела, видимо, решил он. Анатолия я нашел быстро. Он как-то сказал мне, что его цех — первый от проходной. Здесь пахло распаренным деревом, а где-то в глубине цеха виднелось слабое свечение, оттуда доносился гул работающего станка. Когда я подошел поближе, то увидел, что это был громадный станок с трехметровым стальным ножом, который, двигаясь взадвперед, срезал с бруска красного дерева миллиметровые слои — фанеровку. Станок оказался японский, по замыслу конструкторов с каждым взмахом этот зловещий нож должен был сбрасывать тонкую пластинку дерева на движущуюся ленту. Но, видимо, что-то сломалось в станке или ленту эту попросту отключили из непонятных соображений. Во всяком случае, у ножа работали два человека. После каждого взмаха они подхватывали срезанный слой и передавали его дальше. Одним из этих рабочих оказался Анатолий. Работал он с азартом, ничего не видя вокруг, что в общем-то понятно — тут не зевай, работа напряженная, нож двигается с почти незаметной для глаза скоростью, и успевать подхватывать листы непросто. Подождав, пока кончится очередной брусок, я подошел. Анатолий раскраснелся, устал, по лицу стекали капли пота, но был он радостен, испытывая какой-то душевный подъем.

— Видел?— спросил он так, словно и само это красное дерево, и станок, и работа — все как-то относилось к нему и поднимало его в собственных глазах.— Какое дерево! Есть твердое, чисто камень, есть такое, что, как хлеб, режется. Какие фигурки можно вырезать, если наладить дело...

— В чем же дело?— спросил я.

— Дело в шляпе,— он поскучнел и махнул безнадежно рукой.— В большой шляпе нашего начальника. Видел забор справа от проходной? Из красного дерева. А настил через лужу видел? Из красного дерева. По двадцать, тридцать сантиметров толщиной срезают боковины у ствола. Нестандарт. Вот и делают мостки через лужи. Ну, скажи, как не унести?— Он наклонился к самому моему уху и, сложив ладошки, рупором прошептал:— Представляешь, не унесу — зубы начинают от досады болеть. Точно. К врачу обращался. Говорит, на нервной почве.

Смена у Анатолия вскоре заканчивалась, да он и сам слегка сократил ее, и я в раздевалке некоторое время подождал его. Подошли другие рабочие, у кого-то нашлась бутылка вина, тут же было решено ее выпить, но когда разлили в стаканы, в раздевалку неожиданно вошел мастер.

— Ну прости, Петрович!— воскликнул Анатолий.— Ну, не видели тебя, не видели!— Анатолий рассмеялся, протянул мастеру свой стакан. Тот взял, хмуро глянул на всех.

— Будь здоров, Толик,— сказал мастер и, выпив вино, ушел в темноту коридора. Ночная смена продолжалась.

Однажды я увидел в прихожей два незнакомых чемодана. Оказалось, их занесла Ольга.

— Что случилось?— спросил я ее при встрече.

— Анатолий... Грозился все изрубить. Пьет он. Недавно прогулял три дня, кому-то стенку делал... Лишили премии, тринадцатой зарплаты. Речь об увольнении идет.

— Может, потолковать с ним?— предложил я.

— Я с ним каждый день толкую за полночь,— горько усмехнулась Ольга.— Директор с ним толковал, главный инженер, из профкома к нам приходили домой... Лечиться предлагали. Тут что получается — неинтересен он сам себе в трезвом виде. Вот и встряхивается. Когда трезвый, у него все из рук валится, скучно ему трезвым быть. А напьется, плачет, рыдает, какие-то страсти переживает, поет... Мой костер в тумане светит... Боюсь, что тюрьма ему светит, а не костер.

— Может, ему в самом деле на излечение нужно?

— Так ведь он уж лечился. Вон весной его два месяца не было, думаете, где он был... Лечился,— горько усмехнулась Ольга.— Он же парень мастеровой, там полку приколотил, там завхоз больницы его подрядил стеллажи на складе установить, кабинет у главврача отделал.

— Так,— протянул я, уже догадываясь о продолжении.

— Совершенно верно,— кивнула Ольга.— А расплачивались с ним спиртом. Так что вернулся он оттуда вполне созревшим.

Они развелись примерно через год после этого разговора. К тому времени Анатолия уволили из комбината, и он устроился слесарем в соседний дом. Ольга с дочкой тут же уехала к родителям. На время размена квартиры Анатолий остался жить с матерью. В нем появилась какая-то суетливость, он словно старался побыстрее расстаться, побыстрее уйти к себе, уйти в себя. Куда-то все время торопился; причем даже торопливость эта была мелковатая — то к открытию магазина, то в приемный пункт бутылки сдать, то в подвал, где, как он подозревал, уже разливают по стаканам...

Как-то вечером совершенно трезвый и оттого угрюмый позвал меня к себе.

— Слушай, сосед, купи ковер, а?

— Какой ковер?— невольно спросил я, опешив от такого начала.

— Любой. Выбирай. Хочешь тот, хочешь этот... Вот называется «Русская красавица», говорят, ценится... Он сейчас полторы тысячи стоит, а я тебе по старой цене, как до повышения, а? Вдвое, а?

— Да нет... Вешать некуда. Да и не люблю я ковры, душно от них.

— Может, знаешь, кому нужен? Ты предложи там у себя на работе, глядишь, кто клюнет, а?

— Вряд ли...— сказал я неуверенно, не зная, как закончить этот разговор.

— Ну, тогда дай два рубля... Дашь?

Два рубля я, конечно, ему дал, хотя прекрасно знал, зачем они ему и как быстро он их истратит. Он их истратил через полчаса, а через час я слышал из-за стены сильные удары пятерни по струнам и рыдающий голос Анатолия:

— Мы простимся на мосту! Навсегда! Кто же мне судьбу предскажет!

Проснулся я в ту ночь от каких-то странных звуков и долго не мог понять, в чем дело: то ли гудела вода в кранах, то ли собака выла за окном. А потом понял — за стеной плакал Анатолий, время от времени срываясь на самый настоящий звериный вой. И столько было в нем безудержной боли, какой-то животной тоски, вроде даже неосознанной, что стало даже жутковато. Этот ночной вой, прерывающийся невнятным человеческим бормотанием, до сих пор стоит в ушах как самое страшное, что мне довелось услышать. Анатолий выл от одиночества и, может быть, какого-то краткого ночного прозрения, поняв вдруг ясно и четко все, что с ним произошло.

А что, собственно, произошло? Человек вдруг почувствовал себя нужным очень многим людям, оказалось, что он обладает умением, которого нет у других, почувствовал на себе внимание, даже уважение. Хотя уважение, измеряемое стоимостью той или иной бутылки, стоит немного. По простоте душевной он полагал, что угощение — признак уважения, что его принимают на равных, что все стремятся посидеть с ним за одним столом, сказать ему приятные слова. Возможно, многие действительно испытывали признательность к нему за ловко сработанные антресоли, за встроенный шкаф, но чаще всего бутылка на столе появлялась в качестве платы, небольшой в общем-то платы, куда меньшей, нежели стоила его работа. Но поскольку с ним соглашались выпить и полковник и хирург, это поднимало его в собственных глазах, а мелькнувшее где-то рядом уважение людское требовало все новых и новых подтверждений. И Анатолий начинает сам искать, где бы ему снова подтвердить свою значительность, свое мастерство, увидеть если не восхищение в человеческих глазах, то хотя бы благодарность. Не говоря уже о том, что это его занятие оказалось весьма доходным.

А потом, наверно, сработала привычка — поскольку каждое такое событие сопровождалось выпивкой, то он стал в выпивке ис-

кать то, что вначале получал и без нее.

Прошел еще год, Анатолий с Ольгой разменяли свою квартиру на две однокомнатные, он с матерью переехал куда-то на окраину города. Иногда, крепко выпив, он приходит к нашему подъезду, сидит на скамейке, поджидая знакомых. Нет, не просит у них денег, зная, что теперь он уже не сосед, человек, можно сказать, чужой. Его желание проще — он хочет поздороваться, что-то вспомнить, причем все это делает с такой угодливой улыбкой, так показывает при этом свою радость, что бывшие его соседи чувствуют себя неловко и стараются побыстрее проскочить в подъезд.

Примерно год назад я неожиданно встретил Анатолия в гастрономе. Он шел вдоль витрин самообслуживания, и одно плечо его было перекошено тяжелой сумкой. Судя по выпирающим углам, по легкому перезвону, в ней были пустые бутылки. Подойдя к рыбным консервам, он взял какую-то плоскую банку, сунул ее в карман и направился к кассе. Шел он как-то боком, прижимаясь к витринам, чтобы не задеть никого, не причинить неудобства. На нем было знакомое мне черное пальто, только меховой воротник отсутствовал. Увидев меня, он не то смутился, не то обрадовался.

— Как поживаешь?— спросил я его.

— Кое-как... Вот посуду сдаю.— Он колыхнул своей тяжелой сумкой.— Авось удастся на одну полную поменять. Хочешь выпить?

— Что Ольга, не встречаетесь?

— О!— обрадовался он.— У нее все в порядке. Вышла замуж, представляешь, парня родила, Толиком назвала. В мою честь, наверно...— Он замолчал, поняв вдруг, что в общем-то для особой радости причин нет, что это другая жизнь, не имеющая к нему никакого отношения. Но, видно, доброта, которая еще оставалась, позволяла ему радоваться чужим удачам.— А я это... скоро сяду, наверно. К тому дело идет.

— Как сядешь?— не понял я.

— Это... драка случилась... Ну и я... Дал одному по шее, позвонки сдвинулись, в гипсе лежит...

— За что, Толик?!

— А черт его знает! Наверно, он сказал что-то не так... Выпимши я был, не помню... Взяли подписку о невыезде, через неделю суд. Если хочешь, приходи, посмотришь, как люди в тюрьму-то садятся.— Он улыбнулся, прикрыв свободной ладонью щербатый рот.— Ну, пока.

— Будь здоров, сосед,— сказал я растерянно, наблюдая, как он со своей тяжелой сумкой, стараясь обойти каждого встречного, двинулся к выходу. Вот он остановился у кассы, показал девушке плоские консервы, заплатил какую-то мелочь и зашагал к выходу.

— Будь здоров, сосед,— хотелось повторить, уж не в знак прощания, а в самом прямом смысле этих слов.

Я не встречаю его уже вот год, а может, и больше. Наверное, все-таки суд состоялся. И суд сказал свое слово: до чего может довести человека вино, в какую бездну бросить его. Когда я кому-нибудь рассказываю о судьбе Толика, не все верят: может ли быть такое? Может, бывает! Рассказанное мною — быль.

ЗУЛЬФИЯ

ЦВЕТНИК

В рассветный час я забрела в цветник.
Листва осенняя дышала вяло.
Но летний запах роз в меня проник,
И осени моей как не бывало.
Здесь розы плыли, словно вдоль реки,
Волшебные струили ароматы,
Те вспыхивали, словно огоньки,
А на других был грустный свет заката.
...Я не любила обрывать цветы.
Но тут со мною что-то приключилось,
И роза несравненной красоты
В моей руке внезапно очутилась.
И тишина запела соловьем.
И роза мне в лицо дышала тонко
Благоуханьем сладостным ребенка...
И подкатился к горлу слезный ком.
...Не увядай, цветник! Не увядай,
Как вянет жизнь моя.
Не счастье ль это —
Средь осени глубокой невзначай
Вновь ощутить печаль и сладость лета?!

Я НЕ ДОМА В ЭТИ ДНИ...

Я не дома в эти дни.
Я в гостях, и я пьянею
От всего, что мне сродни,
Что душе всего нужнее.
Что ты, сердце?.. Где мы? Чья
Эта речь, что так близка мне?
Камень тут звончей ручья,
А ручей певучей камня.
Под скалой шалит волна —
Жеребенок белогривый.
А скала накалена:
Искры, словно от огнива!
Здесь приветлив взгляд любой.
Горы в белых клочьях ваты
Ждут дождя, как ждут любовь,
Не беда, что седоваты!
Каждый дом зовет гостей:
— Вот — очаг! Садись погреться.
Вот — вино!.. Пригубь скорей!
Освежи беседой сердце!
В танце девушка скользит,
Словно лебедь, невесомо.
А вступаетв круг джигит:
Взблески молний, грохот грома!
Нынче легок каждый путь,
Люди ласковы друг к другу...
Хочешь глубже вникнуть в суть?
Вслушайся в напев ашуга.
Горестно свирель поет
Над домами утром рано.
Слышишь боль былых невзгод?
Заживает трудно рана...
Оттого и речь резка,
Оттого и строгость эта
И в осанке старика
И в созданиях поэта.
Строгость, гордость, чистота...
Дышат этим горы, люди.
Две вершины Минги-тау —
Точно две девичьих груди.
Внемлет горная гряда
Многозвучной песне птичьей:
Радость песни и труда
Здесь давно вошли в обычай.
...Я не дома в эти дни.
Я сейчас в гостях у чуда.
Всюду здесь друзья, взгляни!
Но и дома, средь родни,
Я о них не позабуду

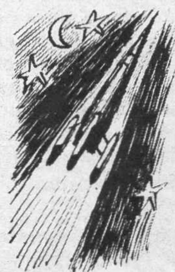
Перевела с узбекского Юлия НЕЙМАН.

Лев СОРОКИН

ЕДИНСТВО

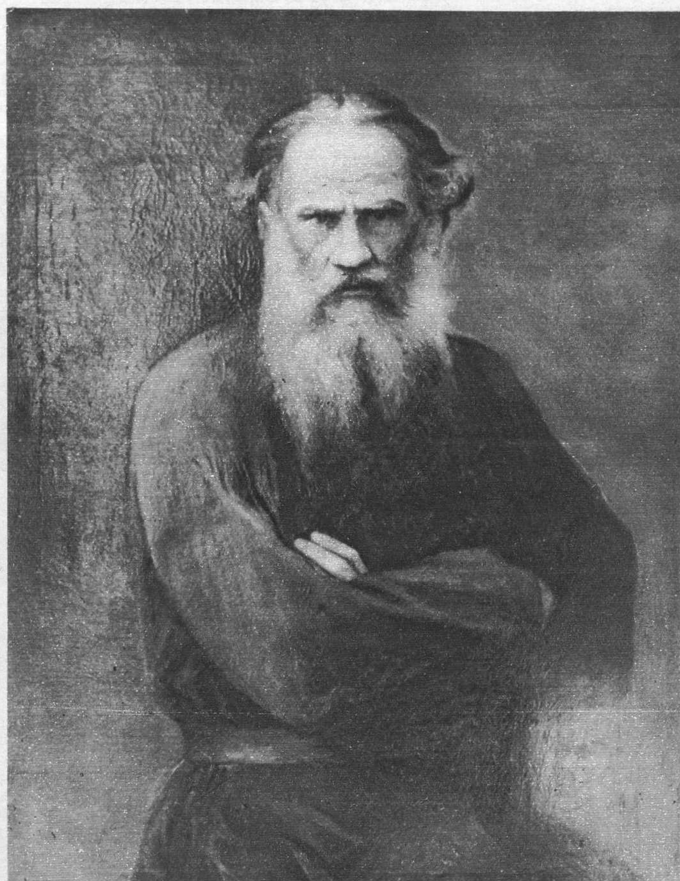
Лучом махнуло солнышко:
— До завтра!
И звезды поползли по небесам,
И в крошечной планетке
космонавты
Заснули в небе
По земным часам.
Меня ж ручья тревожит
бормотанье
И дерева,
багрового,
как взрыв:
Мы устремились в тайны
мирозданья,
Все тайны человека не раскрыв.
Хочу найти исток своей кручины
И тишины желтеющих долин:
Мы проникаем в звездные
глубины,
Еще своих не ведая глубин.
Но вдруг звезда упала и сгорела,
Мои глаза наполнив высотой.
И ощутил я
Сердцем всем и телом
Свое единство с этою звездой.

СЕРДЦЕ

Вселенная,
Тебя я всю приемлю.
Но как песчинку-Землю
Нам спасти?
И мысли возвращаются на Землю,
Не долетев до Млечного Пути.
О люди,
Мы Землей владеем вместе.
Для нынешней войны
она мала.
Скупые строки
Радиоизвестий
Вновь превратят сердца
В колокола!
От грохота им в пору и разбиться!
Но лучше ли
От пламени сгореть?!
И в страхе разлетаются все птицы,
И рыбы рвут расставленную сеть.
В леса вонзились солнечные вилы,
Чтобы ночные тени унести.
Пусть сердце я спасти уже не
в силах,
Лишь Землю бы любимую
Спасти!

Свердловск.

Л. Н. Толстой. Портрет работы Н. Сычева. 1903 г. (Публикуется впервые.)

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Иногда говорят: случай. Именно случай сыграл решающую роль в судьбе портрета, столько лет остававшегося неизвестным. Несколько лет назад во время прогулки по Невскому проспекту я решил заглянуть в антикварный магазин. Несмотря на свое пристрастие к собирательству, в антикварных магазинах бываю крайне редко. А тут зашел. И каково же было мое удивление, когда среди малоинтересных предметов я вдруг увидел портрет. Старый, без рамы, потемневший, с серьезными повреждениями — портрет Льва Николаевича Толстого. Суровое лицо, умный, взыскующий и одновременно скорбный взгляд мудрого человека. Особенно поражали глаза — проницательные, смелые, толстовские.

Став владельцем неизвестного портрета, я решил приступить к поиску. Хотелось выяснить историю его создания, узнать все возможное о художнике, разыскать первых владельцев портрета.

Внимательно изучив приобретенный холст, в левом нижнем углу я увидел сделанную кистью художника надпись: «Н. Сычев. 1903 г.» Итак, передо мной был неизвестный прижизненный портрет Л. Н. Толстого.

Имя автора полотна как в русских, так и в зарубежных библиографических указателях отсутствовало. Зато в архиве Государственного Русского музея и в Государственном областном архиве Ленинграда удалось найти биографию и фотографию художника.

Крупный ученый, педагог, знаток древнерусского искусства, Николай Петрович Сычев был скромным художником, мало стремящимся к славе и известности. Упоминаний о портрете Л. Н. Толстого в его материалах не оказалось.

В дни празднования 150-летия со дня рождения Л. Н. Толстого портрет был вывешен в Пушкинском доме, и предложенная зрителям книга отзывов заполнилась многочисленными откликами.

«Портрет Льва Толстого, несомненно, написан профессиональным художником. Это не любительская работа,— пишет профессор скульптуры института имени И. Е. Репина М. Керзин.— Автобиография Н. Сычева, хранящаяся в архиве Русского музея, говорит нам, что это был крупный искусствовед. В ней не упоминается, чтобы Сычев когда-либо занимался живописью как профессионал. Но при всей своей демократичности Толстой не стал бы позировать для портрета неизвестному любителю. Список портретов Толстого свидетельствует о верности этой мысли».

Все эти отзывы подтверждали мои предположения. Да, не только на меня, но и на многих зрителей, людей, имеющих прямое отношение к искусству, и просто любителей портрет производит сильное впечатление. Он обладает такой живой, притягательной силой, которую может передать только художник, сумевший глубоко проникнуть в личность писателя, постичь величие его души, помыслов и стремлений. С портрета на нас смотрит Толстой настоящий, невыдуманный. И верилось, что художник видел его, говорил с ним, понимал его.

Не исключено, что молодой художник посещал мастерскую Репина в петербургской Академии художеств, и признанный мастер помог ему передать этот проникновенный толстовский взгляд.

Фотографии Толстого... Их много. Нет ли среди них репродукции с портрета? Оказалось, нет. Но в редком альбоме «Граф Лев Толстой» я нашел фотографию 1884 года из коллекции Ф. Н. Булгакова, где писатель сфотографирован сидящим в рабочей блузе со скрещенными, как на портрете, руками.

Было проведено сравнительное научное исследование двух репродукций: фотографии 1884 года и снимка с портрета художника Сычева, написанного в 1903 году. В заключении специалиста Центральной ленинградской научно-исследовательской лаборатории кандидата юридических наук М. Любарского говорится: «Имеющиеся различия свидетельствуют, что художник не копировал фотографию, а писал портрет, исходя из своего художественного восприятия».

Работа в архивах, встречи и беседы со специалистами, к сожалению, не подтвердили документально предположения о том, что художник делал с Толстого натурные зарисовки или хотя бы видел его. Требуют дальнейших поисков и доказательств и другие гипотезы. Но работа моя не прошла бесследно. Для себя я открыл талантливого художника, поразившего и удивившего меня. А многочисленные встречи со зрителями окончательно убедили: портрет никого не оставляет равнодушным.

Полотно академика Н. Сычева уникально по запечатленному на нем психологическому состоянию. Художник создал образ мужественного и непоколебимого в своих нравственных принципах Льва Толстого.

На нас смотрит Толстой-обличитель с его острым неприятием мира насилия. Особенно выразительны на портрете глаза. В них и ненависть, и протест, и скорбь, и боль, и осуждение. Это взгляд человека, имя которого мы произносим с гордостью, который, как писал о нем А. Блок, «одним бытием своим как бы указывает, что есть какие-то твердые, гранитные устои: точно на плечах своих держит и радостью своею поит и питает свою страну и свой народ».

Ленинград.

Г. СВЯТЛОВСКИЙ-ДОБРОЛЮБОВ

ГАННИБАЛ, СЫН ГАМИЛЬКАРА

В Абхазии, недалеко от Сухуми, живет Владимир Семенович Чхеидзе. Работает он в научно-исследовательском институте. Самое любимое занятие его — чеканка, которой научился у известного грузинского чеканщика, живописца и скульптора Ираклия Очиаури.

На снимках: иллюстрации к роману Георгия Гулиа «Ганнибал, сын Гамилькара», выполненные Владимиром Чхеидзе в металле.

К. Юон. КОНЕЦ ЗИМЫ. ПОЛДЕНЬ. 1929.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Юон. ТРОИЦКАЯ ЛАВРА ЗИМОЙ. 1910.

Государственный Русский музей.

О МУЗЫКЕ ВСЕРЬЕЗ

60 лет назад, в первом номере «Огонька», была помещена заметка «К трехлетней годовщине опытной школы эстетического воспитания». В ней журнал знакомил читателей с замечательной энтузиасткой детского театра — Натальей Сац.

Сегодня народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Н. И. Сац рассказывает о недавнем заседании президиума Советского центра АССИТЕЖ (эта организация объединяет детские и юношеские театры всего мира), президентом которого она является.

Наталья Сац. 1923 год.

Программа заседания не исчерпывалась темой «Музыка в спектаклях театров для детей». Хотя сама тема задала требовательный тон, поставила острые вопросы: часто ли мы слышим со сцены образную, содержательную музыку? Какое место занимает она сегодня на театральных подмостках?

Как правило, музыкой заполнено сегодня все «слышимое пространство». Но предстает она чаще всего приспособленчески-иллюстративной. Это — влияние моды, идущей с Запада, моды, часто дурной и вредной для детской впечатлительной души. Примитивная, громоподобная музыка, где есть только ритм, только фальшивая «энергия», выдается иными театрами за живой голос современности. Детская да и взрослая аудитория иных театров не слышит за такой музыкой живого человека, не ощущает звучания его души. К тому же во многих театрах даже и такая «музыка» записывается на пленку; фонограмма мешает жить актеру, заставляет его подлаживаться к технике; отсюда начинается ремесленничество, глохнет творчество.

Плохая музыка губит театр, фильм, передачу ТВ — любое произведение искусства... В 1984 году должна состояться в Москве очередная международная ассамблея детских музыкальных театров. Этот смотр — ответственное событие. Он должен отобразить интернационализм, дружелюбие нашего народа, его силу и творческий рост.

Мудро поступают некоторые ТЮЗы, когда привлекают себе в помощь самодеятельные — музыкальные и певческие — коллективы, если это не «громыхающие» ВИА — с пошлыми повадками и скверным репертуаром.

Хорошо, если у театра есть связи с композиторами — не дилетантами. Все чаще добрым словом поминается музыка Гаврилина; правда, такие композиторы — редкость. Но они и будут рождаться, если остро почувствуют необходимость в себе, в музыке настоящей.

— Больно сказать, но сказать приходится,— заметила Н. И. Сац,— что даже на сцене МХАТа детский спектакль «Синяя птица» идет под фонограмму, хотя оркестр есть у театра.

Это еще один пример нарушения принципа неотделимости этики от эстетики,— прямое нарушение завета Станиславского: играть для детей, как для взрослых, только лучше. Ребенок — существо доверчивое. Мы, взрослые, неизбежно увидим в нем то, что он у нас возьмет. Мы ратуем за многогранный облик человека коммунистического общества, духовно богатого, отзывчивого. Но далеко не всегда умеем воспитывать детей высокими образами, большим содержанием. Театры нередко предлагают детям-зрителям очередное «развлечение», иной раз — безвкусицу.

Шел разговор о том, что нужен хотя бы какой-то музыкальный «ликбез» в детских и юношеских театрах. Нужна перестройка работы театральных вузов, поскольку музыка, так же как высокая литература и поэзия, неотторжима от театра, кстати, не только детского. Сегодня порою и взрослый театр влияет далеко не в лучшую сторону на окружающую его детскую и юношескую среду. Упоминался в этом контексте спектакль «Жестокие игры»: сочувственно изображаемое развязное, явно отрицательное поведение фрондирующих подростков, опасное для формирования молодежи, ее вкусов и взглядов... Выступавшие подчеркивали роль Детского музыкального театра в Москве, поставившего с первых дней своего существования заслон безвкусице и мелкотемью.

Единодушие и взаимопонимание превратили заседание президиума Советского центра АССИТЕЖ в своеобразный творческий семинар, способствующий росту высокого идейного искусства сцены.

ВСТРЕЧА НА ВОКЗАЛЕ

ЭКРАН

Этот фильм начинается и кончается солнцем. Тусклым, холодным, безрадостным — в начале, на склоне северного зимнего дня. И ослепительным, утренним, над искрящейся снежной белизной — в финале. Между этими кадрами целая эпоха в жизни героев, и яркий, огненный свет в заключительном эпизоде — символ их надежд, их будущего.

Эльдар Рязанов характеризует жанр своей новой работы довольно громоздко: трагикомедия, детектив, мелодрама. Все эти элементы в ней присутствуют, и все же не хотелось бы таких жестких определений для тонкой и глубокой по ощущению человеческих характеров картины. Словесный пересказ ее содержания, даже самый подробный, мало что может сказать о ней. Дело ведь не в том, что человек отстал от поезда и в силу дополнительных обстоятельств оказался без денег, без документов, что в судьбе его одновременно и роковую и благотворную роль сыграла официантка Вера. Из-за нее все дорожные неприятности Рябинина, но с нею же он обретает внутреннюю свободу, освобождается от гнетущего чувства одиночества. Это тем более драгоценно, что уже дана подписка о невыезде, и должен быть суд и срок, а он не уголовник, не мошенник: взял на себя вину жены, сбившей автомобилем человека.

Кадр из фильма.

На станции, на небольшом пространстве — перрон, пути, зал ожидания, вокзальный ресторан — разворачивается основное действие фильма. Оно идет параллельно обычной сутолоке вокзала, но развивается вопреки этой жизни, с ее комплексными обедами, «деловым» спекулирующим проводником, постоянными объявлениями по радио о прибытии и отправлении, о времени стоянок поездов. Здесь важна не цепь нелепых случайностей, вызывающих у зрителей печальную улыбку, не комические ситуации, в которые волей авторов сценария — Э. Рязанова и Э. Брагинского — попадают столичный пианист и официантка. Главное — они обретают друг друга и прежде всего самих себя.

Создатели ленты говорят, что поначалу они предполагали сделать еще одну историю любви, занятную, чуть грустную комедию, завершающую трилогию, начатую «Иронией судьбы» и «Служебным романом». Но вот актеры и камера оказались в людском потоке, на вокзале, на улице, и все, что было так хорошо и красиво придумано за письменным столом, потребовало серьезных поправок, которые вносила сама реальность. К чести сценаристов, они не сопротивлялись активному вторжению жизни, актеров, оператора в свое произведение, поверили таланту и чутью исполнителей. Невольно восхищаешься той актерской и человеческой интуицией, которая помогла Л. Гурченко и О. Басилашвили найти особые краски, оттенки, нюансы, чтобы воплотить на экране образы, еще не имеющие аналогии в нашем киноискусстве.

В «Вокзале для двоих» нет бурных проявлений чувств, бушующих страстей, как в предыдущих работах Рязанова. Роли окрашены в приглушенные тона, словно выдержаны в пастельной гамме, и создаются прежде всего на интонациях, паузах, при минимуме движений и жестов. Но вы еще долго слышите, как произносит Гурченко ту или иную фразу, как отвечает ей Басилашвили. Как скороговоркой, почти на одних шипящих что-то бормочет, уговаривает, торопит проводник — Никита Михалков — Верочку, которая никак не может принять его стиль ухаживания. Или как горделиво рыночный «посредник» — Нонна Мордюкова показывает случайным гостям собственный видеофон с записями заграничных ансамблей. Гурченко не пользуется расхожими представлениями об официантках, в ее героине нет надменности и вульгарности, хотя и она берет чаевые и может ответить посетителю не очень любезно. Так же, как нет делячества в Рябинине, занятом в прежней своей жизни постоянным добыванием денег для семьи, погоней за гонораром, суетливым круговоротом — концерт, репетиции, записи.

Надо видеть грустные, даже когда смеется, глаза Веры — Людмилы Гурченко, ее осанку, в которой и достоинство и самостоятельность, и то, как щелкает она на счетах, принимает заказ, несет подносы, как разговаривает с клиентами, подругами. Как смотрит на Рябинина, когда приезжает к нему в места заключения, а он, не видя ее и не зная, даже не догадываясь, что она приехала, ест и ест испеченные ею пироги, кулебяки, котлеты... Как уговаривает его идти быстрее, когда уже совсем

→

нет сил, и уже не он, а она волочит в колонию тяжелый аккордеон, взятый из починки. И морозный воздух рвет легкие, и ноги подгибаются сами собой. И уже нет ни минут — секунд, уже просрочено время, а опоздание приравнивается к побегу. Как уговаривает его идти быстрее и как спасает, понимая вдруг, что звуки музыки дадут знать тем, кто за забором, на наблюдательном пункте, что он совсем рядом. Как достает аккордеон и убеждает: «Играй! Играй громче!» — и усаживает его, и подставляет спину, чтобы было удобней.

В первых эпизодах Олег Басилашвили — Рябинин замотанный, подавленный всем, что на него свалилось, непрактичный. «Он жизни не знает»,— говорит о нем Вера. Скандалит с официанткой, истово отстаивает свою правоту, а поезд уходит, рушатся планы, а несъеденный обед стоит-то рубль двадцать. Но вот в одном из эпизодов неожиданно для самого себя — интеллигентного и респектабельного — он входит в роль эдакого восточного продавца и остроумно разыгрывает ее, окрыленный тем, что торгует не для наживы. Можно вспомнить и их запоздалый ужин в ночном вокзале, рядом со спящими на скамейках транзитными пассажирами, баулами, поклажей. Настоящее пиршество, хотя все блюда — остатки от свадебного банкета. Но внутреннее изящество этих двух людей, их непосредственность и обаяние скрашивают необычное застолье, делая его забавным и милым.

Яркими гранями сверкает перед нами душевная красота Веры. Сценарий и лента сделаны так, что именно она раскрывается ежеминутно на протяжении всей картины. Общаясь с Рябининым, становится тоньше, деликатней, пересматривает многое в своей жизни, в отношении к людям. Рябинин появляется в фильме как человек, уже сделавший выбор; его характер и поступки несут весь груз ответственности, который он на себя принял, оттенены некоторой нервозностью и отчаянием. Жертвовать собою ради ближнего, вместо него отвечать перед законом — на это не каждый может решиться. И как страшно узнать, что жена, ради которой он принимает муки, не достойна его страданий: не хочет сердцем разделить с ним беду.

Вере тоже приходится делать выбор, правда, куда менее значительный: отказаться от поклонника, от выгодных контактов с ним и полюбить человека, которому грозит тюрьма, страдать и ждать, не зная, вернется ли — ведь встреча на вокзале была почти случайной, всего два дня...

Авторы задумывали эту ленту как добрую сказку, но сила одаренного творческого коллектива подняла ее, и в фильме в полный голос прозвучала тема истинного душевного благородства, самоотверженности, которые возвышают человека над обстоятельствами. Мы видим, что объединяет этих двух людей живая душа, умение любить и сострадать, чувствовать и понимать друг друга.

Какая высокая простота, естественность в сцене свидания, когда Рябинина на несколько часов отпускают из колонии в поселок для встречи с «женой» — он еще не знает, что приехала Вера. Их затянувшееся молчание сильнее крика: никакие самые красивые фразы не смогли бы тоньше и выразительней передать это состояние — неожиданность долгожданной минуты, неловкость, радость, тоску...

Рязанов утверждает свои нравственные идеалы с помощью комедии — такова природа его дарования, отмеченного чувством мудрого юмора, сознающего, что великое и смешное часто соседствуют. Смешная, казалось бы, ситуация: встретившись с любимой, человек не бросается к ней, а быстро, молча ест и не может остановиться, поглощая все подряд, что приготовила Вера. Но смеяться не хочется: все так пронзительно и достоверно, что ком подступает к горлу.

Теперь уже принято говорить о кинематографе Рязанова, о своеобразии его комедий, светлых и немного печальных, в которых герои всегда оказываются участниками неожиданных происшествий. «Вокзал для двоих» подтвердил человечность картин этого режиссера, неистребимый романтизм его основных персонажей.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Владимир **НИКОЛАЕВ**

ПРОГРЕССИ

ОЧЕРК ПРЕСТУПНОСТИ В США, НАЧАЛО 80-Х ГОДОВ

«КОЗА НОСТРА» И АМЕРИКА

Как и неорганизованная преступность, организованный гангстеризм в последние годы претерпел в США существенные качественные изменения. Суть их в том, что ускорился и упрочился процесс слияния мафии с деловыми и политическими кругами страны. Начало 80-х годов, совпавшее с президентством Р. Рейгана, дало новые более чем убедительные примеры, свидетельствующие об этом процессе, весьма характерном для американского образа жизни.

Так называемая американская мафия — это главным образом гангстерский синдикат «Коза ностра» («Наше дело»). Существует несколько других организованных преступных объединений, но они не идут ни в какое сравнение с этим. Он был создан в конце прошлого века эмигрантами из Сицилии, у которых за спиной имелся немалый опыт организованного бандитизма в родных краях. С самого начала своей деятельности в США им пришлось вести жестокую кровавую борьбу с другими бандами, сложившимися еще до их прибытия в страну. Последние делились главным образом по национальному признаку — ирландские, мексиканские, еврейские и т. п. Спаянные воедино еще на родном острове бандиты-сицилийцы победили в этой борьбе и создали свою преступную организацию по типу сицилийской мафии.

Уже на первых шагах своей деятельности гангстерский синдикат обрел те характерные для него черты, какие и способствовали его эволюции — от банды до всеамериканской преступной корпорации. Вот портрет дона Вито Кашо Ферро, одного из ее основателей, нарисованный исследователем американской мафии Панталеоне. Он писал в 1962 году, что из «школы дона Вито вышли те мафисты, которые свыше 50 лет тому назад основали в Америке процветающую ныне промышленность преступлений». Панталеоне продолжает: «Высокий, представительный, с солидной внешностью, дон Вито пользовался безграничным авторитетом. Глядя на него, никто не мог бы подумать, что это полуграмотный закоренелый преступник. Его с почетом принимали в самых фешенебельных отелях, он пользовался уважением со стороны высокопоставленных особ. Он щедро сорил деньгами с видом человека, которому некогда их считать и некогда думать о том, откуда они взялись». Погоня за внешней респектабельностью, стремление пролезть на самый верх, в мир, как пишет Панталеоне, «высокопоставленных особ» — характерные признаки и сегодняшней мафии.

С годами «Коза ностра» росла и богатела, превратившись в конце концов в организацию, действующую на всей территории страны. Шантаж и вымогательство, убийство по заказу, торговля оружием, индустрия азарта (игорные дома, лото, пари на бегах и т. п.), торговля наркотиками, индустрия разврата и порока (публичные дома, уличная проституция, порнография и т. п.), вторжение в легальный бизнес за счет нажитых преступным путем огромных денег — вот основные сферы деятельности гангстерского синдиката. Понятно, что при таком деловом размахе он не может не входить в контакт и с политическими кругами, причем, как мы увидим далее, связи эти достигают самого высокого уровня.

Уже давно «Коза ностра» поделила страну на несколько регионов, сейчас их насчитывается 27. В каждом из них всем гангстерским бизнесом занимается одна «семья». В нее, как правило, входит несколько сот членов. То есть даже в масштабах всей страны общее число входящих в синдикат гангстеров весьма невелико по сравнению с масштабом их деятельности. Любопытно такое прямое следствие сравнительной малочисленности этой, можно сказать, элитарной преступной организации: все ее члены, начиная с рядовых, — богатые люди, а главы «семей», так называемые боссы, и их ближайшее окружение — миллионеры. Примечательна, можно сказать, по-американски своеобразна атмосфера, в которой живут эти гангстерские лидеры. Их прекрасно знают официальные власти, о них пишет пресса, им посвящаются книги и художественные фильмы. Живут они вполне открыто, легально, часто под личиной бизнесменов. Их надежно защищают награбленные миллионы и нанятые ими юристы. По закону преступника полагается схватить, как говорится, за руку, но какой же гангстерский босс опустится до такого позора? У них для конкретных дел хватает знающих исполнителей. А происхождением бандитских миллионов власти интересоваться не могут, поскольку это частная собственность, каковая в Америке священна и неприкосновенна.

Но и при баснословных финансовых средствах и строгой организации «Коза ностра» все равно не смогла бы столь эффективно действовать на территории всей страны, если бы не опиралась на своего рода актив, преступников, не входящих официально в ее ряды. В их числе — торговцы наркотиками, ростовщики, сутенеры, организаторы игорного бизнеса и т. п. Таких «активистов» у гангстерского синдиката насчитывается около ста тысяч. Их наличие делает «Коза ностру» еще более неуязвимой, поскольку если кто и попадается, то в первую очередь именно эти уголовники, а не члены синдиката, которые при такой системе всегда имеют время прятать концы в воду.

Есть у мафии железный закон — «омерта», то есть, как пишет итальянский журналист и историк Франческо Маркезе, «это месть тем, кто выдает «братьев» (так называют друг друга члены «Коза ностры».— **В. Н.**) или подозревается в предательстве, месть, обычно равнозначная приговору к смерти. Под действие «омерты» попадают и те, кто не являются членом мафии, но по тем или иным причинам оказались свидетелями ее преступлений. Они должны молчать». Один из главных принципов мафии гласит: «Молчат только мертвые свидетели».

И еще характерная деталь: ряды «Коза ностры» постоянно раздирают противоречия, а точнее — междоусобные кровавые стычки между «семьями» за сферы влияния, за дележ добычи, то есть идет борьба за прибыль, идет она в условиях жесточайшей конкуренции, вообще свойственной бизнесу как легальному, так и нелегальному, только в первом случае споры решаются долларом, а во втором — пулей. Один из патриархов гангстерского синдиката, Никола Джейнтиле, в свое время свидетельствовал: «Никто, синьоры мои, из высшей иерархии мафии не умер спокойно в своей постели, во всяком случае, за двадцатилетний период между первой и второй мировыми войнами. Все «короли» погибли от рук «киллеров» (наемных убийц. — **В. Н.**)... Мафиози не знают спокойной жизни. Смерть всегда рядом с ними — когда они дома в постели

Продолжение. См. «Огонек» № 13.

РУЮЩАЯ БОЛЕЗНЬ

и когда в гостях у своих «братьев» за банкетным столом. К этому привыкаешь».

Но было бы ошибкой предположить, что междоусобные распри могут ослабить или даже в конце концов погубить бандитский синдикат. Ни в коем случае! Журнал «Тайм» констатирует: «Коза ностра» рассматривает убийство как инструмент своего бизнеса». «Тайм» также пишет: «Любое предположение на тот счет, что, убивая друг друга, члены мафии в конечном счете перестреляют самих себя и тем самым освободят американское общество от его наиболее отвратительного проявления, абсолютно неверно. В действительности большая война выступает признаком кризиса большого роста. Организованная преступность расцветает мрачным цветом в ужасающих масштабах. Мафия перекидывается на новые сферы экономической и социальной жизни общества, она охватывает новые районы США, она применяет новые, более современные методы».

Журнал прав. «Коза ностру» недаром называют синдикатом. Она по своей организационной структуре удивительно похожа на огромную деловую корпорацию. Во главе ее стоит своего рода совет директоров, так называемая «комиссия», в которую входят девять «боссов» влиятельнейших «семей», а все «семьи», в свою очередь, схожи с филиалами обычной, легальной фирмы. Эксперт по «Коза ностре» из газеты «Нью-Йорк таймс» Николас Гэйдж пишет, что преступный синдикат стал «самым мощным объединением в Америке». В этом определении нет ни малейшего преувеличения! По весьма приблизительным данным («Коза ностра», как известно, еще не дает отчетов налоговому управлению США), доходы гангстерского синдиката ежегодно достигают 120 миллиардов долларов. Насколько это много? Вот одно сравнение: крупнейшая в США и во всем капиталистическом мире монополия «Дженерал моторс» продает за год продукции на сумму, в два раза меньшую. Как видите, только что процитированный выше Николас Гэйдж более чем прав!

Мафия не только слепок с крупнейших деловых корпораций, не только незаконнорожденный отпрыск капиталистической системы; она, можно сказать, уже образ жизни в США. Известный американский социолог Ричард Альба пишет, что «организованную преступность следует рассматривать не просто как инородную паразитическую силу, а как часть американского общества, которую питают и создают типично американские обстоятельства». Воздействие мафии на жизнь американцев поистине огромно. «Влияние организованной преступности,— вынужден признать сам шеф ФБР Уильям Уэбстер,— пронизывает насквозь все наше общество». А социолог Даниель Белл убежден, что в сложной структуре американского общества организованная преступность служит своего рода лестницей, ведущей в высшие круги. Одни лезут по ней и срываются, другие вообще не могут на нее забраться, а третьи всегда находятся на ней. К последним и относятся члены «Коза ностры». Вот такое категоричное определение!

Как мы уже отмечали выше, в последние годы «Коза ностра» все активнее выступает в новом качестве, то есть как деловая фирма. Через подставных лиц или же самостоятельно гангстеры вкладывают свои награбленные капиталы в легальный бизнес. В докладе комиссии американского сената, изучавшей эту проблему, говорится: «Можно перечислить свыше 70 различных отраслей торговли и промышленности, в которых развернули свою деятельность тысячи представителей преступного мира». Далее следует длинный перечень этих отраслей. Министерство юстиции США считает, что «Коза ностра» владеет примерно десятью тысячами легальных компаний, имеющих годовой доход до 12 миллиардов долларов. Но в этой области что-либо подсчитать практически невозможно, ибо полное или частичное участие гангстерского синдиката в той или иной легальной фирме установить очень нелегко, так как деньги не пахнут, особенно в США.

Западногерманский журнал «Шпигель» так пишет об этой стороне деятельности мафии: «Свои доходы после соответствующих финансовых махинаций, рассчитываемых частично с помощью компьютеров, она инвестирует в легальные предприятия, число которых быстро растет и которые охватывают все стороны жизни среднего американца, начиная от детской коляски, покупаемой в универмаге, контролируемом мафией, и кончая гробом, приобретаемым в похоронном бюро, открытом на деньги гангстеров». Упомянутые «Шпигелем» «соответствующие финансовые махинации», предшествующие вложению гангстерских денег в легальный бизнес, состоят в так называемом «отбеливании» или «отмывании» бандитских долларов, в превращении их из «грязных» в «чистые». Это достигается с помощью сложных финансовых операций, часто через подставных лиц. Процесс этот в масштабах страны зашел так далеко, что журнал «Тайм» приходит к выводу: «В сущности, ни одна область коммерческой жизни Америки не избавлена от проникновения мафии в форме инвестиций, разумеется, в большинстве случаев оформляемых через адвокатов или подставных лиц». О размахе финансовых операций мафии говорит тот факт, что она «отбеливает» «грязные» доллары через швейцарские банки, в которых, как известно, свято хранят тайну вкладов и имена вкладчиков. Американская полиция считает, что счет таких махинаций идет на десятки миллиардов долларов.

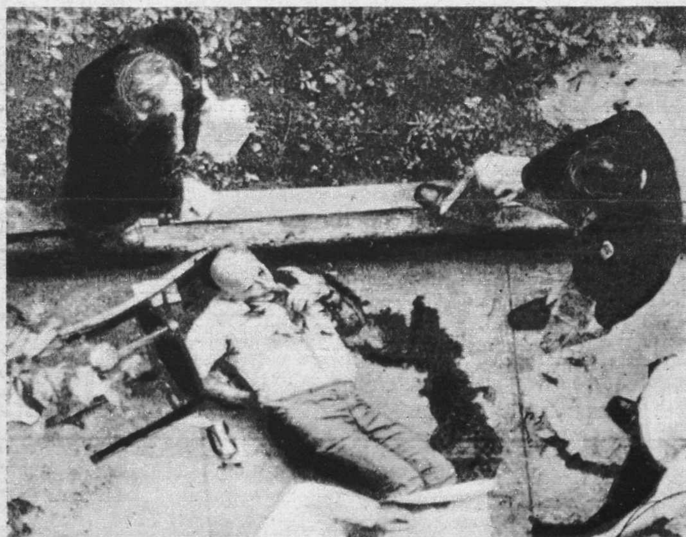
Во всем этом процессе врастания «Коза ностры» в легальный бизнес есть любопытные моральный и социальный аспекты: члены мафии всегда стремились к буржуазной респектабельности, а ныне, вломившись в официальный деловой мир, они становятся стопроцентными буржуа. Попробуй теперь отдели просто делового человека от гангстера-бизнесмена! Это с одной стороны. С другой стороны, легальные бизнесмены и представители официальных властей, так или иначе замешанные в этот процесс вторжения мафии в бизнес, волей-неволей сами уподобляются гангстерам. Официальные американские источники свидетельствуют: «Умышленно или нет, но крупнейшие банки мира и посреднические компании помогают преступникам в «отмывке» (или «отбеливании» — **В. Н.**) денег». А сенатор Лоутон Чайлз считает, что деятельность «отмывщиков денег» «оказывает ужасающее коррупционное влияние на органы юстиции и правопорядка».

Схема действия мафии в легальном бизнесе понятна. Гангстеры приобретают за свои деньги то, что им приглянулось (от предприятий до похоронных контор), и, усевшись в кресла руководителей (или же посадив в них своих ставленников), начинают делать деньги точно так же, как их делают обыкновенные бизнесмены. Более специфична деятельность мафии в профсоюзах. Самые разные профессиональные объединения в США издавна привлекали «Коза ностру». Дело в том, что у профсоюзов

Гангстер обращается к Рейгану через ограду Белого дома: «Эй! Не беспокойся о мистере Доноване, он хороший семьянин». Речь идет о друге Рейгана и члене его кабинета, уличенном в связях с мафией. Смысл игры слов в том, что «семья» — главная ячейка всеамериканской гангстерской корпорации «Коза ностра».

(Журнал «Тайм»)

Конец гангстерского босса Кармине Галанте, убитого соперниками.

(Журнал «Ньюсуик»)

есть свои денежные фонды. Гангстеры не грабят сейфы профобъединений, а залезают в эти фонды, чтобы хозяйничать ими. Закон, разумеется, запрещает использовать средства профсоюзов для игры на бирже, для разного рода финансовых махинаций, приносящих прибыль, но, будучи при деньгах, в США закон можно обойти, ведь он, как и все в этой стране, имеет свою цену (в каждом конкретном случае).

Чем профсоюз больше, тем он, естественно, богаче. Поэтому «Коза ностру» привлекают к себе именно большие профессиональные объединения. Одним из них является профсоюз водителей грузовых машин (более двух миллионов членов). У него, например, только пенсионный фонд составляет около трех миллиардов долларов. Деньги немалые! И совсем не случайно в руководство этого профсоюза давно пробрались ставленники «Коза ностры». В США это ни для кого не составляет секрета, но власти бессильны что-либо сделать: слишком большие деньги стоят за гангстерами, в данном случае являющимися профсоюзными боссами. Пояснить эту ситуацию можно на истории этого профсоюза за последние четверть века, проследив ее вплоть до наших дней.

Итак, некий Джеймс Хоффа, молодой американец итальянского происхождения, лет тридцать назад начал подвизаться в профсоюзе водителей грузовых машин. Попался на глаза гангстерам из «Коза ностры», давно покушавшимся на средства этого объединения. Демагогические способности и беспринципность Хоффы пришлись по душе боссам «Коза ностры», и они стали усиленно помогать ему в продвижении по профсоюзной лестнице. За это содействие Хоффа, разумеется, должен был платить гангстерам. Вскоре они сделали его руководителем профсоюза, который с тех пор стал одним из филиалов «Коза ностры», вернее, одним из ее многих финансовых оплотов. Повторяем, в Соединенных Штатах это обстоятельство известно каждому, но у властей руки коротки. Журнал «Ридерс дайджест» свидетельствует: «Проникнуть через завесу секретности, окружающую пенсионный профсоюзный фонд, так же трудно, как пробраться в Форт Нокс» (где лежит золотой запас США. — **В. Н.**). Говоря о доходах «Коза ностры», журнал пишет: «Большая часть этого золотого потока — никто не знает точно, какая часть — ушла в сферу организованной преступности, в значительной степени финансируемой за счет пенсионного фонда профсоюза водителей грузовых машин».

Будучи марионеткой гангстеров, Хоффа заправлял в этом профсоюзе почти четверть века. И все это время он постоянно находился под следствием и судом. Власти упорно, но тщетно пытались уличить его в махинациях с профсоюзными средствами и в связях с мафией. Но он был надежно окружен плотным кольцом лучших адвокатов страны (нанятых, разумеется, за профсоюзные деньги). Управиться с ним удалось только Роберту Кеннеди, когда тот занимал пост министра юстиции США. Кстати, весьма характерно, что Хоффе открыто объявили войну оба брата Кеннеди, министр и президент США, и оба пали от руки наемных убийц, которых многие исследователи не без оснований связывают с мафией.

Попался Хоффа на подкупе присяжных во время одного очередного процесса над ним. Хоффу выдал один из его же ближайших подручных, спасая собственную шкуру (за это последнему смягчили положенное ему наказание). На сей раз неуловимый до этого профбосс попал под суд по двум делам, в которых доказательства были настолько неопровержимы, что даже его адвокаты оказались бессильны. Получил Хоффа тринадцать лет тюрьмы. Сидел он там и одновременно получал свою зарплату — 125 тысяч долларов в год. Понятно, что при этом тюрьма была для него не той, что для обычных заключенных. Да и отсидел он не тринадцать, а около пяти лет и был выпущен на свободу досрочно «за примерное поведение» (к тому времени братьев Кеннеди уже не было в живых). Но за эти пять лет много воды утекло, многое переменилось... Уходя в тюрьму, Хоффа (с согласия «Коза ностры», разумеется) выдвинул своего заместителя Фрэнка Фицсиммонса, а тот пришелся гангстерам по душе настолько, что они решили оставить его на посту и после освобождения Хоффы. Последний начал рваться к прежней власти и вскоре бесследно исчез. Так уходят из жизни многие из тех, кто не угодил «Коза ностре». Поиски следов пропавшего были безрезультатны. Власти объявили, что Хоффа пал жертвой мафии, но доказательств не представили.

Новый гангстерский ставленник Фицсиммонс заявил о своей программе таким образом: «Всем тем, кто требует реформ в нашем профсоюзе, я говорю: «Катитесь ко всем чертям!» Профсоюз Фицсиммонса (вернее филиал «Коза ностры») поддержал на очередных президентских выборах в 1980 году кандидатуру Рейгана. Став президентом, Рейган в знак благодарности нанес визит Фицсиммонсу в его штаб-квартире. Фотография двух сияющих боссов, политического и профсоюзного, обошла всю американскую печать. В 1981 году Фицсиммонс умер в возрасте 73 лет. Рейган сделал по этому поводу специальное заявление, в котором, в частности, сказал, что «покойный обладал мощным голосом в профсоюзном движении и завоевал уважение среди политических и деловых лидеров страны».

На посту Фицсиммонса тут же сменил очередной ставленник мафии Рой Уильямс. Его уже не раз пытались привлечь к судебной ответственности по обвинениям в «насаждении коррупции и взяточничестве». Пытались привлечь, но пока не смогли. Стивен Брилл, автор обличительной книги «Профсоюз водителей грузовых машин», сказал по поводу избрания Уильямса президентом профсоюза: «Хуже ничего не могло случиться».

Этот профсоюз отнюдь не исключение. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» пишет: «Картина массового наступления организованной преступности на профсоюзы и одновременно картина полного бессилия властей перед лицом этого наступления выявилась в результате обсуждения этой проблемы в американском конгрессе». По официальным данным, постоянно возбуждается много судебных дел за растраты и взятки, в которых повинны функционеры четырех крупных профсоюзных объединений — водителей грузовых машин, неквалифицированных рабочих, служащих отелей, ресторанов и баров, портовых грузчиков. За два года почти треть членов исполкома профсоюза портовых грузчиков Восточного побережья обвинена в коррупции. Ничего удивительного: заместитель председателя этого объединения Энтони Скотто — известный деятель «Коза ностры».

Активное проникновение мафии в легальный бизнес (и в профсоюзы в том числе) качественно меняет ее характер и методы, она все больше сращивается с официальной Америкой, они становятся неотделимыми друг от друга, словно сиамские близнецы. Глава отдела министерства юстиции США Генри Петерсен высказал такую мысль: «Высшие лидеры организованной преступности очень богаты. Это нелегальные биржевики. Они, так же как и биржевики Уолл-стрита, постоянно ищут, куда выгоднее вложить свои деньги. Именно этим и занимается вся верхушка организованной преступности. Если бы нам удалось лишить «Коза ностру» этой ее деловой основы, если бы мы сумели вывести ее из сферы бизнеса в сферу индивидуальной преступности, то нам было бы легче бороться с этой организацией».

В последние годы все активнее идет процесс вторжения мафии в политический мир. Ныне ее связи в этой сфере простираются вплоть до американского конгресса и Белого дома. Сенатская комиссия по расследованию организованной преступности в США отмечает, что «преступность, политика и деловая жизнь сливаются в своего рода зловещую троицу». В ее докладе говорится: «После того как мы заслушали показания в Чикаго, ни у кого из нас уже не оставалось сомнений в том, что организованная преступность и политическая коррупция в США идут рука об руку: столь широкая преступная организация не могла бы существовать, если бы не постоянный и взаимовыгодный союз тех, кто управляет рычагами преступности, с теми, кто держит в своих руках политические рычаги». В докладе также указывается, что в ходе расследования была собрана «обширная документация, свидетельствующая о том, что гангстеры оказывают значительное влияние на обе крупнейшие партии США».

Издающийся в Калифорнии журнал «Параполитикс» пишет о том, что все американские правительства за последние полвека были связаны с организованной преступностью, причем особенно это относилось к администрациям Трумэна и Никсона. А правительство Рейгана, похоже, решило в этом деле превзойти и обоих этих президентов. Как утверждает «Параполитикс», в окружении Рейгана связаны с мафией У. Кейси (директор ЦРУ), М. Хьюджел (бывший заместитель директора ЦРУ), Р. Донован (министр труда), П. Лэксолт (сенатор), У. Маккэн (бывший посол США в Ирландии), М. Рэбб (посол США в Италии) и другие.

М. Рэбб был одним из самых активных сподвижников Рейгана во время избирательной кампании, в результате которой Рейган пришел в Белый дом. В благодарность за помощь Рэбб и получил место посла. В связи с таким его неожиданным ростом многие, разумеется, заинтересовались им, и вскоре выяснилось, что тот имел самые тесные деловые связи с мафией. Причем он обделывал темные делишки с Мейером Лански, одним из самых главных боссов «Коза ностры», который сумел удержаться на своем месте в течение нескольких десятилетий. Оказалось, что в свое время Рэбб был директором «Севн Артс компани», имевшей общий бизнес с мафией. В частности, Лански использовал фирму Рэбба для организации игорного бизнеса на Багамских островах.

Министр труда Р. Донован, один из самых близких к Р. Рейгану людей, до того как попал в правительство, был бизнесменом, вице-президентом строительной компании «Шиавон». Будучи на этом посту, он имел общие дела с мафией. Еще при формировании кабинета Рейгана, в начале 1981 года, ФБР в конфиденциальном меморандуме заявило Белому дому о том, что располагает сведениями «о тесных личных и деловых связях Донована с хорошо известными главарями мафии». Есть и другие веские доказательства того, что Рейган и его ближайшие сотрудники знали о сомнительном прошлом Донована, но все же назначили его на министерский пост, утаив от американского конгресса эти сведения. Очевидно, с точки зрения современной американской морали связь с мафией уже не считается предосудительной.

Затем все это вскрылось, и прокурора Нью-Йорка Леона Силвермена назначили расследовать дело Донована. Силвермен обнаружил два доклада ФБР, содержащих показания осведомителей о преступных связях Донована. Нашлось и еще пять документов, обличающих министра. «Если бы сенатская комиссия,— пишет журнал «Тайм»,— знала содержание этих документов, утверждение Донована могло бы не состояться».

Стало известно, что Донован был приятелем Сальваторе Бригульо, гангстера из Нью-Джерси, был связан с известным боссом «Коза ностры» Уильямом Массели, вел дела с гангстером Филипом Москато и т. д. Официальный Вашингтон, в том числе и сам Рейган, пытался опровергнуть эти факты. Но ход расследования, развернувшиеся в связи с ним события четко указали на хорошо знакомый почерк мафии в этом деле.

Следователи Силвермена несколько раз допрашивали видного гангстера Фреда Фьюрино. Похоже, что они вышли на нужного человека, поскольку вскоре тот исчез. Потом его полуразложившийся труп был обнаружен в багажнике машины. Выяснилось, что он был убит на гангстерский манер: пулей в голову. Есть сведения, что он получал деньги от Донована.

Аналогичная история произошла с другим гангстером, Нэтом Массели, сыном босса «Коза ностры» Уильяма Массели. Нэта тоже допрашивали по делу Донована, и его, как и Фьюрино, убили выстрелом в голову. Как в том, так и в другом случае убийц не нашли. Так были устранены два важных свидетеля. Кому нужно было убирать их, если бы дела Донована как такового не существовало?

Окончание следует.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Палач-убийца без помех
Нашел поддержку у коллег.

Дм. ДЕМИН

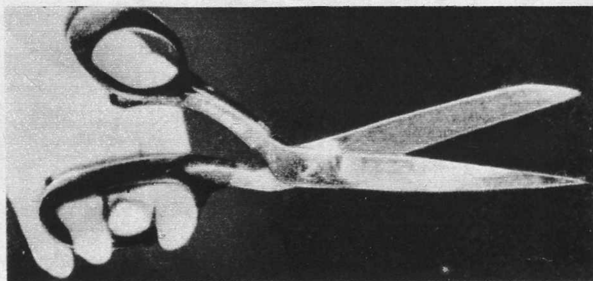

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

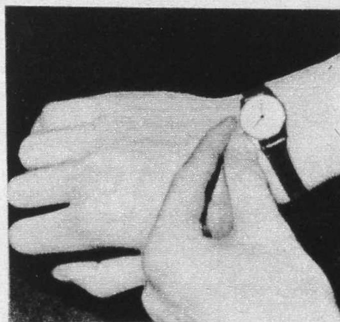
ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

ЛЕВШЕ В ПОМОЩЬ

Леворукость не считается аномалией развития. Известно, что многие знаменитости были левшами: Моцарт и Леонардо да Винчи, Наполеон и Цезарь, наконец, Мэрилин Монро и Грета Гарбо... Тем не менее в быту, а часто и в профессиональной жизни левша испытывает существенные неудобства. Ведь несмотря на то, что процент левшей среди населения земного шара довольно высок (полагают, что чуть ли не 20 процентов людей родятся леворукими), предметы быта и технические приспособления выполняются в расчете на «правшей». Если левше приходится пользоваться привычными для «правшей» предметами, он испытывает скованность, напряжение в руке. Часы и ножницы, показанные на этих фотографиях, значительно облегчат повседневную жизнь левши. Ну, а уж без специально сконструированной гитары знаменитый Поль Мак-Картни вряд ли смог бы стать профессионалом.

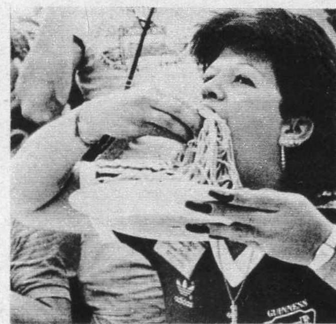

ДИАГНОЗ ПО ВОЛОСУ

Возможно, что в скором будущем диагноз болезни будут определять не только по составу крови, как сейчас, но и по свойствам волоса.

Появилась уже специальная область науки, так называемая трихология, которая занимается исследованием состава волос. При помощи электронного микроскопа, увеличивающего в миллионы раз, можно будет наблюдать состояние клеток волос и на этой основе делать заключение о здоровье человека. Трихологи уже сейчас могут по волосам определить природу некоторых опухолей, сахарный диабет, нарушение кровообращения...

ДЕЛО ВКУСА

«Я всю свою жизнь охотно ем спагетти»,— признается Дениз Маейло из Нью-Йорка. Поэтому в книге Гинесса, сборнике необычных рекордов, она фигурирует как самый быстрый едок спагетти: 91,44 метра макарон Дениз съедает за 27,7 секунды.

ЮМОР

СТАРЫЕ СКАЗКИ НА НОВЫЙ ЛАД

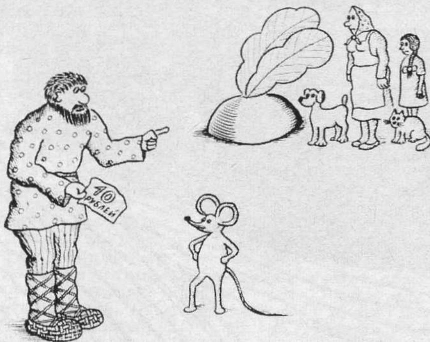

Рис. А. ДМИТРИЕВА

Рис. Н. МАЛОВА

Рис. И. СУРОВЦЕВА (Воронеж)

Рис. Б. ЭРЕНБУРГА (Челябинск)

Рис. В. АШМАНОВА

НЕ СВОЕГО НЕ ВОЗЬМУ

Борис РЯБЕНЬКИЙ

Очередь за помидорами была такой, будто их отпускали бесплатно, а лоточница, как назло, куда-то отошла.

— Обед давно прошел, а она ходит тут! — нервничали научно-технические работники из близлежащих НИИ, но очередь не бросали, хотя им тоже пора было приступать к созидательному труду.

«За это время какой-нибудь закон природы уже наверняка открыли бы»,— возмутился я и решительно встал за прилавок.

Вначале я работал с мучительным напряжением, боясь обсчета. Но уже через каких-нибудь двадцать минут я освоился и стал торговать легко и свободно, как потомственный лоточник.

Помидоры кончились скоропостижно, а тут как раз подошла лоточница с большой коробкой в руке. Глаза ее излучали выстраданное счастье.

— Извиняюсь, сапоги давали... «Цебо».

Стали подсчитывать выручку — на пять рублей перебор. Я побледнел. Страшно стало. У кого украл! У своего брата — научного работника!

— Граждане, что ж это делается! — вдруг трагически закричала лоточница.— Среди бела дня ограбили, без ножа убили!.. Я ж сапоги в долг взяла. С двух тонн, думаю, аккурат хватит... Чем же мне теперь рассчитываться?

Смотрю, плохо ей. Кто-то валидол между стройным частоколом золотых зубов протиснул, кто-то шляпу по кругу пустил.

Но тут новая машина с помидорами подкатила. Лоточница, бедная, сразу отошла, резво так поднялась и за прилавок.

— Прекратите, — говорит,— деньгу собирать! Ничего не возьму! Я хоть и простая лоточница, но своим скромным трудом живу. Мне чужого не надо!

Минск.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Анатолий САВЧУК

Стою я в троллейбусе, рядом — какая-то старушка, за спинку сиденья держится. А на сиденье расселся увалень лет пятнадцати. Сидит и очень пристально в окно смотрит, как будто бы улицу, по которой мы едем, первый раз в жизни видит.

Вот я и говорю бабушке, но так, чтоб и увалень слыхал:

— Ну и невоспитанная молодежь пошла!

— Да-да, — утвердительно кивнула она.— Что невоспитанная, то невоспитанная.

— И чему их в школе учат?! — продолжаю я.

— В самом деле, чему их учат? — соглашается старушка.

— Наверное, и родители у них такие же невоспитанные,— говорю я и смотрю на увальня. Тот и ухом не ведет.

— Какие отцы, такие и дети,— вздыхает бабуля.

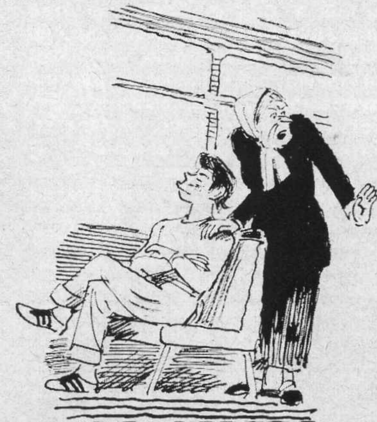
— Куда это годится: молодой, здоровый парень сидит, а старуха стоит! — уже совсем громко сказал я.

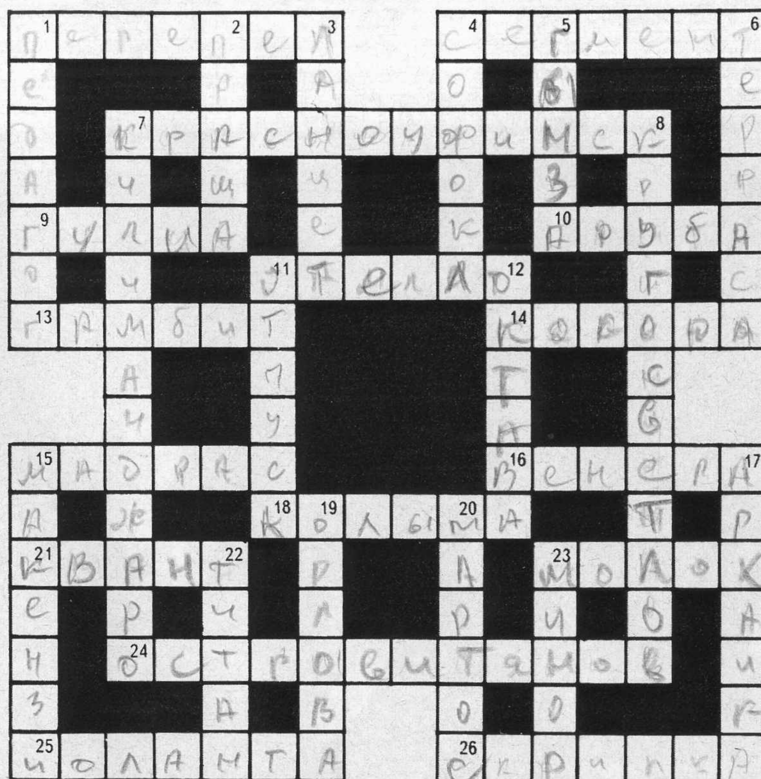
Бабушка смотрит то на меня, то на увальня.

— Эй, ты, юниор! — тронул я его за плечо.— К тебе же обращаются! А ну, уступи старушке место!

— Чего это вы ребенка дергаете?! — вдруг набросилась на меня бабка.— Можете своих детей воспитывать, а моего внука оставьте в покое!

Киев.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Птица семейства фазановых. 4. Часть круга. 7. Город в Свердловской области. 9. Народный поэт Абхазии. 10. Один из Малых Антильских островов. 11. Трагедия Шекспира. 13. Один из дебютов шахматной партии. 14. Озеро на Северо-Сибирской низменности. 15. Порт на юге Индии. 16. Планета. 18. Река, впадающая в Восточно-Сибирское море.. 21. Научно-популярный журнал для старшеклассников. 23. Повесть А. И. Куприна. 24. Советский экономист, академик. 25. Опера П. И. Чайковского. 26. Смычковый музыкальный инструмент.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Учитель, преподаватель. 2. Древнее метательное оружие. 3. Хирургический инструмент. 4. Древнегреческий поэт-драматург. 5. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 6. Летняя пристройка к дому. 7. Вулкан в Восточной Африке. 8. Действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». 11. Ежегодный отдых рабочих и служащих. 12. Строфа из восьми стихов. 15. Река в Канаде. 17. Ранний этап в историческом развитии определенного явления. 19. Известная советская киноактриса. 20. Скульптор автор памятника Минину и Пожарскому в Москве. 22. Спутник Сатурна. 23. Музыкальный лад.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Курчатов. 8. Рубероид. 9. Тагил. 11. Скриб. 13. Матвеев. 15. Воронов. 16. «Коляска». 17. Достоинство. 18. Лакхнау. 20. Брезент. 22. Крейсер. 23. Агаян. 25. Лемма. 26. Дриблинг. 27. Каротель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Губарев. 2. Балл. 3. Швартов. 4. Гротеск. 5. Репс. 6. Лисичка. 10. Интродукция. 12. Красноречие. 13. Минусинск. 14. Вольтметр. 18. Леггорн. 19. Уреньга. 20. Беседка. 21. Тремоло. 24. Наль. 25. Лаос.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 14.03.83. Подписано к печати 29.03.83. А 00648. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 866. Заказ № 278.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Л. Бакст. ПОРТРЕТ С. П. ДЯГИЛЕВА.

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

«Чувство прекрасного есть один из величайших даров природы. Счастлив тот, кто до конца жизни сохранит его в душе». Эти слова, сказанные великой актрисой Ермоловой, невольно звучат в сердце, когда прочтешь двухтомник «Сергей Дягилев и русское искусство». В обеих книгах удивительно четко и зримо видится Дягилев — человек, целиком посвятивший себя служению прекрасному. «Образ Дягилева до того ярок и живуч,— пишет композитор Сергей Прокофьев,— что я еще неясно представляю его ушедшим, но скорее поразило исчезновение громадной и несомненно единственной фигуры, размеры которой увеличиваются по мере того, как она удаляется».

Сергей Павлович Дягилев... Его имя, возможно, мало известно широкому кругу читателей. Зато в специальной искусствоведческой литературе многие годы бытовал некий стереотип «декадента Сержа Дягилева», весьма далекий от оригинала... Спору нет, Дягилев был личность сложная. Но ныне, когда полвека с лишним отделяют нас от его кончины и когда остыл жар газетных полемик и полузабыта ярость «ниспровергателей» Рафаэля, Брюллова, «Мира искусства», а заодно и его создателя Дягилева, само мудрое время раскрывает нам роль Дягилева в процессе развития русской культуры.

«Заслуги Дягилева в области истории русского искусства поистине огромны». Казалось, что эти слова, сказанные давным-давно Игорем Грабарем, достаточно категоричны. Однако инерция отрицания продолжалась достаточно долго, и вот лишь на днях появилось наконец у нас первое издание, в котором ощутимо восстает живая фигура замечательного Художника и Артиста... Судьба Дягилева была непроста. Вот строки, исторгнутые будто из его души. Они едва ли оставят кого-нибудь равнодушными: «Вспомните о нас, «малых сих», для которых вопрос русских культурных побед есть вопрос жизни...»

Двухтомник «С. П. Дягилев и русское искусство» — достойный ответ на этот призыв. Ведь лучший памятник большому деятелю искусства — книга о его творческом пути. Создатели двухтомника И. С. Зильберштейн и В. А. Самков много лет отдали поискам в архивах, разысканию неизданных, малоизвестных материалов, а также публикаций в русской и зарубежной прессе. Было по возможности полно собрано литературно-критическое и эпистолярное наследие самого Дягилева и воспоминания о нем виднейших деятелей нашей культуры. Подавляющее количество этих материалов издается впервые. Чрезвычайно интересны подробные комментарии, включающие уникальные публикации. Все это как бы обрамлено двумястами цветными и тоновыми иллюстрациями, которые зримо воссоздают нам «Мир искусства» в творениях Александра Бенуа, Добужинского, Бакста, Валентина Серова, Рериха, Головина, Лансере и других. Великолепные эскизы костюмов и декораций, портреты Рахманинова, Стравинского, Федора Шаляпина, Анны Павловой, Тамары Карсавиной, Михаила Фокина, Вацлава Нижинского словно переносят нас в начало века, воссоздают непередаваемую атмосферу «Русских сезонов» Дягилева, которыми он буквально потряс Западную Европу, впервые с таким триумфом представляя в Париже русскую оперу, балет, музыку, изобразительное искусство.

В двухтомнике прекрасно раскрывается круг связей С. П. Дягилева. В переписке, вошедшей в книгу, имена крупнейших литераторов, композиторов, художников его времени: Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Я. Брюсова, Марселя Пруста, Р. М. Рильке, А. К. Глазунова, Клода Дебюсси, Н. А. Римского-Корсакова, де Фалья, Джакомо Пуччини, И. Е. Репина, М. А. Врубеля, А. Рябушкина, И. Левитана, Пабло Пикассо...

Когда знакомишься с неутомимой деятельностью Дягилева — «открывателя» шедевров великолепных русских живописцев Левицкого и Рокотова, когда будто проходишь по залам грандиозной, организованной им впервые выставки русского портрета, где он выразил себя как блестящий пропагандист великого классического наследия, и когда, наконец, читаешь его взволнованные, полные глубокого уважения строки, обращенные к Павлу Михайловичу Третьякову и его галерее, то вмиг рассыпается плакатный миф о «декаденте» Дягилеве, который был создан не без усилий вульгарных социологов давно минувших лет.

Дягилев очень высоко оценивал роль художественной критики, считал ее по своей природе самостоятельным художественным творчеством. Он призывал к высокой взыскательности и требовательности: «Надо подняться на высоту Флоренции, чтобы затем судить все нынешнее искусство». Дягилев мечтал о русском Ренессансе, поэтому взывал к творениям великих флорентийцев — Леонардо, Боттичелли и Микеланджело.

Современно, свежо звучат ныне слова, написанные великим Ильей Репиным: «Так широко, грандиозно и с таким несомненным успехом мог поставить дело только большой ум с огромным вкусом и колоссальной инициативой. Роль Дягилева еще впереди...»

Талант в нашей стране рассматривается как народное достояние, поэтому, читая двухтомник, посвященный ему, мы вспоминаем с благодарностью имя Сергея Дягилева, столь порадевшего на ниве русского искусства.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

А. Бенуа. ЭСКИЗ КОСТЮМА К БАЛЕТУ «ЖИЗЕЛЬ».

В. Серов. ИДА РУБИНШТЕЙН.

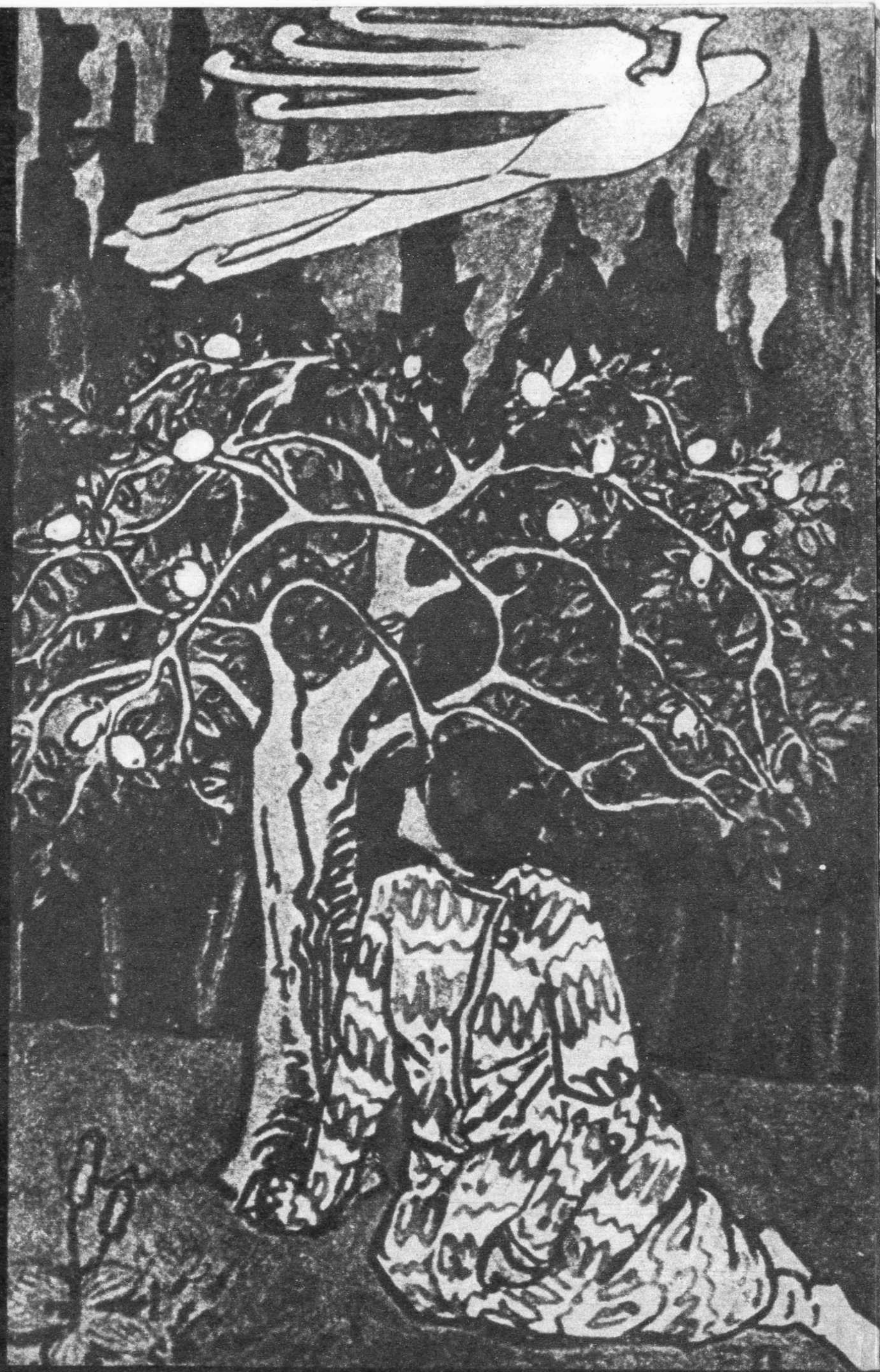
«С. П. Дягилев и русское искусство». В 2-х томах. Составители, авторы вступительной статьи и комментариев И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. Издательство «Изобразительное искусство», 1982.

Л. Бакст. ПОРТРЕТ АННЫ ПАВЛОВОЙ.

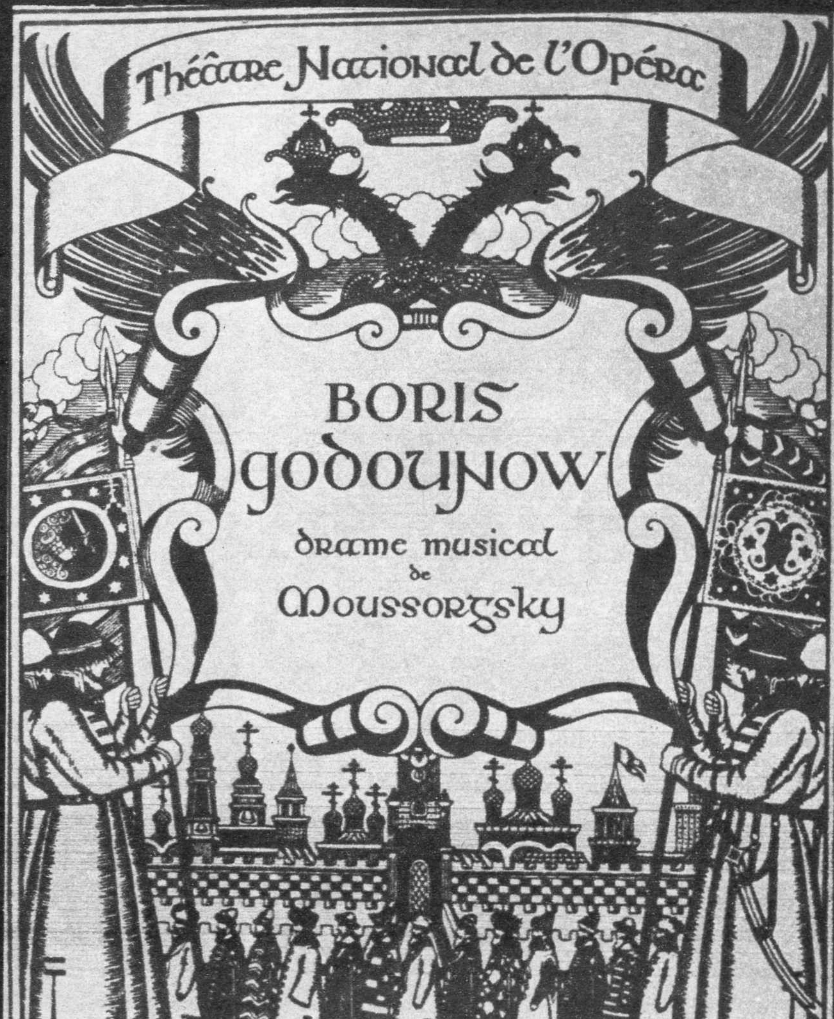
Жорж Барбье. В. НИЖИНСКИЙ И Т. КАРСАВИНА В БАЛЕТЕ «ВИДЕНИЕ РОЗЫ».

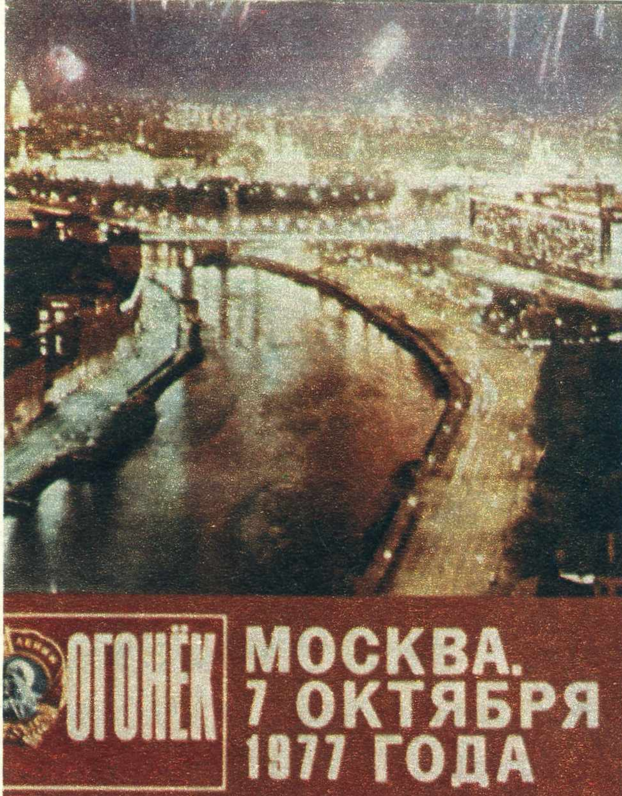

Е. Поленова. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СКАЗКЕ «ИВАНУШКА-ДУРАЧОК».

И. Билибин. ОБЛОЖКА ПРОГРАММЫ ОПЕРЫ «БОРИС ГОДУНОВ».

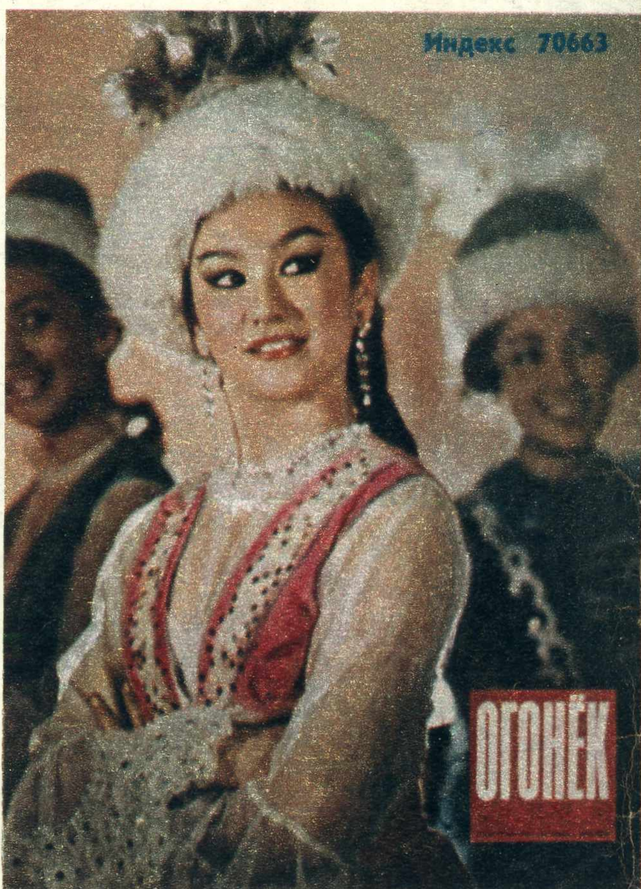

ОГОНЁК

ОГОНЁК
МОСКВА.
7 ОКТЯБРЯ
1977 ГОДА

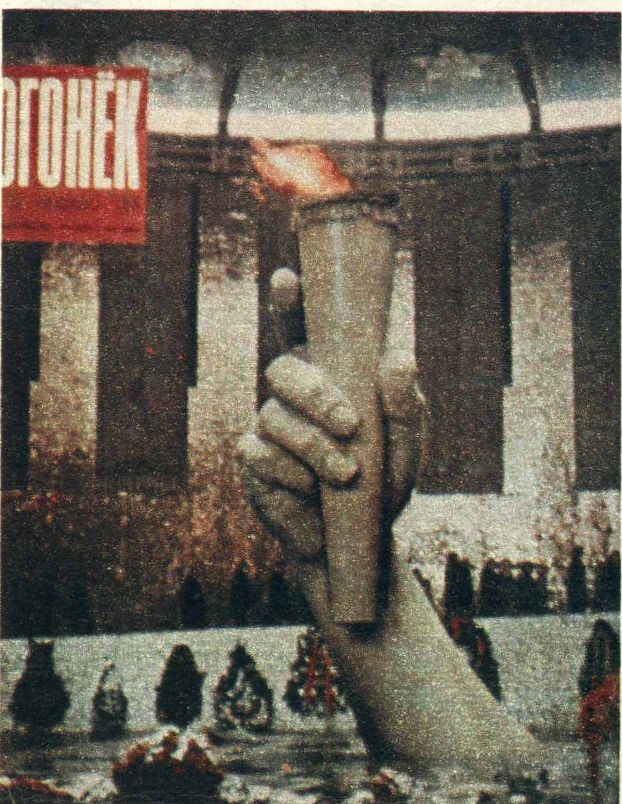

1799-1969
ОГОНЁК

ОГОНЁК

С Новым годом!
ОГОНЁК

Индекс 70663
ОГОНЁК

ОГОНЁК

ОГОНЁК

ОГОНЁК
ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.